

Островский
91 (09с)к
0-72.

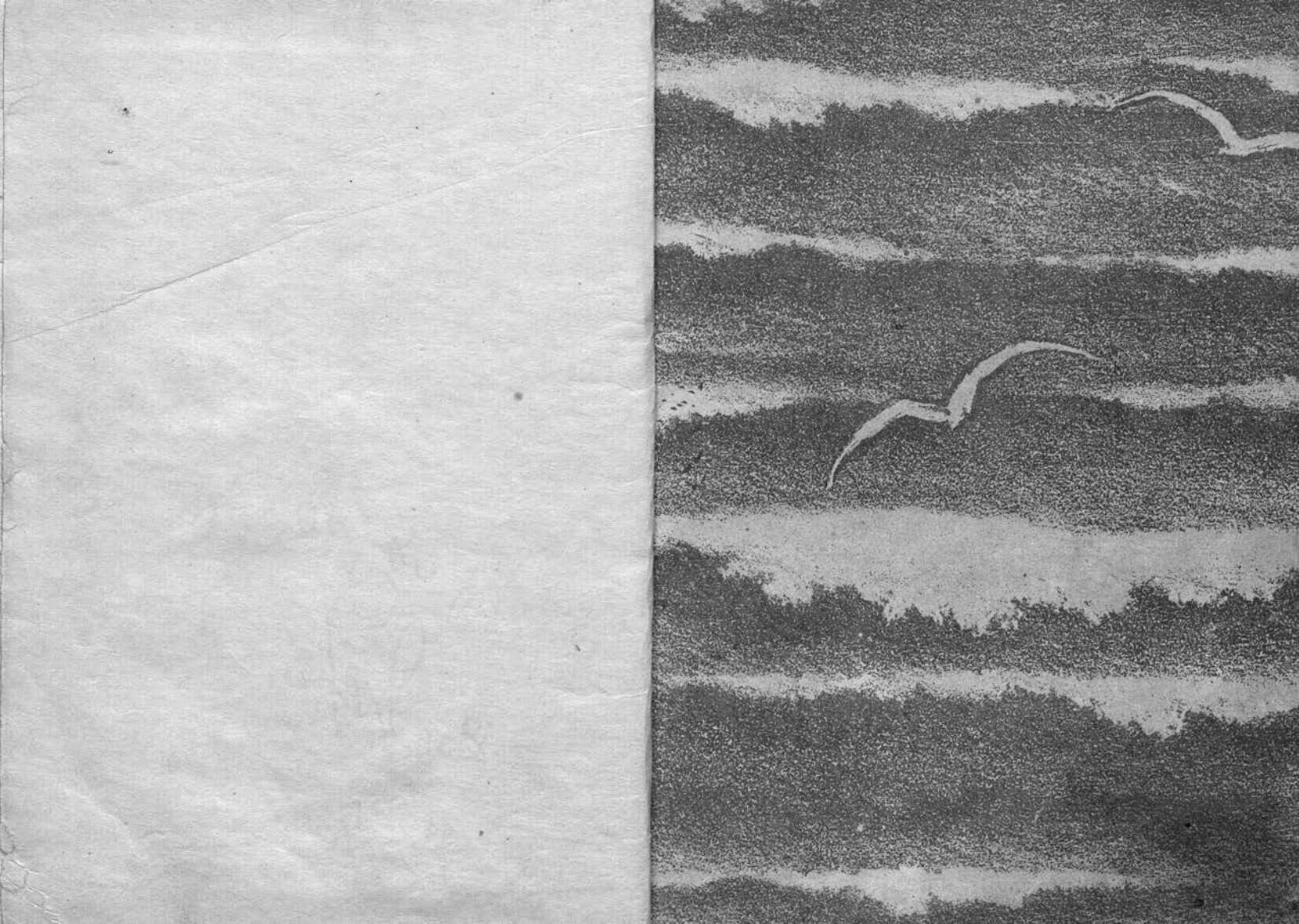
Беринг.

u
23396

K.A.

~~VP~~ 2

Kraeber
VP

К

г. островский 91 (агс)

0-77

БЕРИНГ

1939

Намч. Обл. Б.

23396

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУШИ

ЛЕНИНГРАД 1939

„Хотя почтенный муж сей и плавал через 236 лет после Колумба, но имеет равное с ним право на признательность употребивших его на службу. Беринг открыл им впоследствии новую страну, которая доставила богатый источник промышленности и распространила торговлю и мореплавание Россиян“.

В. Берх.

В биографической литературе Берингу явно не повезло. Имя его, несмотря на его огромные заслуги перед страной и мировой наукой, как это ни странно, до сих пор не принадлежит у нас к числу популярных, всем известных имен, хотя и имеет все основания быть таковым. Берингом как личностью, как объектом для специальной о нем монографии, занимались слишком мало; его биография совершенно не разработана. Деяния Беринга, две замечательных его камчатских экспедиции, как-то поглотили своими неисчислимыми деталями его самого, его личную инициативу организатора и руководителя. Занимались экспе-

дичиями Беринга, но никто не занимался им самим.

Беринг был гуманен и скромен, не умел пользоваться саморекламой и выслуживаться перед начальством, писал он очень мало и кратко. Ему были чужды внешне показные, эффектные черты трафаретного «героя», он не любил рисковать и действовал всегда крайне обдуманно и, быть может, иногда излишне осторожно. С легкой руки А. Соколова, за Берингом утвердилось поэтому репутация нерешительного и вялого человека, выдвинутого на широкую арену истории, так сказать, случайными обстоятельствами. Этот взгляд совершенно несостоятелен, и автор настоящей книги полагает, что последующие строки разубедят всякого в правильности мнения Соколова. Быть может, человек иного темперамента, излишне крутой, не обладавший поразительным терпением Беринга и его тактом в обращении с подчиненными, не выполнил бы и десятой доли свершенных Берингом дел. Мы полагаем, что после нашей подробной характеристики личности Беринга и оценки его экспедиций, которые мы дадим в настоящей книге, «читатели определят сами, какого уважения достоин сей отличный муж».

Беринг приехал в Россию в 1704 году, когда ему было всего лишь двадцать три года, через год после основания Петербурга, в разгар петровских реформ, всколыхнувших всю страну. Беринг жил, работал и развивался в новых для него условиях петровской России. Беринг был свидетелем замечательной стройки. Он прошел в русском флоте службу с самого ее начала, участвуя во всех тогдашних морских предприя-

тиях. Беринг был лично известен Петру как энергичный, смелый и образованный человек. Невозможно поэтому ни понять личности Беринга, ни дать справедливой оценки выполненного им дела вне преобразовательных реформ петровской эпохи, в частности — создания русского флота. Это особенно касается Первой камчатской экспедиции Беринга, разрешившей вопрос, столь волновавший Петра, о существовании пролива между Азией и Америкой. Вторая Камчатская экспедиция, Великая северная, осуществленная в правление Анны Иоанновны, в несколько иной политической атмосфере, является во многом лишь продолжением первой экспедиции Беринга. Касаясь некоторых моментов биографии Беринга, нам пришлось поэтому изобразить их на фоне важнейших событий того времени, главным образом, связанных с деятельностью флота и созданием Петербурга — отправного пункта и краеугольного камня почти всех петровских исканий, города, в котором провел столько лет Беринг.

Попытка автора воссоздать подлинный облик «первого русского мореплавателя» встречает значительные препятствия ввиду отсутствия подчас самого необходимого материала. Достаточно сказать, что весь двадцатилетний «докамчатский» период службы Беринга в русском военном флоте исчерпывается несколькими приказами о нем по флоту и сообщениями, где вскользь упоминается о нем. Не осталось даже портрета Беринга. Еще менее известно о его жизни и деятельности на родине, до приезда в Россию, когда он служил в датском флоте, о его плавании в Ост-Индию. Здесь не помогли даже и датские источники, которыми пользовался автор. Зато благодаря

этим источникам удалось впервые опубликовать в русской печати краткие сведения о происхождении Беринга и его родословной. Безусловно, в отношении такой личности как Беринг, столь бедной биографическими данными, всякая деталь о его жизни представляет большой интерес.

Чем дальше прослеживаем мы жизнь Беринга, тем больше оказывается в нашем распоряжении материалов. Уже его Первая камчатская экспедиция, несмотря на утрату подлинных журналов Беринга, дает нам возможность восстановить довольно яркую картину этого труднейшего в истории географической науки путешествия. Что же касается знаменитой Великой северной экспедиции, главного жизненного подвига Беринга, то неразработанных материалов здесь достаточно для специального обширного исследования.

Если обе камчатские экспедиции Беринга явились прологом, основной предпосылкой ко всему последующему более углубленному изучению арктических областей Европы и Азии и косвенным образом к освоению Северного морского пути, то самого Беринга по праву следует считать основоположником культурного, политического и экономического развития нашей дальней северо-восточной окраины.

Не забудем также, что Великая северная экспедиция, осуществленная по идее и инициативе Беринга, о котором еще Словцов, известный историк Сибири, заметил, что никак нельзя было предположить тотчас после окончания экспедиции, сколько «благоприятных последствий» она породит, воспитала и дала стране таких моряков, как Малыгин, Челюскин, братья Лаптевы, Прон-

чищев и другие. Полная глубоко трагических, волнующих моментов и самых разнообразных приключений, эта экспедиция навсегда останется замечательным памятником человеческой энергии, упорства и настойчивости. Воспитательное значение ее несомненно.

Настоящую книгу следует рассматривать, прежде всего как попытку воссоздать подлинный, так часто искажаемый облик «первого русского мореплавателя», как это ни удивительно, до сего времени не достаточно еще оцененного. Несмотря на то, что Беринг был иностранцем по происхождению, он по праву должен считаться одним из крупнейших русских деятелей. Он заслужил это право своей самоотверженной, неутомимой тридцатисемилетней работой в России и близостью к русскому народу.

Появление в настоящее время биографии Беринга тем более своевременно, что со времени Великой северной экспедиции, возглавлявшейся им, истекло ныне 200 лет.

Чтобы понять как следует и оценить вполне объективно все огромное историческое, государственное, научное и экономическое значение камчатских экспедиций Беринга в жизни нашей страны, мы должны припомнить в самых кратких чертах главнейших деятелей — предшественников Беринга — по завоеванию и исследованию дальне-сибирских окраин.

Бекетов, Стадухин, Корытов, — эти незаурядные и энергичные люди — способствовали тому, что уже через пятьдесят лет после первого смелого натиска на Сибирь Ермака русские, весьма умело используя географические особенности страны и подходящую к местным усло-

виям технику, достигли, наконец, далекого восточного предела Азии, т. е. вышли к берегам Охотского моря, и тем самым подготовили путь к дальнейшим нашим сибирским экспедициям, в частности к экспедициям Беринга.

В 1596 году русские достигают реки Кети в 1604 году основывается возле Оби город Томск. В 1610 году они у устья Енисея, а восемнадцать лет спустя на берегах Лены. Запасшись продовольствием, оружием, порохом и свинцом, землепроходцы шли партиями в неведомую страну неустанно охотясь и облагая данью встречавшиеся им по дороге мелкие племена, а в случае оказываемого им сопротивления употребляли силу. Инициатор предприятия, став во главе небольшого, но достаточно дисциплинированного отряда, становился обыкновенно и его атаманом. Обычно отряд сопровождали один или несколько торговцев, они скупали меха и продавали русские товары или попросту производили товарообмен; еще следовал писарь, на обязанность которого возлагалось составление отписных грамот в Москву. При значительном составе отряда забирался и священник, ибо «нельзя же было христианским душам умирать без причастия среди бусурманов». Пройдя значительное расстояние и достигнув «привалочного места» обычно достаточно широкой долины на берегу реки, останавливались, разбивали лагерь и принимались строить зимовье либо же острог, а то и целый поселок. Таким образом, расширяясь с временем все более и более, возник целый ряд крупных сибирских городов, через которые следовал теперь, держа путь на восток, Беринг. Переселение в Сибирь и торговля с туземцами

сделались теперь совершенно свободными, что, конечно, облегчало приток сюда населения и завоевателей. Переселенцам оказывались различные льготы, вскоре была учреждена и почта. Подъяческий элемент, с его притязаниями во все вмешиваться и все регулировать, был вовсе чужд первому веку завоевания Сибири и даже при Петре Первом не пользовался здесь популярностью.

Не имея возможности, за недостатком времени, коснуться хотя бы вкратце всех известных истории походов русских к берегам Ледовитого и Тихого океанов, остановимся вкратце лишь на некоторых из них, наиболее замечательных.

В 1632 году сотник Петр Бекетов, спустившись по Лене на 670 километров от нынешнего Якутска, заложил Якутский острог. Заручившись полномочиями из Тобольска, Иван Корытов в этом же году проникает с партией казаков из Мангазеи через Вилюй на Лену.

Казацкий десятник Елисей Буза, посланный в 1636 году из Енисейска для обследования рек, текущих в Ледовитый океан, спускается по Лене и, пройдя морем на запад до устья реки Оленека, закладывает Оленекский острог. На следующий год он выходит сухим путем на Лену к устью реки Молоды, строит там кочи, спускается к морю и, подойдя к устью реки Омоя сухим путем, достигает Яны. Путешествие это продолжается пять лет. Испытав в пути много тягостей и лишений, он в 1642 году возвращается в Якутск, где и сообщает о встреченных им племенах: тунгусах и юкагирах. Буза дал довольно обстоятельные сведения о посещенных им местностях и о найденных ископаемых богатствах, между про-

чим о серебряной руде. Он доставил также богатый транспорт мехов, которыми тунгусы и юкагиры выплачивали ясак.¹

Поход Ивана Москвитина, продолжавшийся с 1638 до 1642 года, особенно интересен потому, что доставил нам первые сведения об Амуре, следствием чего явилось снаряжение туда якутскими властями специальной экспедиции. Москвитин с 31 казаком, поднявшись вверх по реке Мае и притоку ее Нюдьме, переправился в верховья реки Улии, после чего устремился по ней к берегам Восточного океана, где и поставил ясачное зимовье. В 1640 году Москвитин снарядил на север к берегам Охотского моря отряд казаков на разведку, сам же отправился вдоль берега на юг. Казаки достигли устья реки Таут, сам же он добрался до устья реки Уди, после чего вернулся в Якутск, доставив интересные сведения об Амуре.

Совершенно справедливо замечает Л. С. Берг,² что героический поход неустрашимого Василия Пояркова по неизвестной реке и по холодному неизведанному морю невольно вызывает наше изумление. Отправленный летом 1643 года «на Вию и Шилку-реку», Поярков добрался до места, где впоследствии был заложен город Благовещенск, затем, спустившись отсюда к устью Амура, он остался там на зимовку. Перезимовав, весной поплыл к берегам Охотского моря, где и застал

людей из отряда Москвитина. Встреча эта произошла на реке Улии после трехмесячного плавания по совершенно неизвестной реке. Наступившая зима прервала до весны дальнейший поход. Весною Поярков, перевалив горы, возвратился по Мае и Алдану в Якутск лишь с 33 казаками. За три года своего похода он потерял более ста человек.

Поход Пояркова замечателен, главным образом, тем, что доставил нам ценнейшие географические данные; с исключительным рвением осуществлял он преподанную ему инструкцию, в которой ему дано было следующее, весьма характерное для того времени предписание: «И на Зее реке будучи ему, Василью, спрашивать всяких иноземцев накрепко про сторонние реки падучие, которые в Зею реку пали, какие люди по тем сторонним рекам живут, седячие или кочевные и хлеб у них и иная какая угода есть ли, что то иноземцы в распросе скажут, и то записывать именно. И чертеж и роспись дороги своей и волоку и Зее и Шилке реке, и падучим в них рекам и угодьям, прислать в Якутский острог, вместе с ясачною казною; и чертеж и роспись прислать всему за своею Васильевою рукою».

Интерес к великой нашей сибирской окраине, главным образом к выходу в Восточное море, возрастал из года в год. Возвратившись домой, Поярков в целости доставил маршруты всего пройденного им пути и дал подробный отчет о совершенном им трехлетнем походе. Пояркова следует считать первым европейцем, совершившим с научной целью плавание по Амуру к Охотскому морю. Ему принадлежит также честь открытия расположенных недалеко от Сахалина Шантар-

¹ Так называлась дани, взимаемая с туземцев натурой, чаще всего мехами. «Сия дань, — повествует современник, — взималась соболями, лисицами, бобрами, песцами, горностаями, рысью, белкою и зайцами лучшего разбора».

² Л. С. Берг, Открытия русских в Тихом океане, Ленинград, 1926 г.

ских островов. Самого Сахалина русские, однако, не увидели. Сахалин был открыт за три года до этого голландцем Гарритцом де Фризом, от которого, впрочем, ускользнула островная природа Сахалина.

Далее, эпоха великих открытий русских в Сибири останавливает наше внимание на известном походе казацкого десятника и северного морехода Михаила Стадухина. В 1647 году он отправился сухим путем из Колымы на Анадырь и отсюда пробрался на реку Пенжинку, о которой замечает, что эта «река безлесная, а людей по ней живет много род, слынут коряки». Затем он прошел на реку Гижигу, откуда морем к реке Тавуй, где познакомился с тунгусами, и закончил свое путешествие рекой Охотой. В своем донесении Стадухин сообщает об увиденном им во время плавания большом острове в Ледовитом океане к востоку от Колымы. Ему принадлежит также заслуга первых сведений о новом, неизвестном народе — чукчах. Он же основал Нижнеколымский острог.

Через пролив, отделяющий Азию от Америки, впервые прошел якутский казак Семен Дежнев, родом из Великого Устюга. Выйдя летом 1648 года из устья реки Колымы для отыскания Анадыри, он обошел громадный полуостров, образующий северо-восточный угол Азии, и проник в пролив, получивший впоследствии наименование Берингова. Дежнев достиг в том же году устья реки Анадыри, которую искал и которая оказалась на восточном берегу континента.

Но достиг Анадыри Дежнев не сразу, сильной бурей его утлое суденышко было отнесено много южнее устья, откуда ему пришлось идти пешком

свыше десяти недель. Перезимовав, летом следующего года Дежнев построил здесь зимовье, впоследствии ставшее Анадырским острогом.

Огибая Большой Каменный Нос, впоследствии переименованный в мыс его имени, Дежнев встречал на берегу эскимосов, которых принял за чукчей; он высаживался также на расположенные в проливе острова, названные Берингом островами Св. Диомиды, и видел здесь тех же аборигенов Севера: «а на тех островах,—сообщал Дежнев,—живут чукчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбой зуб». Из этого сообщения вполне определенно можно заключить, что и здесь Дежнев принял за чукчей эскимосов, так как чукчи никогда не уродуют своих зубов и губ, что составляет, наоборот, обычай у эскимосов.

Первостепенной важности географическое открытие Семена Дежнева постигла своеобразная судьба, что весьма характерно для того времени. Отчеты о замечательном плавании Дежнева побились на пыльных полках якутского архива в течение целых 88 лет, не обращая на себя ничего внимания. Его подвиг оставался неизвестным и для его современников. Неизвестно, какая судьба постигла бы его отчеты, если бы якутским архивом не заинтересовался участник Великой северной экспедиции Беринга знаменитый Гергардт Фридрих Миллер (1705—1783). Он извлек из-под сукна знаменитые отчеты Дежнева и огласил их в своих «*Sammlung russischer Geschichte*». Лишь в 1898 году «Восточный мыс», т. е. самый восточный пункт Азии, вдающийся наиболее глубоко в Берингов пролив, был назван мысом Дежнева.

Из всех восточных окраин Сибири прикрепленная к азиатскому матерiku в виде объемистого

привеска величиною с Италию Камчатка — конечный пункт сухопутных экспедиций Беринга — значительно позже стала объектом исследования. Окруженная океаном и только посредством узкого перешейка соединенная с материком, Камчатка долгое время считалась соприкасающейся почти вплотную с Японией.

Впервые весьма недостоверные сведения о Камчатке были получены русскими в середине XVII столетия от коряков. Через несколько десятков лет заинтересовавшийся нашей новой окраиной приказчик Анадырского округа пятидесятник Владимир Атласов посылает в 1696 году 16 казаков со старшим Морозко в южном направлении к корякам на реку Опуку. Но Морозко проникает гораздо дальше и достигает реки Тигиля. На следующий год из Анадырска выступает на юг сам Атласов во главе отряда из 120 казаков. От устья реки Пенжины шли две недели на оленях по западному берегу Камчатки, после чего повернули на восток и вышли к берегам океана. Здесь Атласов разделил свой отряд на две партии, приказав одной идти по восточному берегу Камчатки, сам же отправился западным берегом и в июле 1697 года достиг реки Камчатки, где и произошло первое знакомство русских с камчадалами. Дойдя затем до реки Голыгиной (на юг от Большерецка), Атласов через реку Ичу возвратился в 1699 году домой, т. е. в Анадырск. Атласов по справедливости считается первым исследователем и бескровным покорителем Камчатки, присоединенной с той поры к территории России. Большой заслугой Атласова является оставленное им превосходное и удивительно точное по тому времени географическое описание Камчатки.

С той поры Камчатка уже не остается без внимания. По стопам Владимира Атласова в начале XVIII столетия направляются сюда и другие казачьи начальники и постепенно сооружают здесь ряд острогов по восточному берегу Камчатки, а также и на западной ее стороне в устье реки Большой. Между прочим, казаки не раз находили здесь потерпевших крушение японских рыбаков, а также и японские рукописи. Сам же Атласов «на море видел как бы остров есть»; повидимому, он наблюдал самый северный из Курильских островов — остров Алзид.

Рассказы камчадалов, с которыми русские вступали во все более тесные сношения, о том, что их земля простирается еще дальше на юг, привели к убеждению, что Камчатка доходит до самой Японии. Постепенно, побеждая многочисленные препятствия, русские наконец в 1706 году достигли крайней южной оконечности Камчатки, мыса Лопатки, откуда их взорам открылась гряда Курильских островов, крайний из которых был замечен, как мы видели, еще Атласовым. Вперед, вперед к новым землям и странам — вот, повидимому, лозунг, никогда не оставлявший с тех пор наших отважных исследователей. После сделанных открытий, еще не освоив и не изучив только что приобретенных земель, русские направились к Курильским островам и стали продвигаться к Японии. Обогнув с моря Чукотскую землю и покорив Камчатку, русские явились обладателями всего огромного побережья восточной оконечности Старого Света, иными словами, к началу XVIII столетия они владели береговой линией протяжением в 2200 километров! В 1711 году Козыревский, совершив успешное плавание вдоль цепи Куриль-

ских островов, сообщил об этом в Москву и представил подробные чертежи посещенных им островов вплоть до самой Японии.

После всех этих смелых исследований дальне-сибирских окраин русские очутились у берегов Америки и Японии. Необходимо было ознакомиться и с этими соседними нам странами. И эту великую в истории нашей родины миссию выполнили экспедиции Беринга.

1. НАЧАЛО МОРСКОЙ КАРЬЕРЫ БЕРИНГА. „ДОКАМЧАТСКИЙ“ ПЕРИОД СЛУЖБЫ БЕРИНГА В РУССКОМ ВОЕННОМ ФЛОТЕ

То было удивительное время петровских преобразований. Петр Первый строил новую Россию. Всюду в стране совершались такие глубокие, всеобъемлющие и быстрые перемены, каких не видел до того времени ни один век, ни одна страна.

«Россия не государство, а часть света», — говорил Петр и прилагал соответствующий масштаб ко всем своим начинаниям. Ломались вековые устои, пробуждались промадные, таившиеся под спудом столько веков народные силы, повсюду кипела удесятеренная деятельность сотен тысяч людей. Лик страны преображался с каждым годом. Справедливо замечено, что петровская преобразовательная эпоха составляет в русской истории тот жизненный узел, где сходятся все нити нашего древнего развития и откуда начинаются его новые пути, новая русская история. Необходимо помнить также, что петровские реформы протекали в недоброжелательной атмосфере векового противодействия Европы нарождающейся могучей силе на востоке. Особенно были озлоблены шведы, находившиеся в непосредствен-

ной близости от только что возникшего Петербурга и угрожавшие ему в течение целых двадцати лет.

Петровская эпоха была переходной. Само собой разумеется, что в такое время всякое начинание, всякое новаторское предприятие, связанное с поиском новых путей и риском, нередко оказывается вдвойне трудным и тяжелым как для его инициатора, так и для всех лиц, призванных осуществить его. И таковыми, с полным правом мы можем сказать это, были труднейшие камчатские экспедиции и роль в них их начальника Беринга, осуществлявшего дело, не имевшее еще прецедента в мировой истории, самыми примитивными с технической стороны средствами, в большинстве случаев изыскиваемыми им же самим. В этом трагедия Беринга, но вместе и все его величие.

Неудержимая страсть Петра к морю и морским похождениям, почти с детских лет развившаяся в нем, несмотря на то, что на стоверстном протяжении вокруг подмосковного села Преображенского, где рос будущий царь, не было даже и порядочного озера, не ослабевала в нем в течение всей его жизни. Наоборот, это влечение к водной стихии еще больше усилилось, когда Петр, сделавшись царем, с небывалой энергией принялся за стройку новой России. Море явилось для него как бы фокусом, в котором сознательно или бессознательно сосредоточились все его надежды и мечты приобщить родную страну к европейской культуре. Он осознал вполне, что только море может стать проводником культурной связи с зарубежными странами. Море безмерно расширило кругозор Петра, приучило его к мысли о не-

измеримых расстояниях, о водной связи со всем миром. Петр хорошо осознал, какой крупный шаг вперед по пути прогресса делает каждый народ с того момента, когда он приобщается к морю. Добиться выхода на запад, пробиться всеми силами к наиболее близкому для связи с Западной Европой Балтийскому морю, чтобы наладить свободное общение со всеми культурными народами, осуществить исконное стремление Руси — достигнуть естественных южных границ, т. е. выйти к Черному морю и тем самым обеспечить свой тыл и фланг на случай борьбы с турками, а впоследствии, когда все это удастся, наладить связь со всем миром, с Африкой, Америкой и Японией, — таковы были этапы петровских устремлений, которые он почти полностью сумел осуществить. И, скажем здесь же, во всех этих морских походах принимал ближайшее участие, а впоследствии являлся начальником зарубежных экспедиций — Беринг.

Так был задуман флот. Петр хорошо понял, что право на море он сможет себе обеспечить только вооруженной силой. Но на родине — безрадостная картина. Здесь нет не только опытных, знающих корабельщиков, но и ничего даже самого необходимого из предметов судового снаряжения. Одного лишь леса в изобилии, все же прочее, т. е. канаты, парусину, плотничьи инструменты и даже гвозди, все это приходится привозить из-за границы. О настоящих, образованных моряках и говорить нечего — их вовсе не было на Руси. И царь решает лично ознакомиться с искусством мореплавания и кораблестроением. С Переяславского озера он переносит свою деятельность на Белое море: он едет зна-

комиться с морем и зарубежными моряками в единственный тогда в стране морской порт — Архангельск. Только оттуда пока доступен путь в Европу, только там можно повидать настоящее море. В 1693 году Петр в Архангельске. Здесь он застает много мореходов и купцов, в числе их немало иностранцев; с оживлением беседует с ними царь, расспрашивая об их торговых делах, о плавании, о море. Он с интересом, вникая во все детали, осматривает местную верфь, на которой сооружается первый военный русский корабль, двадцатичетырехпушечный фрегат «Апостол Павел». Другой корабль, значительно меньший по размерам, специально для него построенная двенадцатипушечная яхта «Св. Петр», уже готов к плаванию самого царя. Вместе с целой флотилией возвращающихся домой иностранных купцов Петр отправляется в первое свое морское плавание, имевшее такое огромное значение в жизни страны.

Вскоре в Соломбале¹ были закончены постройки еще шесть больших кораблей. С этого времени Архангельский порт становится центром русского судостроения военных и торговых кораблей не только для северных вод, но впоследствии также и для Балтийского моря. Через несколько лет застаем мы здесь и Беринга. Ему дается Петром ответственное поручение — доставить один из сооруженных здесь для Балтийского моря кораблей в Кронштадт.

Неудача Петра в 1695 году под Азовом, где

¹ Соломбала — предместье города Архангельска, на низменном Соломбальском острове, образуемом протоками реки Северной Двины.

его игрушечная, наскоро сколоченная флотилия несколько не устрасила турок, заставила его еще основательнее взяться за отечественное кораблестроение. В следующем, 1696 году снова поход на Азов, в битве участвуют вновь сооруженные 22 галеры и 4 брандера, кроме того сюда переправляется сорокатысячная армия. На этот раз Азов общими усилиями армии и флота был отрезан от турецких вспомогательных сил и занят. Взятием крепости Петр был прежде всего обязан специальным познаниям приглашенных им из-за границы иностранных офицеров. С той поры иностранный опыт стал еще усерднее насаждаться в России, с целью же лично ознакомиться на практике с зарубежным кораблестроением задумал совершить поездку за границу и сам царь.

Пребывание Петра в Голландии отмечается одной встречей, имевшей большие результаты. Речь идет о выдающемся впоследствии сподвижнике, петровском капитане голландского флота Корниле Крюйсе (Cruys), впоследствии «обрусевшем норвежце голландской службы», с которым Петр познакомился здесь, «полюбил его и принял в службу вице-адмиралом». «Знаменитый муж сей, — повествует его биограф, — достойный по всей справедливости имени образователя российских флотов, был принят в службу нашу Петром Первым в 1697 году в Амстердаме, имея 40 лет от роду. Из писем его можно только уразуметь, что он бывал несколько раз в Индии, Америке и Средиземном море. Прослужив в голландском флоте много лет, обогатился он разными сведениями, по словам современников был человек со всеобщими сведениями, одарен необычно-

венной деятельностью и всеобщим умом».¹ Для нашей темы Крюйс интересен как инициатор приглашения в числе прочих иностранцев на русскую службу Витуса Беринга. Крюйс был командирован Петром в ряд зарубежных стран с целью приискать и «нанять» на службу в русский военный флот наиболее искусных и опытных мореходов следующих специальностей: 3 корабельных капитанов, 23 командиров, 35 поручиков, 32 штурманов и подштурманов, 50 лекарей, 66 боцманов, 15 констапелей, 345 матросов и 4 коков. В числе новой партии «нанятых» Крюйсом летом 1704 года в Копенгагене моряков оказались датской службы офицеры, природные датчане Сиверс² и Беринг.

Датский период жизни Беринга, пожалуй, наиболее скудная по сведениям страница в его биографии. Даже датчане, сумевшие со временем по достоинству оценить своего соотечественника и потратившие немало усилий на восстановление облика юноши Беринга, немного смогли бы рассказать нам. И это немногое сводится к следующему.

Наш мореплаватель родился летом 1681 года в Дании, в Хорсенсе. При крещении, состоявшемся 12 августа, он получил в честь неведомой нам «гордости рода и самого замечательного из Берингов» имя Витус. От отца же Ионаса Свендсена он унаследовал его имя, так что полное имя моряка было: Витус Ионас Беринг (Vitus Jonassen

Bering). Любопытно, что Берингу была присвоена фамилия не его отца, Свендсена, человека небогатого и отнюдь не знатного, а матери, второй жены Свендсена, Анны Беринг (Anna Pedersdatter Bering), происходившей из известного в Дании рода Берингов, занимавшего в стране в XVII и XVIII столетиях не мало судейских и пасторских должностей. Родоначальником же фамилии Берингов был некий Иенс Мадсен Беринг, живший в половине XVI века бюргером в Виборге¹ в своем имении Бьёринг, откуда и произошла фамилия Беринг.

Отец Беринга, Ионас Свендсен, в течение ряда лет занимал в Хорсенсе место церковного старосты местной приходской церкви и был близко связан с начальствующими лицами города. Сколько детей было у отца Витуса Беринга, — неизвестно. Во всяком случае сохранились сведения, что их было много, и от первого брака и от второго, и один из сыновей причинил ему много хлопот и неприятностей и был отправлен в Ост-Индию. Упоминаем мы об этом обстоятельстве потому, что через некоторое время, повидимому не без влияния его, туда же отплыл и Витус.

В 1719 году престарелые и больные родители Беринга передали детям все свое имущество в виде разрушающегося имения, а также скопленные сбережения. Ренту в 114 риксталлеров Витус впоследствии пожертвовал родному городу.

¹ Виборг (Viborg) — небольшая область, занимающая часть округов Виборгского и Аалъборг. Главный город округа — Виборг, около озера того же имени, является одним из древнейших городов, долгое время служившим местом избрания ютландских, а затем и датских королей. Уже будучи на службе в России, Беринг посещал Виборг.

¹ Жизнеописание первых российских адмиралов или истории Российского флота. Жизнеописание Корнелия Ивановича Крюйса. СПб., 1831 г., ч. I.

² Впоследствии известный русский адмирал.

Между тем Беринг находился уже в таком возрасте, когда необходимо было подумать о выборе специальности. Кончилось привольное детство, наступала трудовая пора жизни. Влечение к морю, жажда путешествий в дальние страны, смелый, открытый характер — все это способствовало воспитанию в нем отважных качеств моряка. И он стал таковым. Уже его первое плавание матросом в Ост-Индию, из которого он возвратился в 1703 году в Амстердам, показало, что он может стать хорошим моряком дальнего плавания и иной карьеры для него не существует.

Здесь, в Амстердаме, и произошла его первая встреча с адмиралом Крюйсом, пользовавшимся большим доверием Петра Первого. Крюйс быстро распознал в Беринге дельного моряка и предложил ему поступить на службу в русский военный флот. И Беринг принял это предложение Крюйса. Двадцатидвухлетним молодым человеком прибыл он в новую для него страну, которой и отдал все свои силы, опыт и знания и где ему было суждено пройти такую суровую и многотрудную школу, полную кипучей деятельности, испытаний и бед. Он пробыл в России 37 лет, т. е. почти две трети своей жизни, плавал во всех русских морях, участвовал во всех петровских морских походах и увенчал свою карьеру делом, которое может быть поставлено наряду с величайшими географическими предприятиями всех времен, делом, имевшим такие огромные последствия для России.

Итак, Беринг в Петербурге. После благоустроенных и веселых датских и голландских городов вряд ли Беринг чувствовал себя особенно уютно в новом городе новой для него страны,

в грязном, темном Питере. Особенно тоскливо бывало здесь в позднюю дождливую осень, когда ветер гнал с моря гнилую душную муть и в воздухе пахло землей и гнилыми листьями. Причиняли много беспокойств и частые здесь наводнения.

Если вначале Беринга и смущали мысли вернуться на родину, то чем больше он знакомился со страной и русскими людьми, тем решительнее отпадало это намерение, и он навсегда остался в России. В 1724 году Беринг праздновал двадцатилетие своей службы в русском военном флоте.

Надо полагать, что и на первых порах он не чувствовал себя в России особенно одиноким, — ведь здесь было много его соотечественников, командирами русских кораблей тогда были исключительно иностранцы, на улицах все чаще раздавалась иностранная речь, все больше прививались разные иностранные привычки. Беринг быстро освоился и с русской речью и с русскими нравами. Во всех официальных приказах по флоту его именуют Витусом Берингом, в быту же сослуживцы, товарищи и знакомые величают его не иначе, как Иваном Ивановичем, полагая, повидимому, что имя его отца Ионас соответствует по-русски Ивану. Поселился Беринг в Петербурге.

Первоначальная, «докамчатская» история службы Беринга в нашем флоте темна и немногоречива, как немногоречив был и сам Беринг. В нашем распоряжении имеется чрезвычайно мало материалов из этой эпохи жизни Беринга, и ограничиваются они почти исключительно официальными приказами и справками о назначениях Беринга в плавание на те или иные корабли

или о его движении по службе. Столь скудные сведения за целые двадцать лет объясняются, надо полагать, тем, что Беринг за это время ничем особенным не отличился или, вернее, не представился к тому случай.

Беринг издавна слыл во флоте моряком весьма дельным, исполнительным, тактичным в обращении с подчиненными и, конечно, честным. Таким знал Беринга пригласивший его к нам Крюйс, сам Петр, таким знала его Адмиралтейств-коллегия, не особенно, впрочем, к нему благоволившая, повидимому вследствие несколько скрытного, необщительного характера Беринга и неумения его выступать перед начальством.

Недостающие нам сведения о первоначальной службе Беринга во флоте мы попытаемся до некоторой степени восполнить изображением той обстановки и атмосферы, в которых приходилось Берингу подвигаться, не слишком быстро, по служебной лестнице.

В официальной справке о принятии Беринга на службу сказано: «Принят в Российскую службу по просьбе Вице-Адмирала Крюйса из датчан в 1704 году с чином унтер-лейтенанта». Из списков же плававших в 1705 году в Балтийском море судов узнаем, что Беринг в этом году командовал шкутою № 1, на которой возил строевой лес к острову Котлину. На этом пустынном и необитаемом до того островке, расположенном в двадцати пяти верстах от Петербурга и носившем название Ретусари, Петр создавал сильную «фортецию», или крепость для защиты Петербурга с моря. Так возникла крепость Кронштадт, впоследствии главная база Балтийского флота, туда же переселился со временем и Беринг, принимавший

участие в военных действиях на море против шведов.

К этому времени относится крупное событие в жизни Балтийского флота — закладка в 1705 году в Петербурге Адмиралтейства. Нередко, следя за постройкой корабля, которым он должен был командовать, посещал Адмиралтейство и Беринг; его интересовали как моряка и прочие корабли и их постройка. Вначале здесь не сооружали крупных судов, — постройка таких судов производилась тогда на Свири. Лишь в 1712 году была спущена на воду сооруженная в Петербурге пятидесятипушечная «Полтава»; постройка ее длилась два с половиной года. В 1717 году был спущен еще более крупный корабль, девяностопушечный «Старый Дуб». В 1710 году Балтийский флот насчитывал уже 12 фрегатов, 8 галер, 2 бомбардир-галиота и 6 прочих кораблей, помимо этого несколько мелких судов. В 1718 году, по словам Вебера, флот состоял из 40 крупных кораблей и 300 галер. К концу царствования Петра Балтийский флот заключал в себе более 400 единиц при 14 960 матросах и 2106 пушках.

Однако большое количество судов петровского флота не должно вводить нас в заблуждение. Суда того времени, все эти двухдонные и трехдонные фрегаты, гекботы, шнявы, корабли бомбардирские, бригантины, галеры, яхты, галиоты, боты, флейты и т. д., отнюдь не отличались высокими мореходными и боевыми качествами. Они имели массу дефектов, с современной точки зрения совершенно недопустимых и приводивших подчас к немалым бедствиям во время плаванья или сражения. Суда обычно были малого водоизмещения, осадка не соответство-

вала расчетам, оказываясь то слишком малой, то, наоборот, большой, имели большой дрейф, рангоут был слаб, множество всяческих ненужных надстроек мешали управлению парусами и артиллерией, орудия были размещены на судах крайне неудобно, порох был крайне плохого качества, судовые каюты тесны и не удовлетворяли самым основным гигиеническим требованиям, вследствие чего при дальних плаваниях, особенно если ощущался недостаток в пище и она была неудовлетворительна, жизнь в этих каютах приводила к массовым заболеваниям личного состава, как то и случилось на судах флотилии Беринга во время Великой северной экспедиции. При лавировке суда требовали огромного искусства от моряка, а потому заслужить звание опытного капитана было в те времена делом далеко не легким.

Беринг, зарекомендовав себя с наилучшей стороны, видимо, пользовался благоволением ближайшего начальства, ибо в следующем (т. е. 1706) году мы застаем его в чине лейтенанта. Четырехлетний период, с 1706 по 1710 год, совершенно выпадает из биографии Беринга, никаких сведений о том, где он служил и на каких судах плавал в это время, нам раздобыть не удалось. Связь событий начинает восстанавливаться с 1710 года. Беринг к этому времени уже произведен в капитан-поручики. Он с мая этого года плавает на дозорном судне вдоль южного или, как тогда называли, ингерманландского берега Финского залива и зорко наблюдает за передвижением неприятельских шведских судов.

После решительного поражения, нанесенного шведам под Полтавой в 1709 году, шведская сила была надломлена; занимавшая со времен

Густава-Адольфа выдающееся положение в ряду европейских держав, она потеряла теперь это положение навсегда, уступив его России. Нигде она уже не могла оказывать прежнего сопротивления, чем и воспользовался Петр, заняв в следующем же году ряд прибалтийских городов: Выборг, Гельсингфорс, Ригу и Ревель. Однако озлобленный неудачами король шведский Карл XII не складывал окончательно оружия, на этот раз дипломатического. Он всячески возбуждал турок итти на южную Россию, доказывая слабость России на юге, в частности на Азовском море; сам он также намеревался двинуться при первом удобном случае на Воронеж. Перемена политической ситуации заставила Петра обратить все свое внимание теперь на юг. Он отправился в Воронеж и энергично принялся за сооружение новых кораблей. Весною корабли были переправлены вниз по Дону в Новочеркасск и присоединены к Азовскому флоту. Начался так называемый Прутский поход. Судам, плававшим в Балтийском море, было приказано покинуть щхеры и вернуться в Кронштадт, а лучших командиров с офицерами и частью команды перебросить на юг, на Азовское море, для действий против турок, объявивших России войну. Общее руководство военными операциями на юге поручалось адмиралам Апраксину и Крюйсу. В Троицке¹ прибывших ожидала подготовленная к походу эскадра из девяти боевых судов. Командование одним из этих судов, двенадцатиушечной шнявой, имевшей 120 человек экипажа, было поручено Берингу. В мае 1711 года корабли под флагом генерал-

¹ Троицкая гавань, близ Таганрога.

адмирала Апраксина двинулись в море. Неизвестно почему, но сражения с турками не произошло, хотя турецкий флот в составе шестнадцати кораблей и был виден у Бердянской косы; повернув, турки поспешили удалиться, русские суда их не преследовали. Прутский поход, как известно, окончился неудачей. В июне 1713 года был заключен компромиссный со стороны Турции мир на 25 лет, причем Россия должна была вернуть Турции Азов и азовское побережье, к тому же русским запрещалось иметь на Азовском море флот. Петр решил лучшие корабли отправить для пополнения Балтийского флота в Кронштадт. Но для этого необходимо было просить разрешения у султана, что Петр и сделал; одновременно он приказал адмиралу Крюйсу составить подробную инструкцию для капитанов кораблей, которые отправляются на север. Инструкция эта, врученная Берингу, крайне интересна в политическом отношении, она дает представление о международных отношениях России и некоторых морских порядках того времени. Приводим инструкцию полностью:¹

Инструкция капитанам: *Андрею Симсону, Симону Шхону*; капитан-поручикам: *Петру Вредалою и Витусу Берингу*, для следования от сего места Медитеранским, Шпанским, Нордзейским морями, також Горнт Зунтом до СПб.

I.

С первым попутным ветром вступить под паруса, следовать к Царьграду, и там объявить о себе Царского Величества министру.

¹ Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории Российского флота. Жизнеописание Корнелия Ивановича Крюйса. СПб., 1831 г., ч. I.

II.

Встречаясь с турецкими или иных держав судами, поступать вежливо. Будучи в Константинополе, стрелять утреннюю и вечерние пушки, как у англичан и французов, обыкновенно.

III.

Из Константинополя плыть Медитеранским морем¹ подле Арабских берегов. Ежели повстречаются разбойничьи корабли Триполи, Туниса, Алжира, Орана, Тегуана, Тангера, Момора и Салдея, то оные брать в полон или истреблять.

IV.

Ежели ветры не позволят вам плыть подле арабских берегов, то лучше идти около Прованса, Каталонии, Валенсии и Гренады.

V.

Плыть Медитеранским морем, никому чести не отдавать, кроме французов и гишпанцев, и то только в местах их владения.

VI.

Португалии никто чести не отдает, кроме малых республик: Генуи, Ливорно, Мальты и подобных. Плыв каналом, ни пред кем выпела не спускать.

VII.

От Догер-банки, через Горнт Зунт, до острова Эзея, датским королевским кораблям отдавать честь.

VIII.

Во всяком море шведов брать, и приводить с собой; которые припасы излишние, можно продавать, и на те деньги одевать людей и покупать провиант.

Однако применять эту инструкцию капитанам не пришлось.

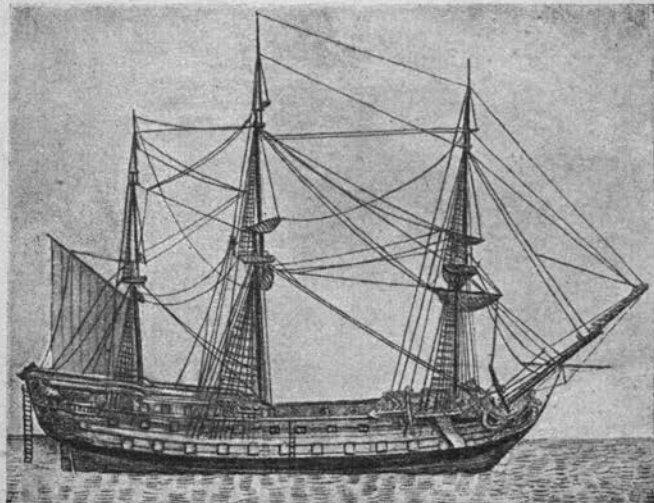
Турция воспротивилась проходу русских судов через ее проливы, вероятно опасаясь какого-

¹ Средиземное море.

нибудь инцидента военного характера, и предложила Петру продать ей корабли, что и было сделано.

Прибыв в Петербург, Беринг продолжает свою службу в Балтийском флоте. Отныне его имя все чаще встречается в приказах по флоту, он пользуется доверием Петра, дающего ему ответственные поручения. В 1712 году он плавает на корабле «Рига» под вымпелом вице-адмирала Крюйса. В 1714 году Петр отправляет Беринга в Гамбург и поручает ему принять и привести в Кронштадт купленный там пятидесятипушечный корабль «Перл». Поручение это не легкое: большой корабль надо провести незаметно, так, чтобы он не попал в руки шведских заградительных отрядов. Ловко лавируя и всячески избегая встреч с неприятелем, Беринг благополучно прошел половину пути, но дальше плыть становилось все более рискованным, шведы угрожающе наступали. Видя всю бесполезность дальнейшего риска, Беринг отвел корабль в Ригу и оставил его здесь на зимовку.

В январе 1715 года Беринг был произведен вместе с известным впоследствии русским моряком Сенявиным в капитаны четвертого ранга. По спискам того времени видно, что оклад его в этом чине равнялся двадцати шести рублям в месяц. В этом же году Петр поручает ему вместе с Сенявиным и двумя моряками еще более ответственное дело: отправиться в Архангельск и привести оттуда в Кронштадт только что построенные там суда. То были корабли, имена которых не сыскать ни в каких святцах: «Уриил», «Селафил», «Ягудиил», «Варахаил», и кроме них транспорт. 29 августа флотилия отправилась в путь.

Десятипушечный корабль «Лесное»

Крайнее несовершенство кораблей петровской эпохи, о чем мы говорили выше, дало себя знать. Лишь только корабли вышли в море и их хорошо потрянуло, обнаружилась течь — и столь основательная, что «Ягудиилу» пришлось спешно ретироваться назад в Архангельск. Вторым выбыл из строя «Варахаил», он принужден был зайти в один из зарубежных портов и остаться там на зимовку. Транспорт разбился вблизи Готенбурга. И только два остальных корабля: «Селафаил» под командой Беринга и «Уриил» — Сениявина, кое-как дотащились до Копенгагена. Вид кораблей был таков, что никак нельзя было сказать, что это новые сооружения. Сениявин 6 декабря 1715 года доносил Петру: «Корабли от великих штормов расшатались, и не возможно прибить, чтобы не учинить килевания». Беринг все же рискнул плыть, предварительно исправив все повреждения на корабле хозяйственным способом. Зимовал он в Ревеле. Из всей архангельской флотилии только он один благополучно доставил свой пятидесятидвухпушечный «Селафаил» весной 1716 года в Кронштадт. Здесь корабль стал на капитальный ремонт, а Беринга снова назначили командовать кораблем «Перл». На этом корабле в том же году Беринг участвовал с союзным флотом в плавании к Борнгольму под штандартом Петра Первого.

К этому времени относится учреждение Адмиралтейств-коллегии — высшего органа управления флотом. Желая установить повсеместно коллегияльный образ управления, Петр решил его ввести также и во флоте. Он приказал адмиралу Крюису, по образцу подобных же учреждений в Швеции и Голландии, разработать проект при-

нительно к условиям русского флота. Основной проект Крюйса был полностью одобрен Петром, и Адмиралтейств-коллегия начала действовать 11 декабря 1717 года. На нее отныне возлагалась вся административно-хозяйственная часть морского ведомства, постройка и содержание в боевой готовности кораблей, портов и адмиралтейства, комплектование флота личным составом, финансовая, учебная и медицинская часть. Первым ее президентом был назначен генерал-адмирал Апраксин, а вице-президентом — вице-адмирал Крюйс. Как увидим ниже, Адмиралтейств-коллегия сыграла огромную роль в деле формирования и завершения Великой северной экспедиции Беринга.

В 1717 году Беринг вместе с прочими капитанами получает чин капитана третьего ранга, а в 1719 году переводится с «Перла» командиром на «Селафил» и отправляется с эскадрой к Аландским островам, где и участвует в бою со шведами. Далее послужной список Беринга таков. В 1720 году его производят в капитаны второго ранга. В 1721 году снова перемена: его переводят командиром на шестидесятипушечный корабль «Марльбург». Он плавает в эскадре под начальством шаяубенахта Гордона. Тоннаж кораблей, которыми командует Беринг, с каждым годом все возрастает. В 1723 году мы застаем его командиром девяностопушечного корабля «Лесное», плававшего в эскадре генерал-адмирала Апраксина, самой крупной из плававших до того времени петровских эскадр. На корабле «Екатерина» под именем адмирала Петра Михайлова держал флаг сам царь. На его корабле находился также герцог Голштинский.

При заключении Ништадтского мира многие морские офицеры, даже младше по службе Беринга, командовавшего еще с 1715 года линейными кораблями, были повышены чином, и молодые капитаны второго ранга произведены в капитаны первого ранга. Беринг, несмотря на его прекрасную репутацию, известную самому Петру, остался в том же чине капитана второго ранга.¹ Касаясь этого события, В. Берх говорит: «Надобно заметить, что Беринг имел мало друзей между членами Коллегии». Повидимому, как мы уже отмечали выше, Беринга, не умевшего кадить начальству и подхалимствовать, затирали где могли на службе. Обиженный такой несправедливостью, Беринг подал прошение об отставке и просил выдать ему паспорт на выезд из отечество. Коллегия не только не исправила после этого своей оплошности, т. е. не удовлетворила его чином, но, не выслушав даже его объяснений, приняла прошение и уволила его в отставку 26 февраля 1724 года. Какие мотивы представил Беринг, прося освободить его от служебных обязанностей, — неизвестно. Постановление Коллегии гласило: «Морского флота капитанов Виллима Гея, Матиса Фалькенберха и Витуса Беринга, по прошениям их и учиненным экстрактам из службы его величества отпустить во отечество их, и дать им от Адмиралтейств-Коллегии пашпорты и заслуженное жалованье по день отпуска, а также и на прогоны в дорогу». При выдаче денег Беринга, повидимому, обсчитали, потому что он

¹ Его более ловкий соотечественник, прибывший с ним вместе в Россию, Сиверс, стал к этому времени вице-адмиралом.

подавал прошение о выдаче ему каких-то задержанных денег с прибавкой за тринадцатый месяц и т. д. 10 марта Беринг имел уже паспорт в руках. Получив его, Беринг, как иностранец, должен был выехать в течение восьми дней. Неизвестно, уехал ли тогда Беринг в Данию или оставался в Петербурге, надо полагать первое. Так или иначе, но в августе 1724 года Петр Первый сам вспомнил о Беринге и 5 числа, «будучи у всенощного пения в церкви Живоначальные Троицы изустно его сиятельству генерал-адмиралу и адмиралтейской коллегии президенту графу Апраксину повелел учинить нижеследующее: о чем он генерал-адмирал приказал Коллегии предложить первое: Капитана Беринга принять в службу его величества в морской флот по прежнему в первый ранг капитаном». Обсудив приказание царя, Коллегия определила: «Призвав капитана Беринга, объявить ему, желает ли он в его величества службе быть? и ежели желает, то в верности к службе, привести к присяге, и о том, куда надлежит, послать указы». Это постановление, особенно слово «призвав», свидетельствует, что Беринга вызывали, повидимому, откуда-то, а также что сам он не просился обратно на службу, иначе его не спрашивали бы, желает он служить или нет. Беринг ответил согласием, его произвели в капитаны первого ранга и назначили командиром шестидесятипушечного корабля «Марльбург». Этим событием заканчивается первый, «докамчатский» период службы Витуса Беринга в русском военном флоте.

Участник Великой северной экспедиций, знаменитый историк Г. Миллер, характеризуя этот период в жизни Беринга, отзывался так: «Неусып-

ные старания бессмертные славы императора Петра Первого о учреждении морского флота, возбудило в нем [т. е. в Беринге. — Б. О.] охоту искать счастья в России. Таким образом, служив при Кронштадте во флоте с самого его начала, и находившись при всех в тогдашнюю с Швецией войну морских предприятий, присовокупил он к подлежащей по своему чину способности и долговременное искусство, которое наипаче учинило его достойным к чрезвычайным делам, каковые то были двукратные на него положенные проведения».¹

¹ Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных, „Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие“, сентябрь 1758.

II. ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА

«В минуту кончины Петра готовились три предприятия: основание при устье Куры складочного места для восточной торговли; открытие непосредственных судоходных сношений с Индией; и отыскание раздела между Азией и Америкой. Первые два предложения оставлены были по его кончине. Один только Беринг исполнил свое поручение, несмотря на то, что уже не стало творца предложенного ему плана. Исполняя мысль Петра, он оказал России великую ученую заслугу — открытием Берингова пролива, и вещественную — приобретением ей берегов Северной Америки».

Так заканчивает свою статью, посвященную заслугам Петра Первого по части распространения географических познаний, наш знаменитый натуралист Карл Бэр.¹

Вопрос, так интересовавший Петра, соединена

¹ К. М. Бэр, Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний в России и пограничных с нею землях Азии, „Записки Географического общества“, III — 1849, IV — 1850.

ли Азия на северо-востоке с Америкой или разбита проливом, уже свесья давних пор волновал географов всех стран. Высказывались различные предположения, и, как не имеющие опытной основы, конечно, без достаточного основания. Так или иначе, но еще до открытия Америки, т. е. в 1492 году, на глобусе Бежайма мы видим, что северо-восточный угол Азии имеет вполне законченные очертания — впереди расстилается океан.

Вопрос о проливе, поскольку об Америке тогда еще не знали, разумеется отпадает, но уже один факт нанесения на глобус восточной азиатской границы достаточно любопытен, хотя и необъясним: чем руководствовался тогдашний картограф, изображая в таком виде материк? Но вот открыта Америка, появляются впервые ее уродливые карты. Но и на них мы не видим сухопутной перемычки, связующей Азию с Америкой. Такова, например, карта Мюнстера 1540 года с безмерно расплывшимися вширь контурами и Северной и Южной Америк, где Азиатский и Американский материки разграничены проливами, пока еще не имеющими никакого названия. На картах 1566 года на месте современного Берингова пролива мы читаем: *Streto di Anian*, что значит Анианский пролив. Название это, как полагают, произошло от провинции Аниан, якобы существовавшей на азиатском берегу, о которой мы находим упоминание еще у Марко Поло. Хотя на некоторых картах того времени пролив и отсутствовал, все же представляется чрезвычайно любопытным, почему картографы того времени так упорно и уверенно наносили на карты пролив, достоверных сведений

о котором они, безусловно, не могли иметь. Карл Бэр полагал, что смутные слухи об этом проливе дошли от спутников Кортеса, проникших в 1525 году в северные районы Америки и там разузнавших о нем у туземцев. Но версия эта представляется мало надежной, так как вряд ли европейцы в то время рискнули бы забраться столь высоко на север. Мне представляется более вероятным, что предположение о наличии между Азией и Америкой пролива создано в результате самого факта открытия Америки, совершенно неизвестной до того территории, отграниченной от всех прочих земель морем. Думали повидимому, что, не будь новооткрытый материк обособлен, т. е. отделен от азиатского берега значительным водным пространством, знакомство с ним произошло бы гораздо раньше. По мнению профессора Л. С. Берга, изображение на картах пролива шло навстречу страстному желанию отыскать проход вокруг северных берегов Азии в Европу, т. е., выражаясь более современным языком, найти Северо-восточный проход. Это предположение весьма вероятно. Не исключена также возможность, что в середине XVI века какие-то неизвестные нам мореплаватели, быть может испанские или португальские, побывали в районе Берингова пролива и затем нанесли его на карту. Вообще необходимо заметить, что Анианский пролив породил уже целую литературу, тщетно пытающуюся разобраться в смеси истины с вымыслом и мистификацией, столь характерной, как мы убедимся ниже, для географических познаний того времени, весьма далеких от точности вследствие несовершенства тогдашних измерительных приборов.

Не отличались научной добросовестностью и многие тогдашние исследователи; часто они оказывались попросту обманщиками и авантюристами.

Как бы то ни было, но когда в конце XVII века передовые просвещенные умы Европы серьезно заинтересовались северо-восточными азиатскими берегами и пожелали выяснить, соединяется ли Азия с Америкой или же материки эти разделены проливом, — они не нашли сколько-нибудь выясняющего этот вопрос ответа.

За рубежом больше всего интересовались этой проблемой величайший научный гений века, знаменитый немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), и только что основанная в Париже Академия реальных наук (Academie des sciences).

Нет сомнения, что именно Лейбниц, его личная связь с Петром Первым, его постоянные напоминания последнему о необходимости разрешить волновавший его вопрос способствовали решению Петра отправить с этой целью на Камчатку экспедицию, начальником которой он избрал Беринга.

Нам необходимо несколько подробнее осветить роль в этом деле проницательного Лейбница в связи с историей возникновения самой идеи Первой Камчатской экспедиции Беринга.

Полный грандиозных замыслов, обладая необычайно разносторонним отвлеченным умом и вместе кипучим темпераментом практического деятеля, Лейбниц проявлял большой интерес к России и к преобразовательным реформам Петра, не менее интересовался он и самой личностью Петра, которого, по его словам, «сгорал любо-

пытством увидеть». И он увидел его в первый раз в 1697 году в замке Коппенбруке близ Ганновера, куда двадцатипятилетний Петр предпринял инкогнито известное нам из первой главы путешествие по Европе, отправляясь в Голландию для изучения там кораблестроения на практике. Спустя десять лет Лейбниц снова видел Петра в лагере при Альтранштедте, но побеседовать с ним ему не удалось. И только в третий раз, в 1711 году в Торгоу, состоялась беседа немецкого философа с русским царем. Возвратясь на родину, Петр по совету Лейбница распорядился производить в России наблюдения над отклонением магнитной стрелки, пользовался его советами в деле упорядочения русского законодательства и, наконец, склонился на его убеждения учредить Академию наук в Петербурге, вполне согласившись с ним, что тупицы (Stümpfer) не могут принести никакой пользы государству, для чего поручил философу разработать план. «Мне приходится быть Солоном¹ России», — писал после этого Лейбниц. «Ей [т. е. России], — восклицал Лейбниц, — суждено сделаться звеном между двумя мирами, западным и восточным». Подобно Петру он надеялся, что в самом непродолжительном времени преграды рухнут и Россия откроет, наконец, к себе доступ европейской цивилизации.

Лейбниц старался, насколько мог, принести культурную помощь России. Во время самого продолжительного собеседования с Петром в Карлсбаде Лейбниц подымает вопрос о чрезвычайно важных для страны географических открытиях и

прежде всего о наиболее дорогой для него идее отыскания пути из Арктического моря в Тихий океан. О том, насколько большое значение философ придавал этой идее, не перестававшей его волновать до самой смерти, можно судить из его записки, составленной им в 1697 году специально для Петра и найденной профессором Герье в ганноверской библиотеке. Здесь среди советов и указаний, как поднять культуру в России, уже прямо ставится вопрос о необходимости организации крупной экспедиции для обследования берегов северо-восточной Азии, с конечной ее целью определить — соединяется ли Азия с Америкой или же разделяется проливом. «Никто, — говорит Лейбниц, — не может лучше царя разрешить это сомнение, и это будет славнее и даже важнее всего, что сделано в свое время египетскими царями для исследования истоков Нила».

Заканчивая свою записку, Лейбниц так рисует себе положение границ Азии и Америки: «Только в одном месте, — говорит он, — эта граница не исследована, и это место находится во владениях царя; большая полоса земли тянется к так называемому, хотя еще и неизвестному, Ледовитому мысу далеко на север, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествие в летние месяцы, когда солнце почти не заходит, и совершить его, если не зараз, то по крайней мере постепенно, тем более, что вероятно возможно устроить стоянки и с их помощью продвигаться все дальше. Исследование это может быть произведено не только сухим путем, но еще

¹ Салон — знаменитый афинский законодатель, родился около 640 года до нашей эры.

легче водою по обеим сторонам перешейка. Тогда, может быть, объяснится, суживается ли там земля или расширяется, а следовательно, увеличивается или уменьшается вероятность, что она оканчивается мысом. Морское течение, порода рыб и другие условия, может быть, еще раньше дадут возможность судить о том, соединяются ли моря находящиеся по обеим сторонам перешейка».¹

Лейбниц неустанно с тех пор напоминал Петру о необходимости организовать эту экспедицию и говорил своим соотечественникам: «Царь осведомляется о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванию, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой». Лейбницу, конечно, не удалось дожить до осуществления своей идеи. Отвлекаемый военными и прочими государственными делами, Петр лишь под конец жизни взялся за осуществление идеи Лейбница, но и сам не дожил до ее результатов. Всего лишь за три недели до своей кончины, будучи уже больным, Петр, желая, чтобы вопрос был разрешен с полной определенностью, собственноручно составил инструкцию об организации большой экспедиции, назначив ее начальником Витуса Беринга. Краткая и энергичная инструкция, данная Петром Берингу, состояла из трех следующих пунктов, которые мы приводим полностью:

¹ Проф. В. Герье, Лейбниц и его отношение к России и Петру Великому, 1873 г., стр. 146 — 147.

I.

Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами.

II.

На оных ботах возле земли, которая идет на nord и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки.

III.

И для того искать, где оная сошлась с Америкой, и что доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной кюст¹ называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту, приезжать сюда.

Декабря 23, 1724 года.

Петр

Набросав этот предсмертный приказ свой, Петр почувствовал удовлетворение и спокойствие. Это ясно из чрезвычайно ценного и интересного рассказа А. К. Нартова, его «механика и токарного искусства учителя», имевшего в течение двадцати лет постоянный доступ к царю. Приводим этот рассказ полностью. «В начале генваря 1725 года, — рассказывает Нартов, — в самый тот месяц, когда судьбою всевышнего определен был конец жития Петра Великого, и когда уже его величество чувствовал в теле своем болезненные припадки, все еще неутомимый дух его трудился о пользе и славе отечества своего, — ибо сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской

¹ Немецкое слово die Küste — морской берег.

экспедиции, которая должна была проводить и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою, отдаленный наказ генерал-адмиралу Апраксину, назначив сам к сему испытанию флотского капитана Витуса Беринга, а в помощь к нему Мартына Шпангберга и Алексея Чирикова. Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами то, как его величество спешил сочинять наставления такого важного предприятия и будто бы предвидя скорую кончину свою и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призанному к себе генерал-адмиралу вручив, говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что обретение возможно. Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских? О сем то написал инструкцию; распоряжение же сего поручаю, Федор Матвеевич,¹ за болезнью моею твоему попечению, дабы точно по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было».²

¹ Так звали адмирала Апраксина.

² См. А. Н. Майков, Рассказы Нартова о Петре Великом, «Записки Академии Наук», LXVII, приложение № 6, 1891 г.

Нас должен несколько удивить в приведенном рассказе стиль и способ выражения, более современный, не свойственный петровской эпохе. Повидимому, рукопись Нартова, прежде чем сделаться достоянием историка, была в последующие годы, быть может родственниками самого автора ее, модернизирована и дошла до нас в таком виде. Во всяком случае, сопоставляя приведенный рассказ с другими в той же рукописи, у нас не должно возникнуть сомнений в истинности сообщения почтенного «механика и токарного искусства учителя» Петра Первого. Нас смущает только, повидимому, ошибочная дата: Нартов сообщает, что приказ был написан «в начале генваря 1725 года», тогда как инструкция Петра помечена 23 декабря 1724 года. За день же до опубликования помещенного выше приказа, Петр лично назначил Беринга командиром формируемой экспедиции. Вот его записка, датированная 23 декабря 1724 года и отправленная в Адмиралтейств-коллегию:

1 Сыскать геодезистов тех, которые были в Сибири и приехали.

2 Сыскать из поручиков или из подпоручиков морских достойного, кого с ними послать в Сибирь на Камчатку.

Адмирал Апраксин дал такой ответ Петру по второму пункту: «По мнениям вице-адмирала Сиверса и шавтбенахта Синявина, из морских, поручикам Станбергу (т. е. Шпангбергу), Звереву или Косенкову, подпоручикам Чирикову или Лаптеву, оная экспедиция годна».

Согласившись с этим предложением, Петр написал: «А не худо чтоб-де был над ними командир из капитанов, Беринг или фон-Верд; понеже

Беринг в Ост-Индии был и обхождение знает, а фон-Верд был штурманом».

В следующих пунктах инструкции речь идет об учениках и подмастерьях, которые смогли бы «тамо сделать с палубою бот, по здешнему примеру», о плотниках «с их инструменты», о штурмане и подштурмане, «которые бывали в Нордной Америке», о парусах, блоках, шхивах, канатах и проч. В последнем (пятом) пункте Петр на случай, если нужных, опытных штурманов во флоте не сыщется, приказывает: «Немедленно писать в Голландию, чтобы прислали 2 человек, знающих море к северу до Японии, и чтоб оные присланы были через Анадырскую почту».

Итак, назначение экспедиции состоялось. Адмиралтейств-коллегия потребовала, чтобы моряки как можно скорее, не позже конца января, отправились в путь. При современной тщательной длящейся нередко год и больше, подготовке к большой серьезной экспедиции данный Берингу срок в один месяц, конечно, должен нам показаться слишком коротким, тем более, что путешественники отправлялись в Сибирь, загадочную, таинственную, огромную страну, куда, робко озираясь, лишь совсем недавно стал проникать исследователь и завоеватель. И в самом деле много ли знали в ту пору о Сибири и ее северовосточных окраинах?

Значение экспедиций Беринга далеко выходило за грани предприятий только географического характера. Они разрешили целый ряд задач общего государственного и экономического характера. Выяснение границ сильно углубившегося на восток, колоссального по протяжению государства представлялось задачей исключительно важ-

ной в политическом отношении, а таковых-то границ в точности и не знали тогда. Пролив, разъединяющий Азию от Америки, разрешал таким образом вопрос государственной границы на востоке. «Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусства и науки», — эта фраза Петра Первого, приводимая выше Нартовым, ясно говорит, какого рода опасения; естественно, тревожили царя, не знавшего хорошо границ своего государства. Не менее был озабочен Петр «о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию».

Петр не мог, конечно, не осознать все те выгоды, которые будут получены при установлении торговых сношений с отдаленными зарубежными странами: Индией, Китаем и Японией. Прорубив «окно в Европу», Петр мечтал о таких же окнах и во все другие части света. Сухопутным за дальностью расстояния в эти страны нельзя было, разумеется, проникнуть, такое путешествие было бы сопряжено с огромной потерей времени, риском и дороговизной. Использовать же для этих сношений южный проход вокруг Африки при отсутствии на чужеземном пути опорных баз и достаточно мощного торгового флота, который необходимо было к тому же по нравам тогдашнего времени конвоировать военным судам, также представлялось делом чрезвычайно громоздким и трудным.¹ Оставался лишь северный морской путь, идея которого, уже издавна волновавшая англичан, голландцев и генуэзцев, увлекала

¹ Например, широко задуманная Петром экспедиция в Африку, на Мадагаскар, вовсе не была осуществлена.

также и Петра. Однако насколько этот путь был доступен для прохода и доступен ли вообще, оставалось совершенно невыясненным. Плавание же Дежнева, как мы видели выше, было в то время совершенно неизвестно, и прежде чем выяснить условия плавания северным проходом, что и было поручено сделать во Вторую Камчатскую или Великую северную экспедицию тому же Берингу, необходимо было вполне точно узнать: существует ли проход из Ледовитого океана в Тихий, т. е. отделен ли Азиатский материк от Америки проливом? Вот какого рода задачи призван был историей разрешить скромный датский офицер.

Получивший инструкцию после возвращения из отпуска на родину,¹ Беринг 5 февраля, т. е. когда Петра Первого уже не было в живых, отправился в дальний путь в сопровождении нескольких своих сотрудников, разместившихся со всеми своими пожитками и частью экспедиционного имущества на восьми подводках. Несколько ранее, 24 января, выехали главные силы экспедиции на двадцати пяти подводках, нагруженных разными материалами. Всего в экспедиции участвовало 34 человека. Помощниками начальника экспедиции Беринга были назначены, как и советовал адмирал Апраксин, произведенные к тому

¹ В журнале Адмиралтейств-коллегии под датой от 23 декабря 1724 года помечено, что капитан Беринг отпущен по своим нуждам в Выборг до 7 января 1725 года. Биографы Беринга, не знакомые с датскими источниками биографии Беринга, полагают, что Беринг имел в Финляндии в Выборге имение, где и гостил перед отправлением в экспедицию. Это недоразумение; Беринг ездил в Выборг к себе на родину, в датский округ, обнимающий среднюю и западную часть Ютландии (Viborg) (об этом см. стр. 35).

времени в лейтенанты Мартын Шпангберг и Алексей Чириков. В качестве штурманов приняли участие англичане Джорж Морисон и Ричард Энзель. Затем следуют: гардемарины Петр Чаплин, геодезист Григорий Потулов, лекарь Вилим Буцковский, писарь Петр Турчанинов, квартирмейстер Иван Борисов и ботовой мастер Иван Козлов. Помимо этих лиц отправились 13 матросов, 4 плотника, 2 парусных ученика, 1 мачтовый, 2 конопатчика и 1 кузнец. В дополнение к этому контингенту по дороге в разных местах Сибири Берингом были зачислены на разные должности еще 5 человек и взято 24 солдата, а на временную работу определены рабочие и мастеровые. В число этих пяти человек вошли: геодезист Лужин, мореход Кондратий Мошков, комиссар Дурасов, иеромонах и в качестве не то туриста, не то наблюдателя некий дворянин Иван Шестаков.¹

Познакомимся с главными помощниками и советниками Беринга, сыгравшими весьма крупную роль как в описываемой сейчас Первой Камчатской, так и в последовавшей за ней Великой северной экспедиции, Чириковым и Шпангбергом.

Снискавший к себе всеобщее уважение, лейтенант Алексей Ильич Чириков был одним из

¹ В подлинном списке всего комплекта экспедиции за подписью подполковника Секерина от 10 января 1725 года приводятся любопытные данные о содержании, получаемом участниками похода в месяц. Так Беринг, капитан первого ранга, получал 40 руб. и на четырех состоящих при нем денщиков по 50 коп., Шпангберг и Чириков по 15 руб. и на одного денщика 50 коп. Штурмана иностранцы Джорж Морисон и Ричард Энзель по 12 руб., гардемарин Чаплин получал всего лишь 1 руб., плотники по 1 руб. и т. д. Меньше одного рубля не получал никто.

лучших и способнейших моряков петровского военного флота. «Весьма замечательно, — говорит А. Соколов, историк Великой северной экспедиции, — что в кляузных делах этой экспедиции, в которой все члены переспорились между собой и чернили друг друга в доносах, имя Чирикова остается почти неприкосновенным; мы не нашли на него ни одной жалобы». И в самом деле, как мы убедимся ниже, при тех звериных нравах, которые процветали тогда не в одних только экспедициях, всегда уравновешенный и выдержанный Чириков являлся бесспорно исключением. Он поддерживал Беринга в трудные минуты вместе с ним улаживал бесконечно возникавшие в среде их подчиненных инциденты. Между прочим, Чириков предложил Берингу корабли для экспедиции строить не на Камчатке, как предполагалось ранее, а в Охотске. Чириковым была также разработана программа наиболее удобной перевозки грузов из сибирских центров в Охотск. По возвращении из первой экспедиции, получив чин капитан-лейтенанта, Чириков был назначен командиром императорской яхты, где и находился до вторичного отправления на Камчатку.

При назначении его в эту экспедицию Адмиралтейств-коллегия «утверждалась на нем, по искусству его, не без надежды в той экспедиции доброго плода, чего ради в общий совет во все отправления с капитан-командиром Берингом сообщен». Во вторую экспедицию с Чириковым отправились его жена и дочь. Подорвав в этом походе вконец свое здоровье, Чириков уже не смог оправиться. По окончании экспедиции он находился в Енисейске «в крайней слабости здоровья своего; к тому ж и от цынготной болезни

которая постигла его в бытность в камчатской экспедиции, совершенно не освободила, понеже от оной и поныне некоторые зубы у него трясутся». В Петербурге, куда он прибыл в 1746 году, его произвели в капитан-командиры и назначили присутствующим в академической экспедиции. Он был представлен императрице Елизавете Петровне, которая его подробно расспрашивала о путешествии в Америку. Здесь же он в 1749 году и скончался от чахотки. Узнав о кончине, Миллер так сказал о нем: «... память его у всех, кои его знали, в забвение не придет». Чириков оставил интереснейшие отчеты о Великой северной экспедиции.

Другой помощник Беринга — Мартын Петрович Шпангберг, датчанин, являлся во многих отношениях полной противоположностью Чирикова. Когда прибыл Шпангберг в Россию — неизвестно, но в 1720 году мы его застаем уже в чине лейтенанта. Самоотверженный, решительный и опытный мореплаватель, Шпангберг являлся одним из самых деятельных сотрудников Беринга, по справедливости ценимым им. В Великой северной экспедиции Беринг определил Шпангберга начальником эскадры, предназначенной для плавания в Японию и описи Курильских островов и реки Амура. Моральный уровень моряка не отличался высотой. Его характеристика в изображении уже цитированного нами А. Соколова крайне нелестна. Соколов говорит о нем, как о человеке без образования (?), жестоком до варварства и к тому же весьма алчным до приобретений. «Молва о нем, — писал он, — разнеслась по всей Сибири и долго хранилась в народной памяти. Напуганные его

самовольством и дерзостью, сибиряки видели в нем: некоторые — «генерала», другие — «беглого каторжника», всегда сопровождаемого огромной собакой, которою, говорили, при случае он травил оскорблявших его». Велико было и его лихоимство. Когда после его ареста стали распродавать его имущество, то в числе такового оказались «сотни аршин сукна, сотни платков и целые табуны заведенных им лошадей». Русским языком Шпангберг владел плохо. В Сибирь он также выехал с семьей, с женой и сыном, сопровождавшим его даже в море. Ничто не характеризует в такой степени крутых и жестоких нравов того времени и черствой неблагодарности правительства, как случай, приключившийся с самим же Шпангбергом. Когда по окончании Великой северной экспедиции сделавший так много для неморьяк, бывший неоднократно на краю гибели и отчаянно голодавший, не испросив разрешения возвратился в Петербург, его отдали под суд и приговорили к смертной казни, лишь энергичное вмешательство датского посланника спасло жизнь моряка. Скончался Шпангберг в 1761 году в чине капитана первого ранга.

Гардемарины Чаплину, вскоре произведенному в мичманы, мы обязаны более или менее полными сведениями, позволяющими восстановить события и ход первой экспедиции Беринга. Этот трудолюбивый юноша аккуратно, день за днем отмечая все примечательное и интересное, что наблюдал он во время путешествия, записывая это в свой «журнал бытности Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина». Не будь в экспедиции дневника Чаплина, мы ограничились бы немногими сведениями, сообщенными Миллером о Первой

Камчатской экспедиции, и кратким донесением самого Беринга. Чаплин, несмотря на свою молодость, очень умело и толково выполнял многочисленные поручения Беринга. Пройдя основательную морскую школу и дослужившись до чина капитан-командира, он умер в 1764 году в Архангельске.

Счастливая находка В. Берха в архиве Государственного адмиралтейского департамента рукописи Чаплина дала нам возможность познакомиться с главными фактами экспедиции и восстановить, с помощью воображения, более или менее полную картину экспедиции, ибо «журнал» Чаплина, обработанный и изданный в 1823 году В. Берхом под очень длинным и громоздким заглавием «Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: Соединяется ли Азия с Америкою? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга», представляет собой весьма сухой и отрывистый, лишенный в большинстве всякого критического освещения перечень событий, занесенных автором по разным числам месяца.

Возвращаемся к Берингу. Ему и его спутникам предстояло одолеть огромное пространство, около 10 тысяч километров; ехать надо было по тягчайшему пути через Европейскую Россию и всю Сибирь до самых берегов студеного Охотского моря. И путешествие это совершалось не налегке, а с довольно солидным грузом, необходимым для предстоящей постройки судов в диком и пустынном Охотске; кроме этого груза было взято изрядное количество разных запасов. Хоть и примитивна была в ту пору техника кораблестроения, все же нельзя было заранее предвидеть,

что может еще понадобиться при сооружении корабля в пустынном крае; всем этим остальным предполагали запастись на месте и по дороге. Переправа Беринга оказалась предприятием исключительной трудности. Недаром замечает А. С. Полонский, что первая Камчатская экспедиция Беринга не столько замечательна решением предложенного ей вопроса, сколько чрезвычайными усилиями для совершения ее.

«...Посланную мою команду достиг на Вологде, и от Санкт-Петербурга до Тобольска тракту свои имели следующие города, а именно: через Вологду, Тотьму, Устюг-Великий, Соль-Вычегодскую, Кайгородок, Солькамскую, Верхотурья, Турянск он же и Епанчин, Тюмень», — таковы начальные этапы следования наших путешественников, о чем сообщает Беринг в начале своего донесения.¹ Путешествие не отличается пока ничем примечательным, вот разве только, не доезжая до Вологды, сбежал писарь — повидимому, убоявшись грядущих трудностей. «13-го марта, — отмечает Чаплин, — прибыли в город Тюмень. От Туринска расстоянием 150 верст мерных». Отсюда, не задерживаясь, отправились в Тобольск, куда и прибыли 16-го.

Нельзя сказать, чтобы власти городов, через которые держал свой путь Беринг, встречали его с распростертыми объятиями.

Проведав об экспедиции, они быстро соображали, что от едущих на «край света» путешественников ничего хорошего не жди, ибо им потре-

буется много всякого добра, и все это будет забрано без всякого стеснения, благо в их карманах и шкатулках достаточное количество различных указов именных и безыменных и всяческого содействия Камчатской экспедиции. И, как увидим дальше, сотрудники Беринга, да и сам он не мало злоупотребляли данным им правом требовать всюду себе помощь и содействие. Нравы ли того времени, все возраставшие ли трудности, но только, чем ближе моряки находились у цели, т. е. у берегов Охотского моря, и дальше от начальства, тем нетерпеливее, развязнее и беззастенчивее становились они в своих требованиях, особенно если их жертвами оказывались туземные жители. Поборы, непосильные реквизиции, принудительный, изнуряющий труд — все это настолько сильно подорвало местное хозяйство, что многие семьи уже не оправились.

В ясное морозное утро 16 марта немногочисленные прохожие главной улицы города Тобольска были привлечены непривычным зрелищем. По улице длинным цугом, вперемежку с санными, заваленными всякой перевязанной веревками кладью, двигались тихим шагом кибитки; их тянули понурые, истомленные лошади. По временам, придерживаясь рукой за сиденье возницы, из кибиток высывались какие-то фигуры со строгими бритыми лицами. «Столичные гости зачем-то к нам пожаловали», — решили тоболяне и следовали дальше. Но вот передовая кибитка остановилась у каменного здания с надписью «Тобольская губернская канцелярия». Из кибитки вышел одетый в полушубок мужчина лет сорока пяти, из-под меховой надвинутой на лоб шапки

¹ Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири, «Записки военно-топографического дела», часть X, СПб., 1847 г.

виднелись белые букли парика, его лицо было серьезно и несколько грустно. Окинув начальническим взором обоз и сказав несколько слов подскочившему к нему молодому человеку во флотской форме, он не торопясь направился к крыльцу дома. Это был Витус Беринг. Итак, экспедиция Беринга прибыла в Тобольск. В своем крайне немногоречивом донесении Беринг посвящает Тобольску ровню три строчки:

«Марта 16 дня прибыли в Тобольск и были мая до 15 дня, понеже зимним путем дале ехать было время поздно, а в бытность в Тобольске требовал что надлежит материалов ко экспедиции», — вот и все. Но мы, воспользовавшись описаниями и воспоминаниями современников, должны несколько подольше остановиться на этом любопытном и крайне характерном для Сибири городке, где два месяца жил и добывал себе «материалы» Беринг.

Общий вид тогдашнего Тобольска, по словам П. Слоцова, «представлял приятную картину белеющимися зубчатыми стенами и башнями, раззолоченными маковицами и крестами 15 церквей и колоколен, не все тогда каменных. Цитадель окружалась со всех сторон утесами, с севера каменной стеною. Вся нагорная половина города, как большая крепость, ограждалась с севера и востока валом, бастионами, рвом и палисадом, а с прочих сторон крутыми утесами наносного происхождения. Сибирская губернская канцелярия, дом губернаторский, палата под крепостными воротами шведского мастерства, дом архиерейский со службами, гостинный двор — вот каменные здания того времени». По улицам бродили и сидели в закутках множество слепых, хромых,

горбатых и калек. Все эти люди, питаясь с хлеба на квас, были одержимы «скорбунной болезнью, с добавлением иногда яда венерического».

Тобольск времен Беринга не отличался ни размерами, ни количеством населения. Если в 1740 году всего домов здесь было 3000, и из них только 7 каменных, то, надо полагать, в 1725 году их было еще меньше. Торговый, оборотистый город имел целую армию купцов, их здесь было 2069 человек при 6663 всего здешнего населения, так что почти каждый третий тобольский обыватель был вместе и купцом. Объектом столь выгодных торговых операций были, разумеется, пушнина и рыба. Вечный торговый ажиотаж, алчность, спекуляция, борьба с конкурентами, большой недостаток не способствовали целомудренности и благородству здешних нравов. «Сибиряки, — замечает Слоцов, — росли, плотны и статны. Они любят женщин и напитки до излишества. Унижаясь перед главным начальником, они поступают весьма жестоко с низшими и своими служителями. Женщины тобольские красивы, белотельны, с тихой и приятною физиономией, с глазами черными, томными и всегда потупленными. Мужчины в Сибири дотоле не будут чинны и благонравны, доколе не начнут уважать своих жен, и доколе женщины по праву красоты и воспитания не станут содействовать приятностям общежития». Семейное «общежитие» людей зажиточных, надо полагать, не отличалось здесь патриархальностью. Нравы здешние, замечает моралист того времени, «стоят не столько сожаления, сколько порицания». Пробыв в Сибири несколько лет, моряки беринговых экспедиций, достаточно развратив-

шись, немалоу научились от здешних аборигенов. Дух спекуляции пушниной захватил даже лиц начальствующего состава. Небезгрешной оказалась и жена Беринга, следовавшая с мужем во вторую его экспедицию на Камчатку: супругу всеим уважаемого авторитетного главного начальника экспедиции дано было распоряжение обыскивать на границе! Таковы были бытовые «неувязки» того времени; ниже мы к этому еще вернемся.

Но вот подошла весна, а с нею открылась и навигация. Теперь можно было продолжать путь далее. А весна здесь воистину прекрасна! В изображении того же Словцова, весенние события здесь следуют в таком порядке: «Весна начинается между 15—25 апреля, в это время зелень из-под талого снега оживает и в ложбинах уже подцветивается. Но эта легкомысленная весна прячется от людей; над ней издеваются холодные утренники, изморозь, пороша снега или крупы, при северном ветре... Потом весна снова улыбается, прилетают ласточки, распукиваются почки, листья на черемухе, березе, боярышнике, золотарнике. Облака тонкоперистые развешиваются под вечер дугою, выше садящегося солнца и сквозят пурпуром... Но самая нежная, самая пленительная весна блистает в темнозеленом покрове около 7 и не позже 13 июня. В эти дни она является по окрестностям Тобольска в девственной красе, и тотчас изменяется от жары и ветра, пыли, тьмы насекомых, и от самой полноты соков, как краса человеческой юности от заповедных смятений сердца!» В этих цветистых выражениях, полных подъема и искренности, нетрудно угадать

столь непривычный нам ныне литературный стиль старого времени.

23 апреля со страшным грохотом и треском взломало лед на Иртыше; со стихийной силой сокрушая и подхвывая все на пути, ледяные глыбы понеслись вниз по реке, и дня через четыре река очистилась. Моряки забеспокоились, четыре дощаника и семь лодок, предназначенных для дальнейшего путешествия уже по воде, были закончены, состав экспедиции пополнился новыми людьми, прибыли иеромонах и комиссар. Погрузив на суда весь свой скраб, моряки распрощались с веселым Тобольском и стали располагаться в небольших каютках дощаников.

Наконец флотилия отправилась в путь. В своем донесении Беринг сообщает: «Мая 15 дня отправился из Тобольска водою вниз по реке Иртышу до Самаровского яму на 4-х барках, а оные по сибирски называются дощеники, на которые погрузя все матиалы, привезенные из С. Петербурга и которые приняты при Тобольску, да от Тобольска дано мне по требованию моему иеромонах, комиссар, да ундер офицеров и солдат 34 человека».

Где на веслах, где под парусами, минуя деревни и селения, останавливаясь часто на ночевку, 21 мая подошли к «Самаровскому яму», где и пришвартовались к берегу. Здесь Беринг распорядился, чтобы Чаплин, в сопровождении десяти человек команды, плыл в Якутск впереди остального эшелона. Чаплин заносит в свой дневник: «Получил я инструкцию от господина капитана, по которой повелено мне следовать до Якутска и 7 указов, а именно: в Маковский острог, в Енисейск, в Иркутск, в Верхолениск, в Илимск,

в Якутск 2 указа за печатями. Из Tobолской губернской канцелярии дана мне лодка да служитель, дано мне из определенных от Tobолска к нам в команду капрал и 9 человек солдат, да принял я от комиссара Дурасова на нужные расходы в пути денег десять рублей». Это до Якутска-то 10 рублей, до которого путники путешествовали почти 4 месяца! Чаплин расходовал деньги крайне экономно; 10 июля за одиннадцать подвод от Маковского до Енисейска он заплатил 4 руб. 40 коп., зато на различные требования (согласно указу) он отнюдь не скупился. В Маковском остроге он оставляет «одного солдата для понуждения прикащика, чтобы собраны были лошади к прибытию командующего нашего, господина капитана», в Енисейске требует «провианту на август месяц» и прогонные деньги. Там же, «для понуждения по данным от меня указам в Енисейскую земскую контору, оставил солдата, а другого за болезнью». Для «понуждения» оставляются люди и в Илимске и в Усть-Куте. Дневник Чаплина носит по преимуществу деловой характер. Мы не встретим здесь ни описаний красот, ни географических подробностей, ни характеристики местных нравов. Об Илимске мы узнаем, например, что «Илимск стоит по реке Илимугу промежду высоких гор и положение места весьма не веселое». У Киренска «положение места весьма хорошее. От Ускуты до Киренги по обе стороны реки довольно русских деревень токмо небольшие, двора по 4 по 5». Последнее замечание дает хорошее понятие о малочисленности тогдашнего сибирского населения: селение в четыре-пять дворов считали деревней. 4 сентября Чаплин прибыл в Якутск.

Несколько иначе протекало путешествие самого Беринга. Забрав в Tobольске большое количество разных запасов и материалов, Беринг двинулся отсюда в путь на четырех дощаниках и шести лодках и, следуя, как и Чаплин, реками Иртышом, Обью и Кетью, 19 июня прибыл в Маковский острог. Отсюда до Енисейска следовали сухопутьем, а далее до Илимского устья плыли Енисеем и Тунгускою на четырех приготовленных здесь заранее дощаниках. Мелководье и пороги не позволили доставить в Илимск, куда прибыли 29 сентября, большую часть тяжелого груза; скрепя сердце, его пришлось оставить по дороге за порогами. Да и дощаники не удалось протолкнуть через пороги, их пришлось также оставить и следовать далее с частью груза в Илимск на малых лодках, специально присланных оттуда. Весь оставленный по дороге тяжелый груз перевезли в Илимск зимним путем уже в ноябре. Растеряв таким образом по дороге значительную часть груза и прибыв к началу зимы в Илимск, Беринг рассудил, что «до Якутска зимним путем за скудостью подвод и за великими снегами и морозами ехать было не можно», сплавляться же реками уже поздно, а потому было решено зазимовать в Илимске. О зимовке Беринга в Илимске, в этом захудалом, давно уже утратившем всякое торговое значение сибирском городишке, заложенном еще в 1631 году, мы знаем очень мало. Знаем лишь, что вскоре же по прибытии сюда Беринг отправил в Усть-Кут на Лену партию служителей и плотников, всего 39 человек, которым надлежало, под руководством отправившегося с ними помощника Беринга лейтенанта Шпангберга, заняться сооружением

судов для отправки их вниз по Лене в Якутск с значительно уже возросшими грузами экспедиции и командой. Известно также, что Беринг, собиравший всюду, где мог, сведения об Охотско-Камчатском крае, где вскоре во всю ширь должна была развернуться его деятельность, отправился зимою в Иркутск, «для совету к тамошнему воеводе, который прежде был воеводою в Якуцку и о тамошних краях известен как бы нам способнее переправиться от Якуцка до Охотска и до Камчатки понеже мы подлинного известия о тамошних краях не имели...»¹ Завербовав в Иркутске 20 человек плотников и кузнецов и прихватив еще из Илимска двух бочаров, Беринг по последнему зимнему пути отправился к месту постройки судов на Усть-Кут.

Приближаясь к устькутскому «Плотбищу», Беринг уже издали заметил, что дело идет здесь на лад. Длинной шеренгой, поддерживаемые жердями, вытянулись вдоль берега только что сооруженные суда речной флотилии. Не окрашенные еще и не совсем законченные суда весело поблескивали на солнце, сверкая свежееотесанным деревом. Возле судов копошились люди, варили смолу, щипали паклю. Стучали топоры, визжали пилы, слышалась ругань. Начальника не сразу заметили, а заметив, тотчас послали за «kozyрем». И козырь явился, как всегда подобранный, аккуратный его меховой полшубок был застегнут на все пуговицы. За ним плелся большой лес с тупой мордой и сердитыми глазами. Беринг по-приятельски поздоровался со Шпанбергом, и

оба пошли на стапель осматривать суда. В Усть-Куте Беринг остался до начала навигации.

К концу апреля неутомимо деятельный Шпанберг, не без применения, надо полагать, суровых мер воздействия, справился с задачей и смог передать в распоряжение Беринга суда.

Всего было построено здесь и спущено на воду 15 судов, длиной от 39 до 49 футов, шириною от 8 до 14 футов и глубиною со всем грузом от 14 до 17 дюймов. Помимо этих судов, здесь было сооружено еще 14 лодок.

Все припасы и снаряжение, сосредоточенные к тому времени в Усть-Куте, были погружены на суда, и 9 мая 1726 года флотилия отплыла вниз по Лене в Якутск, где ожидали путешественников главные запасы провианта.

Плавание протекало, как видно, вполне благополучно, грядущие трудности ожидали путешественников еще впереди. Разгруженный на время от хлопот, Беринг занят теперь этнографическими наблюдениями: «...вниз по реке Лене по обе стороны живут якуты и мало число тунгусов. Якуты имеют у себя скота довольно лошадей и коров, а пропитанием и одеждою довольствуются все от скота, а которые скота мало имеют, оные рыбою; веру держат идолопоклонческую, кланяются солнцу, луне, да изо птиц лебедю, орлу и ворону; имеют у себя в великой чести ворожей, которые по тамошнему называются шеманы, они же у себя имеют болванов маленьких, а по их шайтаны; а по признанию, что оные от татарской породы».¹

¹ Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири, «Записки военно-топографического депо», часть X, СПб., 1847 г.

¹ Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири. «Записки военно-топографического депо», часть X, СПб., 1847 г.

В Якутск Беринг прибыл в первых числах июня 1726 года. Здесь уже с сентября прошлого года пребывал Чаплин. Занятый все время хозяйственными делами по подготовке к будущей экспедиции, он снаряжает отсюда несколько человек в Охотск для заготовления леса для постройки корабля, которому предстоит выяснить вопрос: сходитесь ли Америка с Азией или нет? Он заготавливает также тысячу пар кожаных сум для муки, которую отправят отсюда в Якутск. Повидимому, эти сумы были довольно объемисты — для отправки их с мукой в Охотск потребовалось шестьсот лошадей. К моменту прибытия Беринга в Якутск его экспедиционный отряд так разросся, что насчитывал уже свыше двухсот человек.

Якутску, этому, по древнему выражению, «седалищу холода», принадлежит выдающаяся роль в деле организации экспедиции Беринга, особенно второй. Мы должны поэтому несколько задержаться в Якутске, так как вполне согласны с мнением Берха, что, «поелику экспедиция капитана Беринга есть первое морское путешествие, россиянами предпринятое, то все малейшие подробности оного должны быть приятны для любителей отечественных древностей. Ежели многие из них покажутся теперь странными, то тем не менее достойны уважения, ибо являют постепенный ход вещей от первого начала до нынешнего совершенства».

Основанный в 1632 году, Якутск во времена Беринга имел не более трехсот дворов. «Обеспokoивался» город, по выражению современника, всего более морозами и клопами. «Русских деревень, — сообщает Чаплин, — в близости под ве-

дением не имеет. Кругом города живут иноземцы, ясашные якуты, больше 30 тысяч, а жители при городе все служивые, малая часть купечество». Отстраивался Якутск в виде деревянного четырехугольника, тянувшегося на 320 сажен, стены его заключали ряд башен, отстоявших одна от другой на определенном расстоянии. Посредине города был сооружен кремль, также деревянный, с шестью башнями, внутри находилось каменное помещение, где жил воевода.

Когда прибыл сюда Беринг, над городом стоял мрак, от нависшего зловещего облака все было как в тумане, в душном воздухе пахло гарью отдаленного лесного пожара, «чему виною бездожде, — как замечает Чириков, — ибо в городе Якутске всегда живет мало дождя и для того и травы мало растет; как и сего лета травы не было, кроме тех мест, где река поднимала. Также и снегов мало идет, а морозы стоят жестокие». И действительно, о якутских морозах создались легенды. Участник второй экспедиции Беринга, академик Гмелин рассказывает, как один тамошний воевода, одетый в теплую шубу, идя к себе в канцелярию, расположенную всего в восьми шагах от его дома, отморозил себе руки, ноги и нос. «Верно воевода шел к должности в каком-нибудь глубоком раздумьи, чтобы в минутном переходе дойти до такого состояния», — иронизирует над сообщением Гмелина Слоцов. Не верит он и здешним семидесятиградусным морозам при безоблачном небе, когда в воздухе «копоть» и «от сгущения воздуха дым из труб едва поднимается, а воробьи и сороки падают и мертвеют», которые наблюдал или о которых слышал в Сибири тот же Гмелин. Эти морозы, замечает Слов-

цов, «дозволяют себя оподозреть». По его мнению, мороз в 70° не мог быть, а потому «прежде, нежели согласиться на изложенные наблюдения, надобно бы знать чьего мастерства термометры и кто были наблюдатели». Так или иначе, прав ли Словцов или Гмелин, но зимою жизнь, скованная во всяком случае жесточайшим морозом, замирает в Якутске и «одушевляется только тогда, когда солнце видимо будет в реке, а затем наступит и ярмарка», являющаяся в жизни якутчан событием первостепенной важности. Большой интерес проявляли к якутской ярмарке и участники экспедиций Беринга, запасавшиеся в дальний поход всякой всячиной. На ярмарку, устраиваемую обычно вблизи ленской пристани, стекались во множестве не только местные жители, но и обитатели окрестных сел и деревень, «более с деньгами, менее с глазами любопытными». На судах и просто на лодках привозили издалека бакалею, муку, сахар, виноградное вино, холст, шелковые и шерстяные ткани, огородные овощи, фрукты и проч. Все это с превеликим любопытством осматривалось, пробовалось, обнюхивалось и обменивалось на дорогой, привезенный якутами пушной товар или приобреталось на деньги. К концу дня большинство покупателей было изрядно навеселе. «Вино, — замечает Словцов, — сказывалось в болтовне, шутке и шуме. Гул на Лене не утихает целые сутки, как не вечерний свет и овод неутомимый».

Немногочисленно было в то время якутское население. Всего обитало в городе, вместе с якутами «крещеными, семейно жившими или служившими при домах русских», около 3000 человек, среди них 50 купцов. Хорошо приспособившиеся

к климату, якуты удивительно легко и бодро переносили как морозы, так и жару, достигавшую здесь нередко 25°: «Бодры и живы в обоих временах». Но проезжие чувствовали себя здесь весьма неуютно. С замечательной наивностью Словцов замечает, что семьи заезжих чиновников вовсе не размножались в Якутске «по трудности привыкнуть к здешним климатом, к образу жизни, к лишениям и, наконец, к особому духу жителей природных». Но и последних здесь нередко подстерегают неожиданности. Вспыхнувшая в Якутске в марте 1727 года откуда-то занесенная жесточайшая эпидемия кори не пощадила ни детей, ни взрослых, «которые прежде в оной не бывали». «А болезни сей в Якутске, по словам здешних жителей, больше сорока лет не бывало, что удостоверяет и настоящая скорбь».

От Якутска начинаются главные мытарства участников беринговой экспедиции. Необходимо было преодолеть труднейший для переправы столь громоздкого имущества тысячеверстный путь. Путешествие оказалось тем более тяжелым, что моряки непредусмотрительно двинулись слишком поздно, а именно в исходе июля и в половине августа; рано грянувшие морозы для некоторых партий оказались катастрофическими. Для похода в Охотск Беринг мобилизовал у местных жителей-якутов огромное количество лошадей, свыше шестисот, на которых и отправил разную кладь व्यюками. «И клали только по 5 пуд. на лошадь понеже телегами за великими грязями и горами ездить невозможно». Если современному путешественнику, вооруженному знанием и опытом, если не лично своим, то своих предшественников, при передвижении по этим отдаленным

районам Якутии приходится терпеть подчас разные неприятности и попадать в очень серьезные затруднения, то нетрудно представить себе, что должны были испытывать наши моряки, не имевшие еще необходимых организационных навыков при передвижении с огромным грузом в мороз по безлюдной тысячеверстной тундре. Посмотрим же, как протекало их путешествие и в каком виде прибывали люди и животные к месту назначения. Лаконичный рапорт самого Беринга в Адмиралтейств-коллегию из Охотска от 28 октября 1726 года дает нам наилучшее об этом представление. «Отправленный из Якутска сухим путем провиант, последний прибыл в Охотск 25 октября на 396 лошадях. В пути пропало и померзло 276 лошадей за неимением фуража. Во время путешествия к Охотску, люди терпели великий голод, от недостатка провианта: ели ремни, кожи, и кожаные штаны и подошву. А прибывшие лошади питались травой, доставая из-под снега; понеже за поздним приездом в Охотск сена заготовить не успели; да и не можно было: все замерзло от глубоких снегов и морозов. А остальные служители прибыли нартами на собаках в Охотск». Уже из этого рапорта мы можем судить теперь о том ущербе, который нанесла экспедиция Беринга весьма немногочисленному населению Якутии и его хозяйству; потери для якутов были тем более чувствительны, что вознаграждались самой ничтожной оплатой. Вообще отношение к инородцам, якутам и камчадалам, хотя по возможности и смягчалось самим Берингом, представлявшим бесспорно исключение из целой галереи здешних правителей и наезжих деятелей, все же не может не вызывать в нас

возмущения, даже если мы учтем жестокие нравы того времени. До самых последних чисел октября прибывали караваны с грузом в Охотск. Бедствия, которые претерпевали в незнакомой местности сраженные леденящим якутским холодом люди, отчасти напоминают бедствия французов, отступавших из-под Москвы. Изможденные, обмороженные, голодные, ободранные, с ногами, закутанными в рваные тряпки, так как сапоги были съедены, свалив на дороге половину груза, который не могли везти еще более истощенные лошади, падавшие под тяжестью его, люди, едва волоча ноги, прибывали в Охотск до самых последних чисел октября и сдавали Чаплину грузы. Выполнив свою миссию, уцелевшие лошади по большей части, не получая ни сена, ни овса, которых не было в Охотске, уже не могли оправиться и падали в Охотске во множестве. За каждую павшую лошадь якутам платили по два рубля, а проводникам, совершившим героический поход из Якутска в Охотск, по одному рублю. Кстати заметим, что якутские лошади — животные в высшей степени замечательные. Как и здешние коровы, они низкорослы, но чрезвычайно выносливы и крепки. Круглый год предоставленные самим себе, они в большинстве случаев не имеют помещений. В сильные же морозы, когда термометр показывает минус пятьдесят и более градусов, они уходят в лес «отогреваться». В результате такой суровой борьбы за существование шерсть здешних лошадей поражает густотой и длиной, — иная такая лошадевка напоминает скорее медведя, чем лошадь. Но трудности беринговых экспедиций превысили силы даже этих исключительно выносливых животных. Весь путь

от Якутска до Охотска был усеян конскими трупами, растерзанными волками.

В жизни края и в истории обеих беринговых экспедиций Охотск сыграл выдающуюся роль, хотя ни местоположение его, ни природные особенности, чрезвычайно скверные, не предназначали его к этой, да и ни к какой другой роли. Охотск явился, так сказать, искусственным продуктом случайно сложившихся обстоятельств. Возникший в 1649 году на наносном низком берегу моря у устья бурной реки, регулярно в половодье заливавшей острог, стоящий на сквозняке, т. е. доступный действию всех ветров, Охотск не развивался особенно бурными темпами. Чаплин в записи от 1 октября 1726 года посвящает следующие строки Охотску: «Острог стоит на берегу реки Охоты, жилья в нем 11 дворов. Расстояние отстоит, ежели прямо моря $1\frac{1}{2}$ версты; от устья реки Охоты 5 верст. Жители русские, а имеют пропитание от рыбы и от коренья больше нежели от хлеба. Ясашных иноземцев имеется под ведением у сего острога довольно тунгусов, они же и ламуты называются, которые называют море ламой». ¹ Чаплин не упомянул всех здешних строений. Помимо одиннадцати дворов, в Охотске в то время была еще старая часовня, не менее древняя яшашная изба и амбар. Более подробные, но не менее печальные сведения об Охотске сообщает нам сам Беринг: «Место было новое и пустое, и строения никакого еще не производилось, и жить было негде, и лесов и травы в нем не растет и близко не имеется, ибо все дресвяное... Служители строили офицерам

покои, а себе — избы и казармы; возили глину на себе и делали кирпичи; дрова для топления печей на себе таскают верст за шесть и за семь; воду пресную на свое употребление из реки возят на себе же расстоянием от того жилья версты по две и по три; и сухари сушат; и заготовленные к строению пакетботов бревна и коры и прочее плавят по реке слишком с тридцать верст; и к кузнечным поделкам угля ягут; и для приготовления к пакетботам смолы нарочно в Камчатку посылаются; и нарты делают сами; и провиант на себе же возят».

К неудобствам житейским присоединялись неудобства еще более серьезного порядка. Порт не имел самого главного: более или менее надежного пристанища, бухты, где суда могли бы найти хорошую якорную стоянку. Вытянувшаяся прямой линией на сотни километров береговая полоса, в одном из пунктов которой суждено было обособиться Охотску, не имела нигде хотя бы намека на какой-либо ковш, залив или бухточку. Попытка перенести порт из устья Охоты в устье реки Кухтуя заранее была обречена на неудачу, столь же безнадежны оказывались и прочие, предлагавшиеся вплоть до начала XIX века, проекты помочь беде. «...и несчастный Охотск, всеми бранимый и презираемый, оставался на своем прежнем месте...» ¹ А презирать и бранить Охотск безусловно было за что. Ни один из путешественников, побывавший в этой трущобе, не сказал о нем доброго слова. «Трудно себе пред-

¹ Охотск. По запискам Г. Савина 1845 года, „Записки Гидрографического департамента Морского министерства“, часть IX, СПб., 1851 г.

¹ Приморские тунгусы, или эвенки, называются ламутами.

ставить картину печальнее той, какую имеют окрестности этого злополучного порта», — замечает хорошо изучивший Охотский край доктор Н. В. Слюнин. И в самом деле, древесной растительности вокруг никакой, вода с примесью соли. Над головой вечно слезливое небо, робко зеленеет травка, а среди бедных, в беспорядке разбросанных домишек распростерлось болото, испускающее вредные испарения. В конце мая вскрывается река Охота, впадающая в море вблизи Охотска. Лед шествует к морю до последних чисел июня. Но и открытие навигации не приносит больших радостей. Наступает томительный и нудный сибирский «бус» — непрерывный мелкий дождь, сопровождаемый густым туманом. Лишь в июле погода становится несколько лучше, а там снова снег и мороз, мрак и слякоть... Влияние погоды и местности на человеческую психику и настроение совершенно бесспорно. Не этим ли влиянием красот и удобств охотской природы объясняются бесконечные, причинившие столько хлопот, волнений и неприятностей Берингу скандалы и грызня, возникавшие среди принужденных подолгу жить в Охотске офицеров его экспедиций?

И все же, наперекор всем условиям своего собственного существования, Охотск жил, так как был необходим не только как административный пункт прибрежного района Охотского моря, но и для наступательного продвижения нашего еще дальше на восток. Заменить Охотск пока было нечем.

Со времен экспедиций Беринга «Охотск, — по замечанию Словцова, — ничтожное зимовье, становится точкою заметною». Во время Второй Камчатской экспедиции Беринга, или Великой се-

верной, эта точка начала деятельно обстраиваться. В 1742 году Охотск состоял из «Охотского правления», заключавшего: государев двор, канцелярию, казарму, три мастерские (купорная, кожевенная и кузница), церковь, пять амбаров, сорок обывательских домов и пять лавок, и из «Экспедиционной слободы», в которой было: пять казарм, шесть магазинов, кузница и тридцать три обывательских дома, где жили главным образом офицеры и нижние чины экспедиции Беринга. Охотская флотилия в то время состояла из восьми судов. Как мы видим, Охотск, до 1726 года, т. е. за 77 лет своего существования, обзаведшийся всего лишь одиннадцатью строениями, был разбужен от безнадежной спячки Берингом, принимавшим в его развитии самое горячее участие. Фактически Беринг в то время был главным управителем, как бы генерал-губернатором не только Охотска, но и всего обширного Охотско-Камчатского края. Ему Адмиралтейств-коллегия поручила и административный надзор и наблюдение над устройством Охотска как специалисту. В 1737 году Беринг собственноручно начертил план города, который и представил в Адмиралтейств-коллегию. После окончания беринговых экспедиций, съездом моряков на родину, жизнь города и порта стала замирать. Но это было не более как затишье перед новым подъемом, вызванным огромными последствиями — промышленными и торговыми — беринговых экспедиций.¹

¹ С 1803 года русское правительство, по предложению Крузенштерна, избрало другой путь для сношений с Камчаткой и американскими колониями, а именно: кругосветный морской путь. Путь этот, конечно, лишь отчасти смог заме-

1 октября верхом на лошади прибыл в Охотск сам начальник Беринг. Тысячеверстный путь совершил он налегке, без особых приключений. Однако дорога, пролежавшая больше в горах, была очень дурна и сильно утомила капитана. Сорок пять дней не слезал он с седла. Прибыв, стал наводить порядки, вникая во все детали экспедиции. Прежде всего необходимо было заняться постройкой и оборудованием помещений для сильно возросшего состава экспедиции, а также для хранения грузов. Жилищный кризис в Охотске имел свои особые основания: всего в породе, как мы видели, было десять или одиннадцать дворов! Амбары же, куда складывались поступающее снаряжение и провиант, были настолько ветхи, что при первом же натиске сильной бури готовы были развалиться. Необходимо было спешить и с постройкой судов для предстоящего похода; еще с лета сюда было отпра-

вить прежний, и на долю Охотска выпадало еще достаточно работы, хотя значение его как „окна“ на Камчатку и в Америку и было поколеблено.

В 1849 году, с учреждением Российско-Американской компании, т. е. ровно через двести лет после основания Охотского острога, Охотский порт был закрыт, так как на побережье Охотского моря, в Аяне, было наконец найдено более удобное место для учреждения на Охотском море порта. Указом от 2 декабря 1849 года повелевалось: „Охотский порт, по ненадобности его, а также тамошнее приморское управление упразднить, присоединив сей край, в виде особого округа, к Якутской области“. Еще за три года до закрытия, т. е. в 1846 году, в Охотске было жителей 884 человека (из них женщин 288). К прежним постройкам, помимо большого количества новых обывательских домов, прибавились: гостинный двор, больница, несколько казарм и пр., на берегу же была поставлена батарея с семью орудиями, а за городом появились два завода: кирпичный и селитряный.

Влеено из Якутска двадцать шесть человек плотников и двое кузнецов, но постройка была доведена только до палубы; все дело стало из-за отсутствия смолы, которая вскоре была доставлена. Отвратительное во всех отношениях положение Охотска создавало огромные затруднения для строительных работ, начатых с большим размахом Берингом. В Охотске под руками ничего не было, и весь строительный материал, даже камни под фундамент, приходилось носить, как мы видели выше, издалека. На другой же день по прибытии в Охотск Беринг послал в лес десять плотников на лесозаготовительные работы. Началась энергичная сплавка бревен. В дневнике Чаплина то и дело читаем: «Пригнали плот бревен. Купил г. капитан амбар, который переносили к строению»; «Приплавляли к строению 213 бревен. Работа была как и прежде»; «Пригнали 50 бревен»; «Послано в лес 20 человек рубить бревна. Пригнали 110 бревен» и т. д. С бревнами обстояло довольно удовлетворительно, хотя все приходилось начинать *ab ovo*, т. е. с самого начала, но зато заготовка других материалов требовала огромного терпения, так камни для печей и фундаменты приходилось носить верст за десять с Марья-капа, глину за пять верст с Кухтуя и т. д. Вторым неотложным делом у Беринга была заготовка продовольствия: он организовал рыбную ловлю, озабочился засолкой мяса пригнанной сюда еще летом и затем убитой ввиду бескормицы скотины; налажены были выварка соли из морской воды и приготовление вина из местной сладкой травы. Прекрасный и заботливый хозяйственник, Беринг дело выдачи продовольственных пайков поставил в рамки самой строгой отчетности,

проводившейся неуклонно в течение всей экспедиции. Завхоз экспедиции, гардемарин Чаплин вскоре произведенный Берингом за заслуги в мичманы,¹ не только подробно перечисляет в своем дневнике обычные выдачи команде, но также и экстренные, например, однажды он «по приказу г-на капитана роздал скотинный потрох служителям 73 человекам, ноги и прочий потрох, о чем и ордер получил 27 числа сего месяца». Во все время экспедиции, по распоряжению Беринга, как на берегу, так и на море, регулярно велось и записывались в журнал с мельчайшими подробностями метеорологические и астрономические наблюдения. Разумеется, наблюдения, производившиеся более двухсот лет тому назад с помощью весьма несовершенных приборов, а иногда и просто «на-глазок», с современной точки зрения, далеки от точности, но все же и они явились вкладом для науки и изобилуют многими интересными подробностями.

Налаживая хозяйство, Беринг, разумеется, не забывает о больших количествах продовольственного и прочего грузов, разбросанных, как мы видели выше, начальниками отдельных партий по всему пути от устья реки Юдомы до Юдомского креста, т. е. на протяжении около 450 верст. Он все время командирует туда для доставки грузов в Охотск партии людей с лошадьми. Эти дополнительные непредвиденные экскурсии в холодное время года с конца января до начала марта выполнялись командироваемыми с большой

неохотой и, повидимому, с явным и скрытым сопротивлением; иногда случались и побег. Но доставить партии грузы и снаряжение необходимо во что бы то ни стало, иначе может не состояться экспедиция. О том, насколько тогда тяжел был путь через Сибирь для всякого сколько-нибудь громоздкого транспорта и как слаба была организация, явствует из сообщения А. С. Полонского,¹ в котором говорится, что люди, измученные непосильными трудами и голодом и не имевшие даже теплой обуви, притом снабженные провизией очень скудно, отправлялись в путь с ожесточением: «Капитан посылает нас, — говорили они, — и нагих, и босых, без жалованья на верную смерть. Идем, и ежели сможем, подыдем казну,² а не в мочь и не тронем». Записи Чаплина во всяком случае не свидетельствуют, что Беринг посылал людей в трудный путь голодными: по два пуда муки на человека и по пуду мяса в месяц не так уж мало. Но недозволенных Берингом людей все же было в его экспедицию, повидимому, достаточно. Весьма характерен в этом отношении случай с писарем Семеном Турчаниновым, который, придя к Чирикову, сообщил ему, что знает за капитаном «слово и дело», обвинял его «в важных противностях» и подал ему донос, за что и был арестован и через некоторое время под крепким конвоем при отношении отправлен в Петербург.

Экспедиции Беринга через якутские дебри таят много безмолвных, незаметных и жутких

¹ Мичман в то время не был еще офицерский чин. Первым офицерским чином во флоте во времена Беринга был унтер-лейтенант.

¹ „Записки Гидрографического департамента“, часть VIII, 1850 г.

² Т. е. доставим казенный груз.

трагедий. Недаром было сказано про Якутию, что здесь больше сил у смерти, чем средств у жизни. Вот, например, посылают людей из Охотска верста за двести доставить брошенный на дороге, оставленный обязательно под охраной, груз. Люди возвращаются с грузом или с частью его, Чаплин тотчас записывает: «Генваря 27 прибыли от Креста плотников 2 человека, служивый 1 и доносили, что по Ураку умерло 2 человека плотников,¹ осталось от них 3 человека, живы или нет, про это не ведают. Больных 15 человек». Смысл этой записи, повидимому, таков: когда возвратившиеся были на месте, они видели там трех тяжело больных плотников, но, оставленные на произвол судьбы без помощи, неизвестно, живы ли они в данный момент или умерли. Или вот другая его запись от 18 февраля, когда за грузом был послан сам автор ее: «Часу в 6-м пошли рекою Ураком вверх. Часу в 8-м прошли щеки, где нашла команды нашей плотника умершего, которого вынеся на берег, погребли». 28, придя на реку Юдому ко Кресту, Чаплин узнал от служителей, что «штюрман Морисон умре февраля 2-го дня». Запись от 8 марта гласит: «Пришли к реке Большой Еловке к оставшим матриалам, которые повелено мне взять, и нашли умершего служивого, которого предали земле по обычаю христианскому». Еще запись от 18 марта: «Прибыли ко Кресту со всеми со мною матриалы и с людьми благополучно. Господин лейтенант изволил мне сказать, что геодезист Лужин умре сего месяца 11-го числа» и т. д. Гибли не только безвестны плотники и «служивые», но и люди, потеря кото-

¹ Т. е. из оставленной при грузе охраны.

рых была более ощутительна для экспедиции Беринга.

Смерть выписанного из Англии штурмана Морисона и геодезиста Лужина явилась следствием несчастного похода Шпангберга, о котором мы еще не говорили. Распределяя еще в Якутске партии, направляемые в Охотск, Беринг решил наиболее громоздкие и тяжелые вещи, как то: пушки, ядра, якоря, цепи, канаты, паруса и часть провизии, отправить по рекам Лене, Алдану, Мае и Юдоме, с таким расчетом, чтобы, достигнув верховьев Юдомы (урочище Юдомский Крест), или прямым путем переправить оттуда грузы в Охотск, или же по реке Урак сплавить грузы до моря. Всю эту сложную и ответственную операцию Беринг поручил выполнить наиболее энергичному из своих сотрудников Шпангбергу, который и отправился в путь 7 июля на тридцати судах, причем в августе дополнительно было послано ему еще два судна. Несмотря на высокие организаторские способности и распорядительность Шпангберга, экспедиция эта едва не закончилась полным крахом. Застигнутый врасплох выше устья Юдомы неожиданно грянувшими жестокими морозами, Шпангберг принужден был приостановить свой поход, и вмерзший в реку караван обречен был оставаться в таком положении до навигации будущего года. Шпангбергу следовало бы, оставив грузы под охраной на месте, отправиться в Охотск и отсюда уже организовать их доставку. Но он решил, дабы не терять времени, наладить перевозку грузов своими средствами по замерзшей реке на нартах. В начале ноября потянулся к Охотску колоссальный обоз из ста нарт, запряженных людьми и

собаками. Расчет, однако, не удался. В этом безлюдном, суровом крае, не получая ниоткуда подкреплений, голодные и холодные, люди стали выбиваться из сил. Вскоре же, на реке Поворотной, пришлось оставить сорок нарт, еще двадцать на реке Таловке, остальные же люди, терпя «великие бедствия» и питаясь разной падалью, собаками, ремнями и обувью, так как весь бывший с ними скот погиб, в половине декабря кое-как доплелись до Юдомского Креста, откуда отправили в Охотск посланца с сообщениями о бедственном своем положении и просьбой немедленно организовать помощь. Им тотчас же было выслано продовольствие, а для доставки груза вспомогательная экспедиция из пятидесяти человек при таком же количестве нарт. 6 января 1727 года прибыла в Охотск первая часть эшелона во главе с самим Шпангбергом. Морзяка трудно было узнать, так он изменился и похудел; он шел нетвердой походкой и вид имел крайне болезненный. Немногие узнали бы в нем прежнего, полного несокрушимой энергии, лихого «kozyря». Несчастливая экспедиция Шпангберга стоила многим жизни, в том числе, как мы видели выше, штурману Морисону и геодезисту Лужину; много народа из этого похода бежало в Якутск; помимо людских потерь, погибли и были съедены все собаки и скот.

Лишь только Шпангберг отдохнул и несколько оправился, Беринг назначил его руководителем вспомогательных отрядов по доставке оставленных по дороге грузов. И он деятельно принялся за работу.

А из Якутска все еще прибывают съестные припасы. Но много ли удастся доставить? Прибыв-

ший 11 июня в Охотск проводник из ста лошадей привел только одиннадцать, остальные же «разбежались, околели и съедены волками». Далее пошло удачнее, донесения пестрят следующими сообщениями: «1 июля прибыл лейтенант Чириков с остальными служителями и припасами, а вслед за ним квартирмейстер Борисов на 110 лошадях и привез 200 сум муки». Через неделю после Борисова «приехали из Якутска пятидесятник на 63 лошадях и привез 207 сум муки. 30-го прибыл сержант Широков на 20 лошадях и привел 50 быков».

С прибытием в Охотск лейтенанта Чирикова, остававшегося доселе в Якутске для закупок и наблюдения за отправляемыми в Охотск грузами, экспедиция обогатилась ценнейшим и необходимым для Беринга человеком. Чириков доставил также 2300 пудов муки.

Экспедиция с прибытием Чирикова стала еще энергичнее готовиться к отплытию на Камчатку. Весь июнь 1727 года ушел на последние приготовления. Вскоре был спущен на воду галиот¹ «Фортуна». 4 августа спустили и второй корабль, прибывший недавно с Камчатки и теперь заново отремонтированный. Это был тот самый бот, на котором совершалось в 1716 году достопамятное первое плавание из Охотска на Камчатку.

Все было готово к предстоящему плаванью. Эшелоны с продовольствием и снаряжением прибыли все, хотя и с большим уроном. Изумительны настойчивость и долготерпение, проявленные самим Берингом; он не успокоился, пока не перевез в Охотск всех продуктов и всего снаряжения.

¹ Галиот — двухмачтовое неглубоко сидящее судно.

Забота, чтобы было всего вдоволь и всем всего хватило, никогда не оставляет Беринга. Уже незадолго до отплытия в Камчатку он пользуется массовым нашествием линяющих уток и организуется в больших размерах охоту. «7 августа по-полудни, — заносит Чаплин, — отпущены были все за реку бить уток, которых пригоняет с моря. Таким обычаем, сберут ботов 20 или больше и во всякий бот человек 5 или 6 сядут и отъедут верст 6 или 7 и ночуют на берегу... Также и сегодня набили с три тысячи, а пять тысяч, — весьма наивно замечает Чаплин, — ушло».

Как только была спущена и снаряжена к плаванью «Фортуна», Беринг тотчас же отправил корабль с частью запасов экспедиции на западную сторону Камчатки, в Большерецк, под командой лейтенанта Шпангберга. Этот пробный рейс корабля, построенного в первобытных условиях дальней, безлюдной местности, из материалов, за исключением леса, полностью привезенных с собою, закончился благополучно. Выйдя из Охотска 1 июля, корабль возвратился обратно 11 августа.

21 августа состоялось, наконец, долгожданное отплытие всей экспедиции на Камчатку. На «Фортуне» плыли Беринг и Шпангберг, на втором корабле с остатками груза следовал Чириков. Плыли без приключений и 29-го увидели берега Камчатки. Подойдя к берегу и запасшись водой из речки Крутогоровой, поплыли дальше, взяв направление на юг. По пути встретили «великий шторм и легли на якорь». Дойдя до Большерецка, приютившегося в глубине удобной бухты, Беринг изменил план плыть далее на восточную сторону Камчатки и решил здесь зазимовать. Мы немно-

гое знаем о тогдашнем Большерецком остроге. «В Большерецком остроге, — сообщает Чириков, — русского жилья 17 дворов, да для моления часовня. Широта места $52^{\circ}45'$, склонение $10^{\circ}28'$ восточное. Управителем был некто Слободчиков». Сообщается также о здешнем климате, который «очень хорош, хотя с 7 октября и выпадал иногда снег, но река не становилась и 30 числа был гром. При устье реки, — добавляет Чаплин, — не имеется жилья».

Человек крайне осторожный, не любивший никогда рисковать, Беринг тотчас же по прибытии отдает весьма странное распоряжение: вместо того чтобы следовать на восточный берег Камчатки в Нижнекамчатск, откуда на будущий год и приступить к выполнению главной своей задачи: плыть к американским берегам, — он приказывает свозить всю кладь и все продовольствие на берег и затем переправлять весь этот груз поперек полуострова на западную сторону Камчатки в Нижнекамчатск, отстоящий от Большерецка на расстоянии 883 верст. Маневр этот был безусловно неудачен и нанес огромный урон местному хозяйству камчадалов, мобилизованных на эту крайне тяжелую, изнурительную работу. Почти все исследователи экспедиций Беринга жестоко осуждают мореплавателя за это распоряжение; и действительно, оно, как фатальным образом и все дела Беринга, имело далеко идущие последствия, только на этот раз последствия оказались крайне тяжелыми для местного населения.

Чем же был вызван этот маневр Беринга? «Весьма желали, — писал потом Беринг президенту Адмиралтейств-коллегии графу Апрак-

сину, — идти кругом Камчатского Носа, но для осеннего времени и за жестокими ветрами, (на таком карбасе идти не посмел, чтоб не случилось какого несчастья и не учинилось в той экспедиции великого препятствия». Беринг, следовательно, мало рассчитывая на свою «Фортуну», попросту не рискнул, не имея хорошей карты, плыть в сентябре океаном. Совершенно несомненно также, и это упускают или не знают порицатели Беринга, что сам он и приблизительно не представлял себе всех тех трудностей, с которыми была сопряжена переправа всех грузов поперек Камчатки в Нижнекамчатск. Ведь первоначальный расчет Беринга был совершенно иной; он понадеялся на выгоду водного сообщения по рекам Быстрой и Камчатке, близким в верховьях, по которым и было решено организовать сплав грузов. Однако реки эти обмелели, и из сплава ничего не вышло. Оставить же грузы в Большерецке до весны и затем отправить их морем в Нижнекамчатск также нельзя было, потому что тогда было бы упущено время для постройки в последнем более крупного корабля для американского путешествия. Постигни Беринг заранее, как выражается А. Сгибнев, «всю бездну зла, причиненного им камчадалам», он, несомненно, отказался бы от своего «безрассудного распоряжения».¹

«С самого начала появления русских на Камчатке, камчадалы познакомились с наглостью и безнравственностью ясачных сборщиков и казаков, которые для своих выгод не щадили никаких средств. Правительство наше, осведомясь об

огромных поборах, делаемых русскими на Камчатке, издало указ, которым повелевалось всем комиссарам при ясачном сборе не брать никаких взяток под смертною казнию... Но комиссары не справлялись с указами, а брали себе чашины,¹ с каждого иноземца по два и по три места, а за место считалось — бобр, соболь и лисица. Кроме того, казаки брали чащину для артели, а кто не платил, того били батогами до полу-смерти».²

Приезжие чиновники, сборщики и казаки дали возможность познакомиться камчадалам с еще одним «благом культуры» — с сифилисом. Болезнь эта так и называлась здесь «русской болезнью». Помимо Крашенинникова, свидетельствующего, что болезнь была впервые занесена русскими, о том же говорит и известный нам Словцов: «В Камчатке появилась любострастная болезнь с прибытием русских и можно сказать, что со времени Колумбова вывоза (из Америки) она обтекла кругом света в два столетия».

Экспедиция Беринга еще более ухудшила положение камчадалов. Собранные массами для перевозок кладей экспедиции с одного берега Камчатки на другой, камчадалы были тем самым оторваны на продолжительное время от домашних дел и потеряли драгоценное время для звериного промысла, являвшегося в этой неорганизованной стране единственным источником их жизненного благосостояния. Помимо этого, у камчадалов

¹ А. Сгибнев, Исторический очерк главнейших событий в Камчатке, „Морской сборник“, том CI, № 4, 1869 г.

¹ Камчатское название взятки.

² А. Сгибнев, Исторический очерк главнейших событий в Камчатке, „Морской сборник“, том CI, № 4, 1869 г.

были полностью забраны все их собаки; лишены теперь транспорта, они не смогли выполнить многих своих обычных хозяйственных дел и невольно сидели по домам в бездействии, в ожидании возвращения своих четвероногих помощников. Но и эти надежды оказались тщетными: от сверх меры изнурительной и тяжелой работы большая часть собак погибла, а вернувшиеся были настолько истощены, что оказались вовсе непригодными к ездовой работе. В итоге камчадалское хозяйство оказалось вконец расстроенным, расстройство было тем более полное, что за весь причиненный им урон и лишения они получали, как мы видели выше, самое ничтожное вознаграждение.

Спohватившийся поздно Беринг, правда, сделал, что мог, для камчадалов: дал им некоторые льготы и совершенно освободил участвовавших в экспедиции камчадалов от ясака и прочих сборов. Но не тут-то было! Вконец развращенные ценной даровой добычей и полнейшей безнаказанностью, несмотря на строгие указы, правители-сборщики действовали с еще большей наглостью. Подобно гоголевскому городничему, праздновавшему дважды в год именины, дабы получить от купцов двойное количество подарков, комиссары собирали в свою пользу по два и даже по три раза в год не только ценную пушнину, но и все то, что попадалось под руку: домашнюю птицу, сушеную рыбу, зайцев, даже сладкую траву, из которой камчадалы готовили излюбленный ими напиток. Если же у разорившихся камчадалов не оказывалось требуемого, сборщики забирали «в холопство» их жен и детей. В отчетных же книгах отмечали, что камчадал такой-то

«освобожден» от всех сборов как участник в перевозках экспедиции Беринга. Эти люди, действовавшие с «болванопоклонниками» и «нехристями» бесчеловечно жестоко, планомерно довершали полное разорение камчадалов. Проведав о проделках правительственных комиссаров, Беринг 11 июля 1728 года отдает следующий, крайне характерный для нравов того времени, приказ: «Нижнего Камчадальского острогу и протчих острогов комиссарам, а в небытность их — управителям, объявляется. Сего 1728 году марта в разных числах Уки реки, также и по реке Камчатке, дутчие иноземцы доносили мне словесно чрез толмачей, а многие и сами российским языком, об своих обидах доносили, что сверх ясаку и аманацкую корму собирают с них сладкую траву, ягоды и сарану,¹ от чего им не малая тягость и терпят голод. Также когда собирают ясак (сборщики, то для своей бездельной корысти берут с них сильно² куклянки,³ сети и боты, от чего чинитца не малый недобор в ясашной сборной казне. Ныне, подтверждаю сие письменно, чтоб отнюдь комиссаром и управителем для своей бездельной корысти сами, также и позволения служилым людям не давали таких сборов (сбирать с иноземцев и обид им никаких не чинить, кроме того от Якуцкой канцелярии указом повелено будет. А ежели кто такие непотребные сборы и обиды чинить будет, такие наказаны будут, как

¹ Сарана — растение из семейства лилейных, имевшее лекарственное значение: „здоровью служающее“, как говорили тогда.

² Т. е. насильно.

³ Куклянки — верхняя одежда, подшитая и снаружи и внутри оленьим мехом, имеет капюшон.

указы его императорского величества повелевают».¹

Но все напрасно. Тесно сплоченная компания мародеров, во главе с наиболее жестокими комиссарами Новгородовым и Шехурдиным² совместно с подъячими Мухомлевым и Свешниковым, продолжала действовать попрежнему. Всеобщий вопль уже не достигает ничьих ушей, разорение камчадалов не привлекает ничего внимания. Положение становится все более безнадежным, они не в состоянии более выносить гнета, поступки грабителей окончательно выводят их из терпения, а в таком состоянии даже наиболее миролюбивые люди решаются на крайние меры, они предпочитают лучше смерть такой жизни. И камчадалы решили при первой же возможности сбросить власть русских, поднять всеобщее восстание. Всего более камчадалов возмутила несправедливость, они легче перенесли бы насилие. Они вполне разделяли мнение, что несправедливость, сделанная одному, есть угроза для всех. Они ни за что не хотят больше терпеть алчных сборщиков ясака. Но их страшит Беринг, присутствие на Камчатке военной царской экспедиции. Но лишь только закончилась экспедиция Беринга и последний его корабль отбыл на материк, единодушное восстание, с удивительной по тому времени организованностью в среде дикого народа, охватило весь огромный Камчатский полуостров. Началось оно

¹ Экспедиция Беринга, дело № 110 л-6 (отпуск). Приказ опубликован впервые в сборнике архивных материалов «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке», изд. Института народов Севера ЦИК СССР Л., 1935 г.

² За злоупотребления на Камчатке оба были повешены.

20 июня 1731 года, лишь только бот «Гавриил», снявшись с якоря, покинул негостеприимные берега далекой земли. Беспощадно было мщение камчадалов. Кровавая война прокатилась по всему полуострову, вернее по всем острогам, населенным русскими.

Мы не станем описывать, как было подавлено камчатское восстание, потребовавшее от русского правительства много времени и средств, скажем лишь, что жестокою, кровавую расправу начальник операции Эверстов после года борьбы принужден был приостановить «по крайнему недостатку как в снарядах, так и в людях до присылки помощи из Якутска». Борьба с камчадалами изобиловала характерными моментами, свидетельствующими, до какой степени ненавистно было для камчадалов это неограниченного владычества сборщиков ясака. Когда к Нижнекамчатску, где засели камчадалы, прибыл Спешнев во главе отряда с пушками и мортирами и стал уговаривать сдаться, обещав пленникам жизнь, камчадалы обьявили через посланца, что предпочитают смерть грабежам сборщиков, после чего открыли огонь по русским. «За что изменники, — повествует летописец, — по взятии острога приступом, zde и погибли, а многих божею помощью на бою погибли, а которые из острогу убежали и тех на побеге и поимке побили. Многие же, сидя в остроге, ясачную избу зажгли с порохом и в ней сами сожглись и зажгли острог со строением».

Грозные события на Камчатке, встревожившие петербургское правительство, выдвигали неотложный вопрос административного устройства камчадалов. В вопиющих злоупотреблениях сбор-

щиков податей оно убедилось теперь вполне. До Петербурга доходили слухи об еще более ужасных методах сбора податей с инородцев в других местностях Сибири.¹ И правительство решает энергично взяться за разрешение восточного вопроса. С одной стороны, оно производит расследование и ищет виновных в ужасных злоупотреблениях, с другой — реорганизует по совету Беринга административное управление обширного Охотско-Камчатского края и назначает сюда главного начальника всей окраины с резиденцией в Охотске. В основу же всего устройства края правительство принимает соображения Беринга, высказанные им подробно по прибытии в Петербург по окончании Первой Камчатской экспедиции и вкратце (Беринг не любил много писать) изложенные им в записке, лично представленной императрице в 1731 году.

Мы еще коснемся широких и разносторонних административных мер, осуществленных Берингом в Охотско-Камчатском крае, а сейчас вернемся к нашим путешественникам, которых оставили за переправой грузов экспедиции поперек Камчатки в Нижнекамчатский острог. Операция эта, как мы уже говорили, была совершена с трудностями, представить которые вряд ли под силу современному человеку. Надеялись на удобный сплав по рекам, но еще не дойдя до верховья реки Быстрой, из-за ее быстроты и мелководья, принуждены были весь груз с тридцати лодок выгружать обратно на берег. Руководитель операции лейте-

Типы камчадалов

¹ Так, например, печальной памяти Шестаков сжигал целыми семьями коряков, не имевших возможности уплатить наложенный на них ясак.

нант Шпанберг сильно простудился и больным на собаках был доставлен в Нижнекамчатск. Сваленный груз по частям, небольшими партиями, с «великими трудами» на собаках в течение всей зимы доставлялся туда же, весной же удалось по Камчатке оплавить и все остальное. В январе 1728 года прибыл, наконец, в Нижнекамчатск и сам Беринг, «по тамошнему обычаю, — как сообщает он в своем донесении, — на собаках, и каждый вечер в пути, для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурги, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, отчего и умирают». Якутские собаки оказывали в походах как самому Берингу, так и прочим членам экспедиции огромную помощь не только как упряжные животные. Они все время были и отличными проводниками, совершенно незаменимыми в сильную метель; когда нельзя было открыть глаз, они не сбивались с дороги. Собаки служили также прекрасным барометром; хорошо чувствуя приближение бури, они во время отдыха рыли в снегу ямки и забирались туда; всякий раз путешественники убеждались, что это вернейший признак скорой метели. Сообщая о своей поездке и о многом другом: о пурге, о том, что «по камчатской земле к югу живут курила, к северу камчадала», как именно они живут и прочее, Беринг дипломатично умалчивает о своем неудачном распоряжении перевозить кладь сухопутьем из Большерецка в Нижнекамчатск.

В апреле, когда все снаряжение, лес и материалы были наконец доставлены, заложили новое

судно, бот «Св. Гавриил». ¹ Событие отпраздновали с помпой, причем «господин капитан жаловал всех вином», — с удовольствием сообщает Чаплин. Корабль соорудили с необычайной быстротой, 8 июня состоялось торжество спуска. Был отслужен молебен с водосвятием. Почти через месяц, 6 июля, из Большерецка, т. е. морем, обогнув мыс Лопатку, прибыла сюда «Фортуна». Мореход Мошков, командовавший судном, вполне удачно, без всяких приключений, выполнил то, чего не решился выполнить в прошлом году Беринг, «чрез то, — замечает Берх, — выиграно бы было два года времени, и бедные камчадалы не должны бы были перевозить все тяжести поперек Камчатки, из Большерецка в Нижнекамчатск». Однако, «Фортуной» для американского похода воспользоваться не удалось: корабль требовал ремонта, и довольно основательного, а времени не было. Ладью для похода также не использовали, вероятно вследствие маломощности, ее отослали обратно в Охотск.

Бесконечные, затянувшиеся на целых три с половиною года, приготовления к отплытию экспедиции подходили к концу. Забирали продовольствие с расчетом, «чтоб можно было 40 человекам пропитаться год». Покупали у камчадалов оленей, ловили сетями рыбу, готовили, или, как тогда выражались, «сидели» из сладкой травы вино, наконец вытапливали жир из выброшенного на берег мертвого кита. Бесплатный дар моря дал триста пудов китового жира. Этим жиром рассчитливый Беринг расплачивался с камчадалами, ко-

торые были у нас в подводах от Большерецкого... да им же давано было вместо денег китайским табаком». В общем, работа и здесь была «непрестанная и усиленная».

13 июля 1728 года хорошо зашпаклеванный и оснащенный «Св. Гавриил» наконец отправился из устья реки Камчатки в дальний путь на север для разыскания пролива между Азией и Америкой. На борту корабля находилось 44 человека во главе с начальником экспедиции Берингом; его помощниками были лейтенанты Чириков и Шпангберг. Корабль держал курс на северо-восток. Из судового журнала видно, что мореплаватели самым внимательным образом приглядывались ко всем особенностям берегов, мимо которых следовали; отличительные особенности прибрежных мысов и гор отмечают, например, следующими выражениями: «Видели гору, белеющуюся от снега», или «видели гору знаменитую», «видели гору особого вида», «видели гору при самом море». Весь берег, вдоль которого плыл корабль, являл весьма импозантную панораму высоких гор; одна из этих гор, причудливо покрытая в разных местах, как бы пятнами, снегом, была названа Берингом Пестровидной.

Возникает весьма любопытный вопрос: знал ли Беринг, отправляясь в это историческое плавание, имевшее такие большие последствия, что Азиатский материк отделен от Американского проливом? Дал ли ему что-нибудь в этом отношении сибирский опыт, связь в течение нескольких лет с местными жителями? Мы должны ответить на этот вопрос совершенно положительно. Живя более трех лет в Сибири, Беринг обращался ко всем, кто ему мог что-либо сообщить об этом.

¹ Бот имел 60 футов длины, 20 футов ширины, при 7 1/2 футах осадки.

Мы видим выше, что, еще зимую в Илимске, он ездил в Иркутск к проживавшему там воеводе из Охотска. Весьма возможно, что именно под влиянием беседы с воеводою у него и возникла уверенность в наличии пролива между Азией и Америкой, потому что именно в Енисейске он намеревался и даже предлагал совершить плавание не с Камчатки на север, как совершал сейчас, а с северного азиатского побережья из устья Колымы на Камчатку. Такой план мог созреть у Беринга не иначе как при уверенности, что проход между Азией и Америкой существует. «Ежелиб определено было, — писал Беринг, — идти с устья Колымы до Анадыря, где пройти всемерно возможно, о чем новые азиатские карты свидетельствуют, и жители сказывают, что прежде сего сим путем хаживали, то могло бы быть исполнено желаемое с меньшим коштом». Это чрезвычайно важное признание Беринга, около девяносто лет тому назад отмеченное А. С. Полонским,¹ очень многое объясняет нам в поведении и настроениях Беринга в описываемое плавание. Передают также, что Беринг, большой любитель книг и карт, не упускал нигде случая знакомиться с ними. В бытность в Иркутске он разыскал где-то на рынке и купил неизвестную ему иностранную географическую карту, на которой ясно был обозначен пролив, разделяющий Азию от Америки. Возможно, что эта карта сыграла не малую роль во мнении Беринга, что пролив существует.

¹ А. С. Полонский, Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—29 г., «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», часть VIII, СПб., 1850 г.

Продолжая плыть вдоль берега, моряки 27 июля минуют мыс Св. Фаддея. Все, что ни встречалось им по пути характерного и достопримечательного, — мысы, горы, равно как и линия берега, насколько можно было уловить ее, все это по распоряжению Беринга зарисовывалось, и определялось местоположение каждого объекта. Далее судовой журнал отмечает: «Близлежащие берега должны быть очень выскки, ибо мы видели их в большом отдалении. При мысе сем встречали мы множество китов, сивучей, моржей и разных птиц. Пользуясь тихою погодою, наловили мы здесь довольно вкусной рыбы, роду лососей. Глубина моря была здесь 65 и 75 сажен». Богатство морской фауны подтверждает и Чаплин: «В море сем, — говорит он, — показуется животнова, китов множество, на которых кожа пестрая, морских львов, моржей и свиней морских».

Плывя все дальше в северо-восточном направлении, «Св. Гавриил» приближался к устью реки Анадыри. Проведать здешний острог Беринг не пожелал, так как спешил в эту навигацию сделать еще многое; опасаясь ранней зимы, он страшно экономил время и был скуп на остановки. А между тем, задержись он здесь хоть недолго, он узнал бы от анадырских жителей много любопытных сведений о пути на север, смог бы здесь получить и свежей провизии. Вообще следует отметить и поставить Берингу в упрек, что подчас, быть может, излишняя осторожность и боязнь риска несколько вредили мореплавателю, часто затушевывая или даже сводя на-нет многие из его открытий.

Погода благоприятствовала нашим путешественникам, бури не тревожили их; продвигаясь

Неизменно вперед на север со средней скоростью 85 миль в сутки, моряки жалуются лишь на все чаще одолевающий их туман. Журнальные записи: «в сие сутки не случилось ничего замечательного» все чаще чередуются с пометками: «мрачная и туманная погода с дождем», «умеренный ветер и мрачность», «тихий ветер и облачно».

Чем дальше углублялся Беринг на север, тем тщательнее осматривал он каждое береговое углубление и возвышенности и, следуя обычаю своего века, давал имена новооткрытым заливам, островам и мысам, сообразуясь с календарными святцами. Так возникла губа Св. Креста, губа Преображенская и т. д.

И здесь, на отдаленной окраине мира, «на краю света», оказались люди. 7 августа Чаплин, отправленный на берег на поиски пресной воды и для описи, нашел пустые жилища, в которых, по приметам, недавно жили чукчи; от жилищ в глубь страны вели протоптанные дороги. Вскоре объявились и сами обитатели жилищ. На следующий день поутру к кораблю подошла чукотская байдара, — большая лодка из нерпичьей шкуры, натянутой на деревянный каркас, — в байдаре сидело восемь человек. Через своих переводчиков коряков Беринг узнал, что подъехавшие чукчи желают узнать, что за судно пожаловало к их берегам и с какой целью? Беринг приказал передать чукчам, чтобы они поднялись на борт корабля; после долгого колебания они, все еще держась на почтительном расстоянии от корабля, «высадили наконец одного человека на воду, который на надутых пузырях подплыл к судну и возгласил на оное». Поднявшись на палубу, промокший чукча поведал Берингу, что на берегу живет не-

мало его земляков, и все они уже давно слышали о русских. На вопрос: как далеко отсюда Анадырь? последовал ответ: далеко к западу. В ясный солнечный день, продолжал гость, отсюда виден остров. Оделенный Берингом подарками, радостный чукча бросился в воду и поплыл на пузырях к своим товарищам, все еще державшимся от судна на почтительном расстоянии. Он долгое время уговаривал их навестить судно. Но ни благополучное его возвращение, ни полученные им подарки, ни угощение, ни любопытство не смогли победить их недоверия; после короткого совещания они в своей кожаной лодке поплыли к берегу. Разговор с чукчами происходил на широте 64° 41'.

Обогнув выдающийся в море мыс, получивший с той поры наименование Чукотского мыса, поплыли дальше. Впоследствии Джеймс Кук,¹ плававший в этих местах, писал об этом мысе: «Мысей получил наименование Чукотского от Беринга, на что он и имел полное на это право, ибо здесь виделся впервые Беринг с чукчами».

11 августа 1728 года в юго-восточном направлении заметили остров, названный Берингом островом Св. Лаврентия. Удивительно, что, плававший в этих водах 39 лет спустя лейтенант Синд вторично «открыл» этот остров, приняв его за архипелаг из одиннадцати отдельных островов и назвав их, по обычаю Беринга, именами: Агафоника, Тита, Диомида, Мирона, Феодосия, Михея и т. д. Этот интересный эпизод из тогдашней море-

¹ Джеймс Кук, знаменитый английский мореплаватель (1728 — 1779), совершил три кругосветных путешествия, давших науке много ценнейших открытий. Во время последнего своего путешествия убит в стычке с туземцами на острове Гавайи.

ходной практики любопытен в двух отношениях: он подтверждает замечательную тщательность наблюдений Беринга, умевшего разобратся в хаосе возвышенностей, соединенных у основания низменной полоской земли, обычно задернутой пеленой тумана. Эпизод свидетельствует также о печальной участи, постигавшей многие географические открытия: сделанное часто с превеликими трудностями научное завоевание не только не становилось общим достоянием, но нередко и вовсе забывалось, так что, когда через многие годы открытие совершалось вновь, приоритет открытия нередко утрачивался.

Пристально всматривался Беринг в туманные очертания гор острова Св. Лаврентия, зачерчивая изгибы побережья, и казалось, не замечал, что вокруг его корабля шныряют по всем направлениям киты, потревоженные никогда не виданными ими чудовищем. Они близко подплывали к борту корабля, доставляя большой интерес команде. Беринг не высадился на этот населенный эскимосами остров. Торопясь к крайним северо-восточным пределам Азии, он продвигался все далее и, рассекая серовато-мутные волны, отмечал глубины: 20, 25, 30 сажен. Пройдя еще около семидесяти миль и убевившись, что берег в этом месте под острым углом поворачивает к западу, Беринг вызвал наверх членов экспедиции и объявил им, что ему необходимо собрать «консилиум».

В то время, как того требовал Петр, все совершалось у нас коллегиально, и ни на какое важное начинание начальник не мог решиться, не посоветовавшись предварительно с ближайшими своими подчиненными и не учтя их мнения. Такие совещания на кораблях назывались, как и ныне во

врачебной практике, «консилиумами». Порядок этот ютнюдь не опосредствовал упрочению престижа начальника и часто вел к прямо противоположным результатам, как мы и убедимся ниже, при изложении событий Великой северной экспедиции.

Собрав «консилиум», Беринг объявил собравшимся, что считает выполненной данную ему инструкцию, ибо он достиг самого края северо-восточной Азии, откуда берег начинает отклоняться к западу, что и служит несомненным доказательством, что Азия не соединяется с Америкой, следовательно, материки разделены проливом. А потому, заключил Беринг, можно возвращаться домой, и даже необходимо это сделать, так как время для плавания в этих вовсе не изведанных еще мореплавателями широтах уже позднее, могут задуть противные ветры, надвинуться с севера льды и запереть корабль в ловушку, а зимовать будет негде и народа здешнего мы не знаем, уже и сейчас туман мешает нам плыть, а что будет дальше?.. и т. д. Такую приблизительно речь держал Беринг 15 августа 1728 года, в памятный день открытия пролива, названного впоследствии его именем.

Позже, в своем рассказе императрице, Беринг так сообщает о своем открытии и решении повернуть обратно: «А 15 дня тогож августа пришли в ширину северную 67 градусов 18 минут. Рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкции блаженная и вечно достойная памяти его императорского величества исполнено понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или к восточному углу земли никакой не подошло и возвратился, а ежелиб еще иттить

далее, а случились бы противные ветры, то не можно паки того лета возвратитца до Камчатки, а на тамошней земле зимовать было б не без притчин понеже лесу никакого не имеется, а тамошний народ не под державою Российского государства самовластен и союства с нашими ясашными иноземцами не имеют».

Речь Беринга на корабле, его предложение плыть обратно на Камчатку были встречены без особого энтузиазма его помощниками: им показалось несколько странным затратить столько времени и нечеловеческого труда на подготовку к экспедиции, имевшей вполне определенное задание, и, не убедившись, как им казалось, основательно, сходитя ли Азия с Америкой, быть может, где-либо севернее, или разделена проливом, плыть обратно, даже не встретив льдов, которые в значительной степени подтвердили бы существование пролива. Первым возражал Шпангберг; он предлагал плыть на север еще в течение трех дней, полагая, повидимому, что если впереди и справа все время будет море, то значит материки разделены проливом, а если нет — наоборот. Более обоснованно и проницательно высказался Чириков, противник столь быстрого возвращения обратно. «Понеже известия ~~не имеется~~, — начал Чириков, — до которого градуса ширины из северного моря подле восточного берега Азии, от знаемых народов Европейским жителям бывали, и поэтому не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкою, ежели не дойдем до устья реки Колымы, или до льдов — понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды — того ради надлежит нам непременно, по силе данного вашему благородию указа, подле

земли итти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад к устью реки Колымы, до мест показанных в означенном ея императорского величества указе; а ежели земля будет наклоняться еще к северу, то надлежит на двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носа, на земле, на которой, по полученной сказке от чукоч через Петра Татаринова, имеется лес. А ежели до означенного места будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани».

Рассуждая теоретически, Чириков был безусловно прав, но все же и его план окончательно не разрешал проблемы. А что если соединение с Америкой оказалось бы где-нибудь еще западнее Колымы? Весь план его в таком случае рухнул бы. Лишь обойдя и обследовав все северное побережье Сибири, а это как раз и предусматривалось планом Великой северной экспедиции, Беринг мог доказать правильность своего утверждения о существовании пролива, и вся последующая его деятельность, весь его грандиозный замысел Великой северной экспедиции как раз и преследовали эту цель. Проницательность Беринга — весьма характерная для него черта, и мы еще не раз убедимся из последующего насколько он был прав, предвидя то или иное явление или событие, не получившее еще окончательного подтверждения. Знаменитый натуралист Карл Бэр, хорошо изучивший берингову экспедицию и правильно понявший личность великого мореплавателя, подтверждает, что Беринг несколько не сомневался, что нашел и географически определил крайний предел Азии, тем более

он укрепился в этом мнении, когда впоследствии в Якутске ему передавали, что северо-восточный берег Азии огибали еще в предыдущем столетии. Обитавшие по соседству с восточным мысом чукчи также «предсказали ему, что берег выйдет скоро с острым углом к северо-востоку, а потом пойдет на запад», как действительно и нашел Беринг. Того же мнения и Миллер, полагающий, что Беринг заключил с немалою вероятностью, что он достиг самого края Азии к северо-востоку, ибо «ежели берег оттуда непременно простирается к западу, то нельзя Азии соединяться с Америкой. Следовательно, он по данной ему инструкции — исполнил».

Так или иначе, только полстолетия спустя (в 1778 году) более удачливый и отважный мореплаватель Джеймс Кук, плывя Беринговым проливом, вполне оценил заслуги Беринга, проходившего через этот пролив, и назвал пролив именем моряка. Следовательно, пролив носит свое наименование со времен Кука. Добросовестный и справедливый англичанин с величайшей похвалой отзывается о работе и достижениях Беринга. «Я обязан воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга, — говорил Кук, — наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что просто удивляешься, как мог он достигнуть этого, работая с такими примитивными инструментами. Широты и долготы определены им так верно, что лучшего нельзя почти и ожидать».

И в самом деле, надо представить себе современные Берингу условия плавания и состояние тогдашних навигационных инструментов, чтобы вполне оценить точность и тщательность

его работы. Небольшой, наскоро сооруженный бот, весьма несовершенные приборы, выдержавшие к тому же продолжительную тряску по суше, полнейшая необследованность мест, в которых ему приходилось плавать, постоянные туманы и мрак, которые так часто отмечаются в судовом журнале, — вот средства и обстановка, в которой приходилось вести Берингу работу. И тем не менее, определения Беринга почти в точности совпадают с современными. Адмирал Федор Литке, через сто лет сравнивший путь Кука и Беринга, также приходит к очень лестным выводам о наблюдениях Беринга. Тем обиднее, что Беринг умер, не узнав, что его открытие делается общим достоянием, а пролив, который он открыл, со временем будет назван его именем. Беринга не без основания упрекают что он, опасаясь льдов, слишком рано повернул обратно и возвратился к берегам Камчатки, между тем как, по наблюдениям целого ряда позднейших путешественников, в августе и даже в сентябре льдов в Беринговом проливе не было.¹ Не поспеши он так стремительно обратно и останься в проливе некоторое время, без сомнения Беринг с полной

¹ Наглядным подтверждением возможности навигации в Беринговом проливе в осенние месяцы даже позже сентября служат следующие любопытные сведения, полученные позже неким капитаном Тимофеем Шмалевым от чукотского старшины. Старшина не раз наблюдал, что когда пролив очищается от льдов, то по нему плывет к северу «множество китов, моржей, сивучей, морских тюленей и разных рыб. Животные сии, — продолжает старшина, — остаются там до октября и потом возвращаются обратно на юг». Из этого можно заключить, что в Беринговом проливе риск встречи со льдами возможен только в октябре, до октября же плавание там безусловно возможно.

очевидностью убедился бы в сделанном им открытии. Приходится также искренно пожалеть, что в день пребывания Беринга в наиболее узком месте пролива стояла сумрачная, туманная погода, а не ясная и солнечная, когда с корабля, проходящего проливом, можно разом наблюдать и Старый и Новый Свет. Это случайное обстоятельство совсем иначе решило бы «судьбу» пролива, и Берингу не пришлось бы столь тщетно и долго доказывать другим существование пролива, в наличии которого сам он вовсе не сомневался. Невероятным курьезом в истории науки покажется, что спустя более девяносто лет после открытия Беринга и сорок лет после посещения Берингова пролива Куком отправляющемуся в 1820 году в экспедицию для описи побережья северо-восточной Сибири лейтенанту Фердинанду Врангелю русское адмиралтейство дает, между прочим, следующее официальное поручение: «Разрешить гипотезу о соединении Азии с Америкой»!

Мы нарочно так подробно останавливаемся на этом моменте, определившем всю дальнейшую деятельность Беринга, инициатора последующей Великой северной экспедиции. Отныне его взор неизменно прикован к туманным берегам Америки, которую он уже чувствует, хотя еще и не видит. Он ищет все новых и новых подтверждений ее существования на северо-востоке; но об этом ниже, а сейчас проследим дальнейшие этапы его Первой Камчатской экспедиции.

Продолжая путь при значительно засвежившем ветре, увеличившем ход корабля до семи миль в час, 16 августа путешественники «усмотрели в 9 часов утра высокую гору в правой руке, на

костей, — говорит Чаплин, — живут чукчи, и в море после сего остров в левой руке. Поэтику в сей день празднуют св. мученику Диомиду, то и назвал капитан Беринг увиденный остров его именем». Таково происхождение странного названия группы островов, расположенных в Беринговом заливе.

Далее судовой журнал отмечает: «Погода пасмурная, ветер свежий. Плыли подле берега и увидели на оном множество чукок и в 2-х местах жилища их. Усмотрев судно, побежали чукчи на высокую каменную гору». Чукчи на этот раз оказались смелее и «добрее» прежних. Со «Св. Гавриила» заметили, как от берега отделились четыре байдары и стали держать курс наперекрест кораблю. Беринг ласково встретил прибывших и узнал от них, что русские им давно уже знакомы и что они бывают частенько в Анадырском остроге. «Мы, — продолжали чукчи, — ездим и к реке Колыме на оленях, в открытое же море не выходим».

Об интересующей его Америке Берингу ничего не удалось от них узнать. Закупив от них оленьего мяса, рыбы, воды, меха лисиц, песцов и моржовые клыки, Беринг отпустил их и двинулся дальше; в пути встречалось множество китов.

Во все время предыдущего плавания погода удивительно благоприятствовала морякам, они не встретили ни одной бури. Но к концу плавания дело изменилось; Беринг смог на собственном опыте убедиться теперь, насколько опасны и тяжелы условия плавания в северной части Тихого океана в бурную погоду. Если и при современных технических средствах условия для мореплавания здесь очень неблагоприятные из-за

постоянных туманов, многочисленных подводных камней, частых штормов, иногда с пургой, а также и плохой обследованности берегов, то что же должен был испытывать утлый «Гавриил», попав в шторм 31 августа, когда его стало дрейфовать и он очутился в полумиле от крутых и каменистых берегов? Беринг все время находился на палубе и отдавал приказания. На второй день бури он очень утомился. Его сменил Шпангберг, предложивший Берингу отдохнуть. Но недолго отдыхал Беринг в своей маленькой каюте. Не прошло и часа, как вахтенный матрос разбудил его:

— Командир, нас несет на берег. Все снасти порваны, паруса упали.

Беринг выскочил на палубу. Картина была страшная. Беспомощный «Гавриил» нырлял среди огромных мутно-зеленых волн. Вода стояла на палубе по колено. Разорванные в клочья паруса шлепали по воздуху. Невдалеке от берега виднелся небольшой островок. На него несло корабль.

— Если нас не разобьет о скалы острова, мы станем за его прикрытие, — спокойно произнес Беринг и приказал приготовить якорь. Ловко лавируя, корабль проскользнул мимо скал, о которые с ревом разбивались огромные буруны, и, став за прикрытие острова, отдал на глубине тридцати метров якорь в расстоянии мили от берега. Моряки были спасены. «...около второго часа с превеликим трудом до полудня исправились к походу парусами и прочую снастью, хотя и беспрепятственно все о том трудились». На следующий день «в первом часу, приказал капитан Беринг подымать якорь, но едва только подвертели

несколько сажен каната, то оный лопнул, а по сему поставя скорее паруса пошли к юго-востоку».

2 сентября Беринг бросил якорь в устье реки Камчатки, а затем стал располагаться здесь на зимовку. Первая Камчатская экспедиция, послужившая прологом к Великой северной экспедиции, была закончена. Бесспорно, в этот свой поход Беринг смог бы сделать еще многое, не поспешив он так быстро вернуться назад. Мысли о не сделанном им, мысли уже не о проливе, а об Америке, о землях на востоке, всецело теперь наполняют его. Беринг не рискнул так поздно возвращаться домой в Петербург, тем более что он хотел летом будущего года еще раз попытаться открыть землю на востоке. 3 октября была получена из Петербурга почта, пришло известие о вступлении на престол Петра II, — свой путь почта совершала целых семнадцать месяцев.

Зима наступила в последних числах октября. Хороший камчатский климат и достаточные запасы провизанта предохранили зимовщиков от заболеваний. Крашенинников и Стеллер, зимовавшие впоследствии на Камчатке, так характеризуют условия здешней жизни: «Воздух и вода, — говорят они, — там чрезвычайно здоровы, нет беспокойства ни от жару, ни от морозов, нет никаких опасных болезней, так например: горячки, лихорадки и оспы. Нет страху от молний и грому, и наконец, нет никакой опасности от ядовитых животных».

И в самом деле, камчатский климат представляет много любопытных особенностей, определяясь положением Камчатки среди двух морей и гористым характером страны. Несмотря на свое

положение в умеренной зоне, Охотское море тем не менее представляет типичный образец сурового полярного моря с неизменно холодной водой и массами льда, который по временам задерживается до августа. Из этого моря постоянно несет, как из погреба, холодом на Камчатку, сковывая вершины ее сопок вечным ледяным покровом. С другой же стороны, теплое течение Тихого океана, довольно близко проходящее у берегов Камчатки, приносит тепло, но и вместе сурью, туманную погоду. В силу этих двух причин климат Камчатки отнюдь не отличается суровостью; климат же восточной стороны ее южной половины можно даже назвать умеренным. Средняя температура зимой здесь -8° , летом же $+13^{\circ}$.

Благополучно перезимовав, в июне 1729 года Беринг еще раз вышел в море в надежде увидеть землю на востоке. Но напрасно! — Как пристально ни всматривался он вперед, никаких признаков земли на горизонте ему обнаружить не удалось. Проплыв двести километров против сильного встречного ветра, он повернул обратно, взяв направление южнее. В результате этого маневра, обойдя южную оконечность Камчатки, определив астрономически ее положение и форму и тем окончательно разрушив мнение, будто Камчатка значительно дальше тянется к югу, Беринг пришел 23-го июня в Охотск.

Определение южных границ Камчатки, открытие прохода из Тихого океана в Охотское море имело огромное значение для последующих экспедиций, и в частности для Великой северной. Мы видели, каких огромных трудов стоило Берингу перетаскивание на себе всех грузов экспедиции и

строительных материалов поперек Камчатки из Большерецка в Нижнекамчатск. С открытием нового пути все эти тяготы исчезали; немало времени и сил было благодаря этому сбережено.

Обратный путь в Петербург совершили на 78 лошадях. Выехав 29 июня, Беринг ровно через два месяца прибыл в Якутск. Отсюда поплыл по реке Лене, но 19 октября река замерзла, и продолжать далее путь пришлось на сани, минуя уже посещенные места Илимск, Енисейск и Тару до Тобольска. 1 марта 1730 года, после пятилетнего отсутствия, Беринг прибыл домой.

В Петербурге его постигло глубокое разочарование. Адмиралтейств-коллегия, куда Беринг представил свои отчеты и произведенные измерения, отнеслась к нему с недоверием. Причиной такого странного отношения к моряку была излишняя доверчивость Коллегии к сведениям, почерпнутым ею из самых неблагонадежных и сомнительных источников, преимущественно иностранных, расходившихся с материалами, доставленными Берингом. Сильно повредил ему и казачий полковник Шестаков. Этот воинственный «завоеватель» авантюристской складки, вдохновясь примером Ермака, обещал правительству покорить землю чукчей и исследовать весь северо-восток Сибири. Он требовал для этого лишь полномочий, средств и четыреста человек казаков. Двор согласился и дал полному воинственной отваги казаку, не умевшему, к слову говоря, ни читать, ни составлять карт, все, что он просил.

Незадолго до отъезда Беринга в экспедицию Шестаков вернулся из Якутска и представил собственного изготовления вполне фантастические карты, не сходные одна с другой, ошибки на

картах доходили до 12 градусов, против же устья реки Колымы и Чукотской земли Шестаков начертил таинственную полосу якобы увиденной им земли. Карл Бэр выражает полную уверенность, что Шестаков признал Медвежий острова, расположенные к северу от устья Колымы и давно известные в Якутске, за американский берег. Хуже всего, что неверные карты Шестакова попали за границу, и одна из них была издана в Париже. Этого было достаточно, чтобы за Шестаковым утвердился слава «замечательного» путешественника, сведения же, доставленные Берингом и расходившиеся с шестаковскими, остались под сомнением. Характерный штрих того не критического времени и тех условий, в которых приходилось работать многим выдающимся людям!

В последнюю свою экспедицию к чукчам, весной 1730 года, в одной из стычек с чукчами Шестаков был убит ими. Его заместитель, капитан Павлущий, осенью того же года отправил к американским берегам, к «Большой земле», новую экспедицию под начальством подштурмана Ивана Федорова совместно с геодезистом Михаилом Гвоздевым. За год до начала Великой северной экспедиции, осенью 1732 года, оба путешественника благополучно достигли американских берегов и высадились в месте, носящем ныне название мыса Принца Уэльского. Федоров с Гвоздевым также описали здесь ряд островов. Составленная ими карта была утеряна, но, тем не менее, доставленные ими сведения, по видимому, попали в один из сибирских архивов, и ими воспользовался Миллер при составлении изданной Академией наук в 1758 году карты, где Азиатский

и Американский материи мы находим разделенными проливом, а против острова Диомиды американский берег оканчивается под 66° северной широты мысом, обозначенным на карте следующей надписью: «Côté découverte par le géodesiste Gwosdew en 1736» (год этот проставлен, разумеется, ошибочно, потому что, как мы видели, Федоров с Гвоздевым высадились на берег в 1732 году).

Насколько географические познания в эту эпоху были несовершенны и недостоверны, ясно из того, что даже знаменитейшие географы того времени считали, что Камчатка и северный японский остров Иессо одно и то же, что лишь по недоразумению возникли два эти названия. На картах и глобусах Камчатка занимала колоссальное протяжение, покрывая собой все Курильские острова и имея своей южной оконечностью Иессо. Из двух земель была создана таким образом одна. Но зато воображение ученых создало другую землю совершенно мифическую, так называемую Компанейскую землю (Terre de la Compagnie), восточную границу которой изображали открытой, допуская таким образом ее соединение с Америкой. Были придуманы также и другие не существующие в природе земли.

Камчатская экспедиция Беринга, точно определившая южные границы Камчатки и доказавшая, что остров Иессо не имеет с ней ничего общего, не могла сразу поколебать твердо сложившегося убеждения, имевшего следствием изданием соответствующих карт. Станным показалось тогдашним ученым и то, что Беринг не только не встретил Компанейской земли, но и ничего не слышал о ее существовании. Сторон-

ником приведенных ложных мнений был, между прочим, и известный французский астроном-географ Иосиф Делиль, состоявший на службе у нас в Академии наук. К сожалению, его авторитету придавалось слишком большое значение; в дальнейшем мы убедимся, к каким последствиям приводило слепое доверие к фантазиям самоуверенного француза.

Повсюду встречая сомнение и недоверие, Беринг энергично и обстоятельно доказывал правильность произведенных им открытий и наблюдений, но когда и это не помогло, он стал предлагать для разрешения всех возникших недоумений организовать второе путешествие на Камчатку. Уже через месяц после своего возвращения в Петербург Беринг представил краткую записку, в которой предлагал обойти и подробно исследовать море на юг от Камчатки до Японии и устья Амура, обойти весь северный берег Сибири и произвести его съемку и, наконец, отправиться на восток от Камчатки для отыскания вероятно недалеко расположенных от нее берегов Америки, после чего завести там торговые сношения с туземцами.

Свои соображения о близости Америки к Камчатке Беринг подкрепил следующими главнейшими и неоспоримыми доказательствами:

1. Около 1715 года на Камчатке жил некий туземец, который рассказывал, что его отечество находится к востоку от Камчатки, его же самого, с некоторыми его товарищами, несколько лет тому назад захватили на Карагинском острове, где они промышляли. Он передавал также, что в его отечестве растут громадные деревья и вливается в море множество больших рек; для

выезда в море они употребляли такие же самые кожаные лодки, как и камчадалы.

2. На Карагинском острове, лежащем на восточном берегу Камчатки, против реки Караги, находят весьма толстые стволы сосновых и еловых деревьев, которые вовсе не встречаются на Камчатке, а также и в близлежащих местностях. На вопрос: откуда этот лес? — жители отвечали, что его прибывает к берегам при восточном ветре.

3. Зимой во время сильных ветров приносится к берегам Камчатки лед с явственными признаками, что его отнесло от обитаемого места.

4. С востока прилетает ежегодно множество птиц; пробыв лето на Камчатке, они улетают обратно.

5. По временам чукчи привозят на продажу меха куницы, которые, как известно, отсутствуют во всей Сибири от Камчатки вплоть до Екатеринбургского уезда.

К этим примечаниям, почерпнутым им из расспросов жителей во время зимовки в Нижнекамчатске, Беринг присоединил свои собственные:

6. На пути из Нижнекамчатска на север ни разу не встретил он таких огромных валов, какие наблюдал во время плаваний на прочих больших морях.

7. Ему попадались на пути деревья с листьями, каковых ни он, ни его спутники на Камчатке не встречали.

8. Многие камчадалы уверили его, что во время ясных дней виднеется на востоке земля.

9. Глубина моря во все время пути (вдоль берегов Камчатки и далее) была весьма незначительна, совершенно непропорциональна высоте камчатских берегов.

Все перечисленные пункты касались, так сказать, американской ориентации предстоящей экспедиции. В дальнейшем развитии своей программы Беринг набрасывал и предлагал меры по исследованию и устройству также и Охотского края и Камчатки. На этой части программы Беринга, возникшей на основе только что почерпнутого жизненного опыта и сделанных наблюдений в обширном Охотско-Камчатском крае, где он фактически являлся главным его начальником, мы должны остановиться несколько подробнее.

Экспедиция в Сибирь и на Камчатку обогатила Беринга очень многим, он вернулся в столицу с большим багажом свершенных дел, все значение и важность которых он признавал вполне, но не признавали и не дооценивали эти дела другие. Дикая, безлюдная, неорганизованная страна, из которой он только что приехал, требовала еще колоссальной работы, чтобы наладить здесь мало-мальски сносную личную жизнь. Поприще деятельности для администратора, ученого, агронома, хозяйственника, техника, учителя, промышленника здесь было необъятное, проблема одна другой неотложнее вставала перед всякой энергичной волей, требуя разрешения. И такой энергичной волей, в соединении с широким и разносторонним умом и чутким сердцем, несомненно обладал Беринг. Пробыв около пяти лет на самой отдаленной нашей окраине, внимательно приглядываясь ко всем явлениям местной жизни, видя ясно все зияющие ее прорехи и ненормальности и будучи не в силах оставаться безучастным, Беринг изыскивал теперь средства, как помочь горю. Вернувшись в Петербург, он полон всевозможных проектов; в своих донесениях, рапортах

и записках он касается, по понятиям образованного, культурного человека того времени, решительно всех нужд и проблем обширного Охотско-Камчатского края и указывает меры, как их устранить. Мы знакомимся теперь с Берингом не только как с замечательным мореплавателем, но и как с государственным человеком обширного диапазона и хозяйственником, искания которого столь далеки от стремления сделать себе на второй родине блестящую карьеру, выслуживаясь перед начальством.

И чего только не касаются пятнадцать пунктов так называемого первого предложения Беринга! Здесь и культурное и материальное устройство местных жителей, вопросы просвещения, хлебопашества, разведение скота, пути сообщения, промышленность, уничтожение безобразных, бесчеловечных обычаев среди камчадалов, сооружение новых острогов, обслуживание и вооружение местных служилых людей, устройство порта в Охотске и т. д. и т. д. При этом Беринг хорошо сознает, что проведение в жизнь его программы настоятельно потребует его присутствия на месте, и он изъявляет готовность в ближайшее же время вторично отправиться в дальний край.

Мы, конечно, за недостатком места, не сможем коснуться всех пунктов обширной программы Беринга и остановимся лишь на нескольких, заметив здесь же, что программа Беринга, легшая в основу всех правительственных мероприятий в крае, в более или менее близком будущем была почти полностью осуществлена.

Вопросы образования и просвещения Беринг считал едва ли не главнейшими в государствен-

ной жизни страны. В одном из номеров «Записок Гидрографического департамента» за 1850 год помещена статья под названием «Навигацкие школы в Сибири», начинающаяся так: «Издавна и не насильственно, само собою развивавшееся мореплавание в Сибири натурально требовало содействия правительства к образованию моряков; и вот вскоре по кончине Петра появилась мысль основать в том краю «навигацкую», т. е. морскую, школу. Мысль принадлежит Берингу, первому европейцу, посетившему тот отдаленный край в 1725—1730 гг., и была непосредственно вызвана участвовавшими с той поры сношениями с Камчаткою морем».

На поданную Берингом в апреле 1730 года в Сенат записку о необходимых улучшениях по части образования общего и специально мореходного в посещенном им крае, а также и у якутов, среди которых «...много охотников было отдавать детей в поучение, а в город Якуцк посылать опасаются ради оспы и другой скорби», откликнулся граф Ягужинский. В феврале следующего года он отправил в Сенат предложение командировать из адмиралтейства в Сибирь опытных штурманов и матросов для обучения казачьих детей «морскому ходу, дабы там своих штурманов и матросов завести». Когда в мае этого же года, также по предложению Беринга, был направлен в Охотск вновь назначенный главный командир для оборудования там порта, во врученной ему инструкции между прочими пунктами значилось: «В Охотске, хотя и нарочитую школу не для одной грамоты, но и для цифры и навигации завести... и жалованье малое для содержания учеников давать, из чего могут люди

к службе грамотные взростить, а не дураками оставаться».

С проволочками и бесконечной, как обычно в те времена, волокитой школа в Охотске была учреждена только в 1735 году и обучала в то время 26 учеников. Позже Беринг предполагал учредить школу также и на Камчатке и даже, будучи проездом в период Великой северной экспедиции в 1734 году в Иркутске, сговорился с неким Гейденрейхом, который выразил желание занять в будущей школе место учителя. Остановившись затем в Якутске, он предложил местному начальству учредить здесь школу, «набрав малолетних казачьих детей, кои по русски читать и писать обучились... и обучать арифметике, геометрии, тригонометрии, а потом навигации».

Однако не везде заботы Беринга о просвещении привели к нужным результатам, он буквально оказался «одним воином в поле». Предназначившийся для камчатской школы учитель Гейденрейх, не получая в течение семи лет ни копейки жалованья, а с 1741 года только половинное, плюнул на все и сбежал. Беринга в это время уже не было в живых. Великая северная экспедиция была закончена, заботиться о школе решительно было некому, — и о ней позабыли.

Борясь за просвещение, за культурные начала в жизни и быту, гуманный Беринг не мог равнодушно, без острого чувства омерзения наблюдать ужасные, бесчеловечные обычаи камчадалов. И в донесении к императрице и в IX разделе своего первого предложения Сенату Беринг пишет: «А камчатский народ по их суеверию, имеет обычаи ежели кто из них будет весьма

болеи хотя отец или мать и не к смерти, то таких вывозят в лес и пропитания ему не дадут больше как на неделю хотя зимою или летом, и от того много умирают; и мертвых своих в землю не хоронят, вытащат в лес и бросят собакам на съедение, а иные жилье свое оставляют в котором умер человек, а корятцкий народ мертвых сожигают понеже им такой их обычай хотя и запрещается, но токмо не под страхом». «Вышеозначенные же народы по их зловерию пакость имеют, ежели жена или скот какой родит двоих, то одного из них тотчас задавят который час родится, и признавают себе за великий грех ежели не задавят одного из двоих родившихся», «... когда старый или молодой человек непохочет боле жить, то выйдет в зимнее время на мороз и голодом умирают, и многие сами себя давят; а ежели случится утонуть в реке одному, а многие видят, то ему споможения не чинят и ставят себе в великий грех, ежели избавят от потопления. И тако напрасно много народу от такого их обыкновения погибают».

Достойно удивления, что даже в те отдаленные варварские времена нашелся-таки человек, которого возмутили до глубины души изуверские обычаи камчадалов, и он требовал решительной борьбы с этими обычаями. В этом отношении Беринг был совершенно одинок.

Беринг всячески стремился сам и советовал правительству использовать местные ресурсы края и прежде всего завести в Охотске и на Камчатке рогатый скот, а также культивировать на Камчатке огородничество и хлебопашество. Он даже сам предпринял здесь опыты посева ржи и овса. Предоставим слово самому Берингу, впервые

Повозки камчадалов

в истории Камчатского края обратившему внимание на местные агрономические возможности. «Российские люди, которые живут на Камчатке и тамошние народы хлеба никакого не имеют, также и скота кроме собак, на которых ездят и возят что им понадобится и одежду себе от них получают, а пропитание имеют от рыбы и коренья и от ягод, а летним временем от диких птиц и от всяких морских животных, а ныне в пустыне Якуцкого монастыря, которая с версту от церкви камчатской, родится ячмень, конопля, редька; а репа и у многих служилых людей во всех трех острогах родится, такая великая годом живет какой и в России мало находятся, а именно: по 4 репы в пуд, а я привез в пустынь ржи и овса, которые посеяны были при нас, но токмо созрела ли или нет неизвестны, понеже рано бывают морозы, а земля безнавозная, скота еще не имеют, пашут людьми».¹

Беринг видит полную возможность развить скотоводство как в Охотском крае, так и на Камчатке, где «не имеется никакой скотины, а трав довольно и служилые желают чтоб им привезть скотины рогатой, а коровы у якутов продаются ценою по два рубли, и по два рубли с четвертью». И поскольку камчатский народ к скотоводству, по выражению Беринга, «необычен», он советует при каждом тамошнем остроге поселить по одной или по две семьи якутов для приучения камчада-

¹ Беринг оказался прав и в этом случае; ныне по низине реки Камчатки, близ Ключевской сопки, яровые хлеба созревают прекрасно, огородные же овощи растут повсеместно на Камчатке, от южного мыса Лопатки до реки Тагиля и Караги.

лов к скотоводству, то же говорит он и о свиноводстве.

Оторванность колоссального по протяжению края от остальной части страны весьма вредно отражается на его развитии; при всякой надобности приходится привозить сюда из центров по труднейшему пути за сотни километров всякий пустяк, до последнего гвоздя включительно. Беринг настойчиво указывает, что при желании можно с успехом использовать многие местные ресурсы. На Ангаре, например около Яндинского острога, а также и Якутского, сообщает Беринг, имеется железная руда, по качеству выше «самого лучшего сибирского железа», которую местные жители с успехом используют для разных своих хозяйственных надобностей. «А якуцкий народ делают для себя из того железа котлы, и обивают сундуки, и на всякие другие нужды употребляют. А ежелиб определено кому уменшему плавить в прутья, то можноб во всяком деле и в судовом строении довольствоваться без нужд».

С меньшей выгодой можно наладить здесь и гонку смолы, и выварку соли из морской воды, и приготовление вина из местной сладкой травы. «Смолу жидкую и густую, — сообщает Беринг в VI разделе своего предложения, — прежде сего возили от Лены реки, и от Якутска до Охотска. От чего убытку в провозе учинилось. А мы, в бытность свою на Камчатку, к строению судов сами сидели из лиственного дерева сколько нам надобно; а впредь, дабы определить таких людей, которыеб могли смолу сидеть. А на Юломе и Удгереках имеется к тому довольно и соснового лесу; также, ежелиб имелось при казне медных и чугунных котлов довольно, тогдаб соли возить

на Камчатку не надобно, понеже мы в первый год сами варили сколько надобно, без нужд».

Беринг обращает свой хозяйственный взор даже на китовый ус, зря пропадающий здесь. Трупы выброшенных на берег китов используются местным населением далеко не полностью, для них важен только жир, «тамошний народ оные усы ни во что вменяет, и так пропадают, иные употребляют на полозья под нарты. А ежелиб повелено от оного народу принимать китовые усы вместо ясака, по пуду или по два, или как расположено будет, тогда надеюся, во время многоб сыскалось охотников до собирания оных усов».

Далее Беринг несколько неожиданно касается тех японских моряков, которые, потерпев вблизи русских берегов крушение, принуждены опасаться на этих берегах, и местные жители их нередко «ни за что ни про что» приканчивают. Беринг советует японцев с разбитых судов отправлять в отечество на казенных судах — прекраснейший предлог, по мнению мудрого Беринга, проведать об этих изолированных землях, куда так труден доступ иностранцу. Далее Беринг касается вопросов торговли, урегулирования продажи вина, ясака и прочего.

Рассмотрев пятнадцать предложений Беринга и приняв их, правительствующий Сенат прежде всего назначил в Охотск находившегося в ссылке в Сибири Григория Скорнякова-Писарева «с тем, чтобы он имел главную команду над тем местом».¹ Вместе с этим, высочайшим указом от 10 мая 1731 года предписывалось уделить боль-

¹ Полное собрание законов, том VII, статьи 5753 и 5813.

шое внимание Охотску; заселить его главным образом из контингента неоплатных должников, направив их вместо каторги сюда и вернув им прежнее их положение, т. е. дозволив им заниматься здесь торговлей, мастерством и пр. Главное же внимание правительства было уделено устройству в Охотске порта, учреждению здесь верфи и прочих портовых сооружений, заселению края при условии льгот при сборе податей, заведению скотоводства и хлебопашества, развитию торговли, путей сообщения, устройству школ и т. д. Во всех этих пунктах данной Писареву инструкции правительство всецело следовало указаниям Беринга, которого по справедливости следует считать основоположником и инициатором всестороннего развития нашей обширной дальневосточной окраины. Неправильно подходить к Берингу, к этой выдающейся разносторонней личности, отдавая ему должное только как нашему первому великому мореплавателю, и вовсе или почти вовсе упускать при этом все прочие стороны его богатой результатами деятельности.

Помимо обширной программы преобразования Охотско-Камчатского края, Беринг указывал также на необходимость изучить пути в таинственную Японию, чтобы установить с этой страной торговые сношения, и, наконец, убеждал отправить партии для исследования всего северного азиатского берега России.

Возвратившись из экспедиции, в августе 1730 года, Беринг был, по высочайшему повелению, вне очереди произведен в капитан-командоры. Его помощники также получили повышения. Шпанберг получил капитана третьего ранга, Чириков — капитан-лейтенанта, Эзельберга произ-

вели в лейтенанты. Все они получили чины также не в очередь, а «за отличие». Помимо чина, Беринг, «во уважение великой трудности и дальности экспедиции», по чину капитан-командора получил, по представлению Адмиралтейств-коллегии, двойное денежное вознаграждение, т. е. 1000 рублей.

Ни веденный Берингом журнал похода, ни его карта, к великому сожалению, до сих пор не разысканы ни в подлиннике, ни в копии, хотя и известно, что подлинный журнал был сдан Берингом в Сенат.

Представив в Адмиралтейств-коллегию план новой экспедиции, Беринг брал на себя огромную и чрезвычайно сложную задачу. Ведь дело шло ни более ни менее, как о точном географическом обследовании необозримых северных сибирских берегов, о выяснении вопроса связи Азии с Америкой, вернее о положении Азии относительно ближайшего известного пункта Америки, и о путешествии в загадочную Японию. Все это были задачи чрезвычайно громоздкие, порою превышавшие человеческие силы. Повидимому, уже и в то время была осознана трудность всего предприятия, а потому вначале считали достаточным выполнить хотя бы часть предложений Беринга, а именно ограничиться устройством и обследованием Охотского края и Камчатки. Предложение Беринга в этой части послужило поводом для издания специального указа от 10 мая 1731 года, где повелевалось: подчинив Охотский край и Камчатку проживавшему в ссылке бывшему обер-прокурору Сената Скорнякову-Писареву, помочь ему устроить край наилучшим образом, учредив в Охотске порт. С этой целью были отправлены из Якутска в распоряжение Писарева

рабочие и поселенцы, а из Петербурга от Адмиралтейств-коллегии командирован кораблестроительный мастер, три штурмана и несколько человек строительных рабочих.

Такое ограничение набросанного широкой рукой плана исследований, конечно, не могло поразить Беринга. Но вскоре обстоятельства изменились в его пользу. Проектом Беринга заинтересовались влиятельные лица во главе с графом Остерманом, уделявшим особенное внимание делам флота. В неменьшей мере осуществлению проекта Беринга способствовали и академики, трудники только что возникшей Академии наук. Необъятная, загадочная сторона прельщала их и воображение, они страстно искали интересной деятельности и рвались в неведомый край, о котором уже достаточно слышались.

17 апреля 1732 года был издан высочайший указ об организации второй экспедиции Беринга на Камчатку, «и по данным от него пунктам и предложениям, — говорится в этом указе, — в строении тамо судов и прочих дел, к государственной пользе и умножению нашего интереса, и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что подлежит отправить, рассмотреть, определение учинить в Сенате».

Итак, идея Беринга восторжествовала, «самая важная и трудная, и никогда прежде не бывшая» экспедиция была утверждена. Но все же, несмотря на то, что некоторые главные участники побывали уже в тех краях, куда отправлялись вновь, вряд ли они отдавали себе отчет и сознавали, равно как и посылавшее их правительство, насколько значительны грядущие трудности предприятия. Одно из замечаний спутника Беринга,

лейтенанта Чирикова, в его предложении от 25 июля 1716 года убеждает нас с полной очевидностью, что очень многого наши путешественники даже и приблизительно не представляли себе. Даже самое отдаленное понятие о размерах Сибири не позволило бы, разумеется, писать Чирикову: «Понеже Сибирь так пространством велика, что одна всей Европе равняется, то не дивно быть в ней, где ни есть, богатым рудам и прочему».

Учитывая, однако, предстоящие трудности, правительство назначило всем участникам экспедиции двойной оклад жалованья, и кроме того было обещано по окончании похода «милостивое награждение», т. е. денежная премия. Обещание это, впрочем, не было сдержано. Вообще с наградами за понесенные «на пользу отечества труды» дело обстояло плохо. Начальнику новой экспедиции Берингу, несмотря на его просьбу перед отправлением в тяжелый и ответственный поход, не дали даже чина контр-адмирала, на что он вправе был рассчитывать как командир столь крупной экспедиции. Его лишь наградили за предстоящий поход тысячью рублями — обыкновенная в то время награда за рядовые дальние экспедиции — да очередным чином капитан-командора.

Начальнику в сей экспедиции в целом и вместе отдельного отряда, назначенного для плавания в Америку, командиру Витусу Берингу и его ближайшему помощнику капитану Чирикову была дана следующая инструкция. Прежде всего им поручалось построить в Охотске или на Камчатке, где они найдут более удобным, два корабля, из которых и отправиться «по предложению и мнению профессора [т. е. Лакройера] и по их общему

рассуждению, не разлучаясь для обыскания американских берегов, дабы они всеконечно известны были». Причем полагалось само собою разумеющимся, что берега расположены невдалеке от Камчатки. Достигнув берегов, «на оных побывать и разведать подлинно, какие на них народы и как то место называют, и подлинноль те берега американские», затем предписывалось плыть вдоль их «сколько время и возможность допустит, по своему рассмотрению, дабы к Камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратиться; и в том у него [т. е. Беринга] руки не связываются, дабы оный вояж учинился не бесплодной как и первой». При возвращении обратно рекомендовалось внимательно осматривать все встречающиеся земли и острова «и содержать себя во всякой опасности, чтоб не впасть в какие руки и непоказать им к себе путь». В случае неудачи повторить попытку на следующий год и т. д. В заключение еще раз подчеркивалось, что всякое решение частного характера необходимо предпринимать с общего согласия.

Ограничивая власть начальника, инструкция имела в виду обуздать очень возможный в подобных случаях произвол, но в отношении лично к Берингу предусмотрительность эта была совершенно излишней и далеко не способствовала успехам самой экспедиции.

Третьему главнейшему участнику Северной экспедиции, ближайшему сотруднику Беринга, известному нам уже по Первой Камчатской экспедиции капитану Шпангбергу предписывалось: предварительно соорудив в Охотске или Камчатке три корабля, плыть «ради обсервации и изыскания пути до Японии», по дороге осмотрев и описав

«сколько возможность допустить», Курильские острова, «из коих несколько уже было во владении Российском». Был предусмотрен и деликатный вопрос обхождения с неведомыми жителями тех островов: «И ежели на них найдутся жители, то с ними поступать ласково и ничем не злобить, и нападения никакого и недружбы не показывать». Словом, политично рекомендовалось всеми мерами расположить к себе японцев или, как их тогда называли, японов. Располагая людьми, предписывалось, однако, самим быть все время на-чеку, опасаясь, как бы не попасться в их руки, «своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдимость». В русское подданство принимать лишь тех японцев, которые сами желают этого, не требуя при этом никакой дани.

Хитро составленная инструкция предусматривала и повод для проникновения в самую Японию. Удобным случаем для этого могли служить сами японцы, заброшенные бурей на камчатский берег. Если русское судно доставит в Японию случайно попавших на русскую территорию японцев, то вряд ли японцы будут за это в претензии. А если так, то можно будет воспользоваться удобным случаем хорошенько оглядеться там и разузнать о тамошних порядках, о вооруженной силе, о портах и видах на торговлю. Если не удастся сделать это в первое лето, повторить на следующий год и т. д., благо времени много впереди. Вся работа Шпангберга должна была осуществляться с ведома и согласия Беринга.

Другой главной задачей организуемой экспедиции являлось нанесение на карту всего полярного побережья Азии. Окончательный результат чудовищной по масштабу съемки должен был

ответить на вопрос: «Есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, також имеется ли проход Северным морем?»

Колоссальная дорога эта была распределена по следующим участкам. Первый отряд, взятый под свое ведение непосредственно Адмиралтейств-коллегиею, возглавлявшийся лейтенантами Муравьевым и Павловым, впоследствии замененными лейтенантами Малыгиным и Скуратовым, должен был обследовать берег от Архангельска до устья реки Оби. Эту работу предполагалось было осуществить на двух судах — кочах.

Второму отряду поручалось заснять следующий участок, идя от Енисея до устья реки Оби. Начальником отряда был назначен лейтенант Овцын. Для выполнения задания ему выделялось лишь одно судно.

Третьему отряду, возглавлявшемуся лейтенантами Прончищевым и Ласиниусом, предписывалось, организовав базу в устье реки Лены, двинуться отсюда на двух судах (дубель-шлюпка и бот) одновременно на запад к Енисею и на восток к Колыме, и если представится возможным, то и далее до самой Камчатки, причем, если обнаружится, что сибирский берег соединяется с американским, плыть вдоль него «сколько возможно», стараясь выяснить, как далеко расположено Восточное море. Если же азиатский материк окажется разделенным с американским проливом, то «отнюдь назад не возвращаться, а обходить угол и пройти до Камчатки». Помимо перечисленного, на этот отряд было возложено еще поручение обследовать остров, расположенный против устья реки Колымы, «о котором разглашено, яко земля великая». В случае если на этом острове окажутся

обитатели и «самостоятельно пожелают идти в подданство», то принять их. По предположенному плану срок этих экспедиций определялся в два года.

Главное руководство над двумя последними отрядами вверялось непосредственно самому Берингу. Еще не касаясь организационных дел по экспедиции и забот по подготовке к путешествию в Америку, которое должен был осуществить сам Беринг, мы уже теперь можем судить о масштабе деятельности нашего мореплавателя.

Во всех данных Берингу и его помощникам инструкциях предусмотрительно подчеркивалось: всюду, если позволят случай и возможность, осматривать, «не найдутся ли где богатые металлы и минералы», а также примечать все хорошие стоянки и гавани с лесами, пригодными под постройки и использование в качестве корабельного материала.

Не оставались без инструкций и принимавшие участие в экспедиции академики. В частности, академикам Миллеру и Гмелину поручалось всестороннее естественноисторическое исследование внутренних районов Сибири, а также Камчатки.

В подробно разработанных инструкциях строжайше воспрещались всякие насилия и причинение обид туземным жителям. Запрещалось и всякое принуждение к вступлению их в русское подданство, а которые «...подданство примут, с такими поступать ласково и никакого свирепства не показывать и жестокостью не поступать...» На покупку подарков для туземцев было отпущено из казны 2000 рублей. Когда Беринг предложил, за недостатком собственных судов, захва-

Селение по реке Оби
(по гравюре первой половины XVIII века)

тивать на пути японские суда, ему приказано было подобных действий «отнюдь не чинить». Выше мы уже говорили, что и сам Беринг, изучив в свою предыдущую экспедицию нравы и быт камчадалов, считал невозможным оставаться далее безучастным по отношению к некоторым практиковавшимся у этого народа бесчеловечным обычаям. Однако нельзя сказать, чтобы все эти хорошие начинания восторжествовали в эту экспедицию.

Чтобы облегчить насколько возможно работу экспедиции в диких, незаселенных областях, местным сибирским властям приказывалось оказывать Берингу и начальникам отрядов всяческое содействие. Предписано было соорудить по всему северному берегу маяки и зажигать их во все время плавания, в устьях рек выстроить склады из сплавного леса и снабдить их провиантом. На сибирские власти возлагалась также обязанность предупредить о готовящейся экспедиции местных жителей, от которых требовать содействия натурой и рабочей силой. Для предварительной засъемки берегов был также проект послать отряд геодезистов. «Но все эти прекрасные меры, — замечает А. Соколов, — по недоступности и пустоте края оказались неудобноисполнимыми: плователям, большею частью, самим приходилось строить магазины и ставить маяки, посылая своих геодезистов для описей».

Экспедиция, конечно, не в состоянии была забрать всего снаряжения и припасов непосредственно из Петербурга, очень многое она должна была приобрести на своем пути в Нижнем, Казани и Тобольске. На многие сибирские города возла-

гальса повинность доставления рабочей силы, судов и транспорта под перевозку.

Вначале было также предположено соорудить близ Якутска и Иркутска небольшие металлургические заводы, исключительно для обслуживания нужд экспедиции, а также выбрать место для сооружения более крупного завода в Охотске. Соль из морской воды решили вываривать также в Охотске и послали туда для этой цели громадные медные котлы. Не оставили без внимания и вино, которое решили гнать в Камчатке из местной сладкой травы. Закупка в помощь наличным запасам экспедиции оленьего мяса, рыбы и рыбьего жира также была организована в самом широком масштабе. Обо всем этом заранее были посланы именные указы сибирским властям, «которые б с тамошними командирами [специально для этой цели заранее посланными в лице нарочных офицеров] имели в скором отправлении экспедиции общее старание, и, исправясь, провиант и прочее отправлять в путь со всяким поспешением, дабы оные в Охотске, по прибытии капитана-командора Беринга, были в готовности, чтоб в вышеописанном вояже не могло быть ни в чем остановки».

Чтобы не было задержек в доставлении корреспонденции, учредили постоянную почту, функционировавшую между Москвою и Тобольском, и наладили связь между последним и Якутском для срочного доставления посылок по одному разу в месяц, а между Якутском и Охотском по два раза.

Потревоженный Великой северной экспедицией гигантский край пришел в движение, и следы этого движения сказались на долгие годы,

а исследовательские результаты экспедиции навсегда стали достоянием науки.

По обычаю того времени экспедиция Беринга носила строго секретный характер, и официальные инструкции всем начальникам, на случай их встречи с иностранцами, были даны иного содержания, а именно необходимо было говорить им, что экспедиция осуществляется по воле Петра Первого, с исключительной целью выяснения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой или нет. Мотивы этого засекречивания, как и предыдущих камчатских экспедиций, весьма пагубно отразившиеся на своевременном использовании ее результатов и способствовавшие утрате многих ценнейших документов, и по сию пору вызывают недоумение и недостаточно выяснены. Касаясь Первой Камчатской экспедиции, знаменитый Карл Бэр делает следующее весьма возможное предположение об истинных задачах этого похода: «Да будет мне позволено, — говорит Бэр в своей статье «Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний»,¹ — сделать очень вероятное, по моему мнению, предположение насчет цели этого путешествия. В первой половине XVII столетия пронесся слух, что на северо-восток от Японии есть земля или остров, чрезвычайно изобилующий золотом и серебром. Голландский корабль «Кастрикоме» ходил, как достоверно известно, отыскивать эту землю благородных металлов. Возвратясь, командир корабля донес, что он приставал к берегу, названному им Компанейскою землею, на котором земля

¹ «Записки Русского географического общества», книжка III, СПб., 1849 г.

была будто бы совершенно серебристого цвета, но распускалась в воде. О плавании корабля «Кастрикоме» много было толков в начале XVIII столетия. Петр, при своей любви к географии, не мог не слышать об этой экспедиции. И вот узнает он от Козыревского, что японцы вывозят с одного необитаемого Курильского острова какой-то минерал. Как было не подумать, что может быть это-то и есть серебряный остров? Таинственность экспедиции в таком случае очень понятна. Государь не был уверен в том, что подобная экспедиция не покажется смешною. И в самом деле, о ней не осталось бы и малейшего известия, если бы Миллер не был лично знаком с капитаном корабля, не знавшим, впрочем, настоящей цели путешествия».

Компанейская земля оказалась мифом. Повидимому, капитан корабля «Кастрикоме» принял за эту землю один из Курильских островов, с которого, как утверждал еще Петр Козыревский, японцы вывозят какой-то минерал. Узнав об этом Петр Первый немедленно же отправил туда в 1719 году двух геодезистов, Евреинова и Лужина, снабдив их собственноручной тайной инструкцией. В данной же им открытой официальной инструкции цель экспедиции не могла быть объяснена, в ней только сказано: «Ехать до Камчатки и далее, куда вам указано»; кроме того геодезистам поручалось собрать побольше сведений о Японии и выяснить, не соединена ли Америка с Азией. Место не позволяет нам распространяться об экспедиции геодезистов, по окончании которой они имели личное свидание с императором в Казани; каково было содержание их донесения, и по сию пору остается

неизвестным. Крайне интересно отметить лишь, что уже тогда поднят был у нас вопрос о связи Азии с Америкой.

Так или иначе, но участие в Великой северной экспедиции большого числа высокообразованных иностранцев — немцев, французов, англичан, шведов, отнесшихся к задаче исследования Сибири с удивительным рвением и добросовестностью и опубликовавших по окончании экспедиции в высшей степени отчетливые и поучительные сочинения, заинтересовавшие весь культурный мир, можно сказать спасло во многом грандиозное предприятие от более или менее полного забвения. Слабое развитие у нас в ту пору образования и интереса к науке, в связи с неблагоприятным политическим моментом, облекшим экспедицию таинственным покровом, как нельзя более способствовало бы этому.

Отправление экспедиции в путь началось в феврале 1733 года. Продолжительность ее была рассчитана на шесть лет. Весь начальствующий состав и многие нижние чины отправились в дальний путь в сопровождении семей, жен и детей.¹

¹ Жена Беринга, Анна Матвеевна, отнюдь не являет нам образа героини, самоотверженно следующей за мужем и разделяющей его нередко трагическую судьбу. В Сибири эта молодая и не в меру бойкая особа занималась больше спекуляцией, на что и было обращено внимание, и сенатским указом от сентября 1738 года определено: „Для осмотра едущих из Сибири капитан-командора Беренга жены, также и всех других по экспедиции людей, пожитков, определить надежного человека...“ И действительно, на границах Сибири жена Беринга была задержана с огромным тюком дорогих мехов и материй. Этот эпизод весьма характерен для того времени и для некоторых бытовых сторон экспедиции.

У Беринга было четверо детей: три сына и одна дочь,

Многие ехали навсегда. Всего отправилось в экспедицию 546 человек. Длиннен и разнообразен состав участников экспедиции, в нее входили: морские офицеры (начальники отдельных партий), штурмана и подштурмана, штурмовские ученики, гардемарины, комиссары, шкипера и подшкипера, боцмана и боцманматы, квартирмейстеры, ботовые и шлюпочные мастера, трубачи, барабанщики, канонеры, матросы, конопатчики, парусники, плотники, купора, солдаты и капралы, сержанты, лекаря и подлекаря, профессора и академики, адъютанты, студенты, инструментальный мастер, живописцы, рисовальщики, переводчики, геодезисты с учениками, пробирных дел мастер и, наконец, рудознаты, как называли в то время у нас специалистов горного дела. Из этого списка мы убеждаемся в основательности экспедиции и многочисленности возложенных на нее задач.

Программа отбытия партий, отправляемых частями, была детально разработана. Первым уехал лейтенант Овцын для дальнейших подготовительных работ в Казань, следом за ним отбыл Шпангберг с мастеровыми в Охотск для сооружения там судостроительных верфей. В марте отправились к местам назначения все остальные участники экспедиции, за ними потянулись бесконечные обозы со всякого рода инструментами, корабельными принадлежностями и строительным материалом, заготовленным петербургским адмиралтейством. Последними отправились академики,

впоследствии жена барона Корфа. Сыновья Иван и Антон избрали военную карьеру, а старший, Тимофей, пошел на гражданскую службу; он был чиновником и имел чин коллежского асессора.

нагруженные всякого рода кладью, со студентами и геодезистами.

Ввиду того что астроному экспедиции Делилю пришлось везти с собой груз значительно большего объема и тяжести, чем прочим академикам (астрономические инструменты), ему было дано двадцать пять подвод, запряженных каждая четверкой. Такой громоздкий транспорт подвигался очень медленно.

Главный караван морской экспедиции до Твери следовал на подводах; далее до Казани плыли по Волге на специально оборудованных для целей экспедиции судах. От Казани до Тобольска,¹ где и зазимовали, следовали опять на подводах.

Первый этап пути, по необходимости слишком медленного, был таким образом здесь закончен.

В конце 1736 года Якутск имел совершенно необычный вид. Здесь были в полном сборе все главные силы восточного отряда экспедиции во главе с Берингом и его помощником Чириковым, здесь были также и начальник Охотского края Писарев и Лакройер. Почти все грузы экспедиции были сосредоточены здесь, здесь же находился в полном составе и экипаж судов экспедиции, еще не законченных постройкой в Охотске. Итого в Якутске в это время находилось свыше восьмисот человек, причастных к Великой северной экспедиции (из них 500 человек служилых и ссыльных, специально собранных для перевозки

¹ Подробный маршрут Беринга от Тобольска до Охотска изложен в письме И. Н. Делиля к Л. Л. Блюментросту. Письмо это хранится в архиве Академии наук и будет вскоре помещено в издаваемом Академией наук сборнике материалов по экспедициям Академии наук XVIII и XIX веков.

экспедиционных грузов в Охотск). Все и вся в Якутске, казалось, в то время жило и дышало для целей экспедиции. Грузы все еще прибывали. И чего здесь только не было! Целые амбары были отведены под мучные склады, площади завалены канатами, парусиной, пенькой, бочками со смоллой, с салом. Чтобы облегчить тяжелый груз канатов для дальнейшей переотправки, их развивали по отдельным жилам, а потом на месте снова скручивали; даже якоря разбивали на несколько частей и в Охотске потом сваривали.

Положение главы всего предприятия, самого Беринга, было в то время исключительно тяжелое. Первоначальный план экспедиции, не рассчитанной на такой продолжительный срок, разросся до огромных размеров, и не виделось конца ее завершения. Тысячи деталей и неучтенных мелочей организационного характера теперь властно и вместе назойливо становились поперек дороги, требуя немедленного разрешения. Повидимому, дело доходило до тех крайностей, к которым вовсе не были подготовлены ни страна, ни люди, ни тогдашнее состояние науки и техники. Прыжок через столетия стоил недешево. И всего дороже обошлась Великая северная экспедиция местному сибирскому населению. По выражению Миддендорфа, посещение такого множества неожиданных гостей для жидкого населения Сибири равнялось постою неприятельской армии. Но постоем дело не ограничивалось. От туземцев требовали более активной помощи, их принуждали к исполнению труднейших повинностей по перевозке разных тяжестей на огромное расстояние в бездорожной стране. Трудно даже представить себе теперь, каких неслыханных усилий и терпе-

ния стоила хотя бы переправа из Якутска через Становой хребет в Охотск всех материалов и снаряжения для постройки там судов! Сотням людей эта повинность стоила жизни, а многие племена были разорены после Великой северной экспедиции совершенно.

Если и поныне современный организатор арктической экспедиции, располагающий бесчисленным множеством технических и научных усовершенствований, дающих ему победу в борьбе с полярной природой, богатый опытом своим и всех своих предшественников, не всегда может все предвидеть и учесть, то что же, казалось, можно было требовать от наших, живших двести лет тому назад, моряков, отправлявшихся в неведомые страны в большинстве случаев впервые. Отсюда дефекты в организации, которые постоянно давали о себе знать и которые приходилось преодолевать в процессе самой работы. Вовсе не знакомые с пищевыми консервами, дающими огромное преимущество современному полярному путешественнику, они взяли с собой огромное количество солонины, также по большей части весьма плохого качества, и муки, что и составляло их основное питание. Отсюда постоянные болезни и высокий процент смертности от тифа и цынгги, развитие которой тогда объясняли «густотой и влажностью воздуха».

Но чем дальше в лес, тем больше дров. Непредвиденные трудности порождали средства к их преодолению. Становилось ясно, что первоначального контингента людей уже недостаточно, людской состав экспедиции поневоле все увеличивался, но не увеличивалось поступление провианта и снаряжения. Сооруженные магазины на Май-

ском и Юдомском устьях, по Юдоме, у Горбен, в Щехах, в Частых островах и на Юдомском Кресте требовали пополнений, а флотилия судов, предназначенная для перевозочных работ, из восемнадцати дощаников, плававших по Алдану, Мае и Юдоме, столь же настоятельно нуждалась в ремонте и в снабжении канатами.

Все эти пополнения и снабжения происходили с крайней медленностью и в далеко недостаточном количестве. А между тем, для распухшего штата экспедиции теперь требовалось уже ежегодно провианта не менее шестнадцати тысяч пудов, и помимо этого нужно было прокормить команду, работающую на сплаве, численностью достигавшую тысячи человек. С отчаянием восклицает Беринг: «И ежели повсегодно отправления провианта не будет, то всемерно, в таких пустых и бесхлебных местах, востребуется великая нужда и страх того, чтоб такого многолюдства не поморить от голоду, и не принуждены бы были, не окончив подлежащих экспедиционных дел в туне оставить, и всех служителей распустить».

Вопрос доставки продовольствия в эти отдаленные края, вовсе лишённые путей сообщения, являлся наиболее важным вопросом Великой северной экспедиции и поглощал едва ли не главную энергию и внимание как самого Беринга, так и его спутников. Впервые опубликованные недавно в журнале «Красный архив» подлинные донесения Беринга свидетельствуют об этом с полной очевидностью.

Как и нужно было ожидать, уже на четвертый год своей деятельности Великая северная экспедиция породила всеобщее недовольство. Негодовали и постоянно жаловались на непосильные тя-

готы местные жители, команда судов во множестве находилась в бегах, за ложные показания «слова и дела» людей целыми толпами под конвоем отправляли в Иркутск, сибирские власти строчили доносы и кляузы в Петербург, офицеры и весь начальствующий состав перессорились между собой и были на ножах, и, наконец, экспедицией Беринга были сильно недовольны в Петербурге и за медленность и за нарекания на нее.

«Козлом отпущения» всего этого беспорядка сделался, разумеется, сам Беринг. Жалобы и нарекания на него сыпались со всех сторон.

Начальник Охотского края, скандалист Писарев, написал донос в Петербург, в котором обвинял Беринга и Шпангберга «в лихоимстве и корчемстве табаком и вином», добавляя, что «от оной Камчатской экспедиции никакого приращения не учинено, да и впредь не надеется быть, кроме великих государственных казенных убытков», что «та экспедиция напросилась в Сибирь ехать только для пополнения своего кармана».

Находившийся в Якутске в ссылке бывший капитан-лейтенант флота Казанцев, повидимому не без влияния Писарева, также нашел нужным сообщать в Петербург, что в экспедиции происходят «великие непорядки», что все ее отправления происходит крайне медленно и что вообще из экспедиции «прочного ничего не будет». Подчиненные офицеры также были недовольны Берингом и все неполадки в экспедиции приписывали лично ему. Доносы сопровождалась кляузами. Офицер экспедиции Плаутинг сообщил в Петербург, что Беринг принимает подарки от якутских жителей, которые откупались таким

способом от службы в его экспедиции. К этому вздорному обвинению, которое приводится лишь для того, чтобы показать, насколько ненормальными, исключаящими дисциплину были отношения между начальником и его подчиненными, Плаутинг добавил, что дело потому идет так плохо, что начальник проводит время в развлечениях и «веселостях», хотя радоваться вовсе нечему, пускает фейерверки, разъезжает в больших санях по городу с гостями и музыкантами, привез карету для катаний и т. д.

Академики также присоединились к общему хору недовольных, они жаловались, что терпят от Беринга обиды, и просили совершенно освободить их из-под его начальства.

В Петербурге вся эта корреспонденция попала в кабинет императрицы, откуда и было сделано предложение Сенату и Адмиралтейств-коллегии пересмотреть дело о Великой северной экспедиции и решить, стоит ли ее и впредь продолжать, приняв во внимание ее малые результаты, огромные издержки на нее (тогда уже доходившие до 33 тысяч) и тяжесть экспедиции для всей Сибири. Сенат также, посылая неоднократно запросы в Коллегию, спрашивал, не пора ли, наконец, остановиться? Казалось, дело экспедиции висело на волоске. Но поразительное по тому времени упорство, с которым Коллегия настаивала на необходимости продолжать экспедицию («надобно, — говорили там, — довести дело до конца, иначе все доселе сделанные издержки пойдут на ветер»), спасло ее.

Коллегия, зная, повидимому, цену тогдашним доносам, всячески оправдывала перед правительством Беринга и просила сместить его врага Пи-

сарева. В обращении же лично к Берингу Коллегия проявила большую твердость и строгость. Берингу был объявлен строгий выговор за медленность и нераспорядительность, ему угрожали даже более строгим взысканием и приводили в пример Муравьева и Павлова, которые были разжалованы, как мы видели выше, в солдаты. Кроме того, «за неприсылку в Коллегию надлежащих ответов и за нескорое отправление в надлежащий путь» Беринга лишили добавочного жалования, как находящегося в экспедиции. Совершенно невероятным по бестактности представляется также поручение, данное Чирикову, разбирать жалобы, подаваемые на его начальника Беринга! Этот штрих дисциплинарного порядка многое объясняет нам во взаимоотношениях, установившихся в Великой северной экспедиции между начальствующим составом и подчиненными.

Беринг, крайне обиженный и скованный по рукам и ногам обстоятельствами, изменить которые было свыше сил человеческих, не зная за собой никакой вины, конечно, как мог оправдывался и в свою очередь жаловался на сибирских начальников и прежде всего на Писарева, ярко обрисовал отчаянное положение экспедиции и в заключение с неподдельным сокрушением писал: «По чистой моей совести доношу, что уже как мне больше того старанья, не знаю!»

Все же отчаянная отповедь Беринга, повидимому, возымела свое действие. Снабжение экспедиции усилилось, и к заявлениям Беринга власти из Петербурга стали относиться с большим вниманием. Адмиралтейств-коллегия командировала Иркутск двух своих уполномоченных, лейтенантов Толбухина и Ларионова, которым поручалось

всячески помогать Берингу в делах снабжения экспедиции. За всякое промедление и неисправность, происходившие по вине якутской и иркутской канцелярий, уполномоченным предоставлялось право «присутствующих держать под караулом неисходно». На экспедицию дополнительно было ассигновано еще 40 тысяч рублей, «собрано до 50 тысяч пудов провианта в Верхотенских местах; приискано до 20 тысяч аршин полотна (прислано еще Адмиралтейств-коллегиею 6700 аршин); недостававшие припасы, пенька и масло, выписаны из отдаленнейших мест, Илимска и Красноярска; число рабочих по перевозке увеличено до тысячи, улучшено содержание и усилен присмотр за ним; построены новые суда, собраны вьючные лошади, предпринята расчистка дороги» и т. д. и т. д. И, что самое важное в данный момент, — усиленным темпом стали подвозить все нужное для постройки кораблей в Охотск. Беринг несколько воспрянул духом, но, как мы скоро увидим, ненадолго, — в Охотске его ожидали новые препятствия.

IV. ПЛАВАНИЕ БЕРИНГА К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

Путешествие Беринга в Америку Карл Бэр справедливо называет пятым актом трагедии Великой северной экспедиции, в котором погибают все действующие лица, причем наибольшее сочувствие вызывает сам Беринг. Необычайные трудности организационной работы по экспедиции, составлявшие Беринга находившиеся в напряженном состоянии, частые и тяжелые неудачи, непрерывные ссоры и интриги, происходившие между всеми его подчиненными, недовольство им в Петербурге из-за медленного темпа экспедиции и, наконец, признание удачного похода Шпанберга в Японию — требование его повторения — все это, несомненно, расшатало душевное и физическое здоровье моряка, ослабило его энергию, самоуверенность и бодрость. В таком настроении Беринг отправился в свой роковой поход в Америку.

Летом 1740 года все необходимые припасы для экспедиции и все снаряжение уже находились в Охотске, откуда должно было начаться плавание. Но что это за город?

Ни один из путешественников, побывавших в Охотске, не произнес о нем доброго слова. И самом деле, на десять миль вокруг не найти ни

одного дерева, над головой — слезливое небо, робко зеленеет трава, а среди бедных, в беспорядке разбросанных домишек распростерлось болото, испускающее испарения. В конце мая вскрывается река Охота, впадающая в море вблизи Охотска. Лед идет к морю до последних чисел июня. Но и открытие навигации не приносит сколько-нибудь отрадных впечатлений. Наступает томительный и нудный сибирский «бус» — непрерывный мелкий дождь, сопровождаемый густым туманом. Лишь в июле несколько улучшается погода, а там снова снег и мороз...

По приезде в Охотск еще в 1737 году Беринг писал: «Место было новое и пустое, и строения никакого еще не производилось, и жить было негде, и лесов и травы в нем не растет и близко не имеется, ибо все дресвяное... Служители строили офицерам покои, а себе — избы и казармы; возили глину на себе и делали кирпичи; дрова для топления печей на себе таскают верст за шесть и за семь; воду пресную на свое употребление из реки возят на себе же расстоянием от того жилья версты по две и по три; и сухари сушат; и заготовленные к строению пакетботов бревна и жокоры и прочее плавают по реке слишком с тридцать верст; и к кузнечным поделкам уголья жгут; и для приготовления к пакетботам смолы нарочно в Камчатку посылаются; и нарты делают сами; и провиант на себе же возят».

За три года многое в Охотске изменилось, и сам он приобрел теперь иной вид. Кипела работа, но всякого рода неполадки и организационные затруднения бесконечно затягивали ее. Вовсе не считаясь с затруднениями, а быть может, и не ведая во всех подробностях тягот и лишений, ис-

пытываемых экспедицией, Адмиралтейств-коллегия нервничала, непрерывно торопила Беринга, объявляла ему выговор за выговором, угрожала «штрафами» и взысканиями. Местных же властей, недостаточно содействовавших Берингу, страшили «не только штрафом, но и жестоким истязанием».

Находившемуся «дневно и ночью» в непрерывных хлопотах и заботах Берингу суждено было еще раз в полной мере испытать до дна чашу огорчений и неприятностей, сознательно причиняемых ему его коллегами. Мы не можем не привести еще одной весьма красноречивой цитаты из труда А. Соколова, чтобы показать, до каких геркулесовых столпов доходили между моряками взаимный антагонизм и недоброжелательство, какие козни строили они один другому и что должен был испытывать от всего этого начальник экспедиции. Эта выписка поможет нам разобраться в душевной трагедии Беринга.

Беспреданно жалуясь на неадекватность сибирских начальств, пишет Соколов, Беринг особенно был огорчен Писаревым, человеком, по его словам, «беспокойным и несогласным», который «ни сам хочет, ниже нас в покое от хлопот жить оставляет», для переписки с которым надо было бы содержать особых «двух или трех добрых подъячих», который «весьма обижает и ябедаю своею многою неправду сплетает и упреждает нас протестами и нам напрасное беспокойство чинит», с которым «истинно давно я рад был, чтоб от него отделаться и жить в покое, дабы я только порученную мне экспедицию беспрепятственно исправлять мог».

Григорий Скорняков-Писарев являл собою фигуру, чрезвычайно колоритную для «добротного ста-

рого времени». Человек больших способностей, энергичный и состоятельный, пользовавшийся «отличным благоволением» Петра Первого, Скорняков-Писарев за участие в 1727 году в заговоре против Меншикова был бит кнутом, лишен всех прав состояния, чинов и имения и сослан в Сибирь, в Жиганск, под надзор. Отсюда он был впоследствии переведен начальником порта в Охотск с жалованием 300 руб. в год, «хлеба 100 четвертей и вина простого 100 ведер». Если он проявит, как начальник Охотского порта, «успехи», ему были также обещаны разные «императорские милости».

Уже немолодым прибил Писарев в Охотск и, желая, повидимому, наверстать упущенное за годы поднадзорного житья, предался здесь пьянству и разврату в «массовом масштабе». Из каждой служебной поездки он привозил приглянувшуюся ему чужую жену или девушку, сманивал женщин и в Охотске. В итоге у него образовался настоящий гарем, потребовавший дополнительных средств на его содержание. За счет солдатских пайков и присваемого себе ясака жила, пила и веселилась огромная женская дворня сластолюбивого «папаша». Чтобы женщинам не было скучно, изобретались всевозможные развлечения. Например, в зимнее время — высокие ледяные горы, которые сооружили казенные люди. И целыми днями, пока не наскучило и это развлечение, куртизанки Писарева, задрав подолы, со смехом и визгом скатывались с гор на салазках на потеху местных жителей.

Так жил, правил и развлекался почтенный начальник Охотского порта Скорняков-Писарев. И все сходило ему с рук, покуда не прибыл в Охотск Беринг со своими помощниками.

Беринг, разумеется, не мог относиться безучастно к образу жизни и правлению Писарева. Начались столкновения, принимавшие все более острый характер.

Дело, наконец, дошло до того, что экспедиционное поселение Беринга, расположенное при устье реки, и острог Писарева, стоявший подле, но несколько выше, были похожи на два враждебных стана. Недовольные Писаревым нижние чины и сыльные перебежали к Берингу, то живописному выражению Писарева — «как некогда бежали из России на Дон и в Запорожье», и были им принимаемы милостиво. Писарев, с своей стороны, насильственно захватывал людей Беринга и держал их под арестом; там и здесь беспрестанно писались доносы, производились следствия, а у Писарева — даже пытки. Случалось, что Беринг приходил со всею командою освобождать своих пленных и несколько раз грозился арестовать самого Писарева, не решаясь, однако, на такую отважную меру. «Что, вы с ним, с старой канальей, много фигур строите? — говорил ему предприимчивый Шпангберг. — Ежели б мне приказано было, я бы его с четырьмя человеками взял и посадил». — «Может быть, и не так легко его за караул взять, — отвечал ему приверженец Писарева капрал Плениснер. — Ежели бы вы без резону приступать стали, то, может быть, и не без сопротивления было бы». Почти все офицеры были между собой в ссоре: «Чириков и Шпангберг, соперничествуя в доставке провизии, ожесточенно спорили о способах этой доставки и укоряли друг друга за некоторые упущения; Шпангберг и Вальтон с их совместного похода были в великой вражде, и оба жаловались на

своих штурманов — Петрова и Казимерова, которые взаимно на них жаловались; Ваксель был поссорившись с шкипером Белым, Плаутинг — с Ендогуровым. Сцены происходили постыдные...»

А тем временем суда, предназначенные для похода в Америку, заканчивались постройкой. То были спущенные в июне трехмачтовые пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» длиной по 80 футов. Они поднимали по 6000 пудов груза и имели по 14 орудий. Команду обоих кораблей составляли 166 человек. Сам Беринг отправлялся на «Св. Петре», он же был его командиром. С ним отправлялись: лейтенант Ваксель с малолетним сыном, штурман Эдельберг, подштурман Южин и гардемарин Иоганн Синд. В числе матросов находился на корабле разжалованный в матросы из лейтенантов Овцын.

Командование «Св. Павлом» Беринг поручил очень дельному и способному моряку лейтенанту Чирикову, которому дал в помощники лейтенантов Чихачева и Плаутинга, штурмана Елагина и гардемарина Юрлова. Американскую эскадру должны были сопровождать дубель-шлюпка под командой корабельного мастера Хиврова и галиот, управляемый подштурманом Ртищевым. На шлюпке должен был разместиться научный персонал экспедиции: астроном Лакройер и прибывший из Петербурга натуралист Стеллер,¹ а также их

¹ Адъюнкт Петербургской Академии наук Георг-Вильгельм Стеллер (1709—1746) типичный представитель экспериментальной науки того времени, горел подлинным энтузиазмом к знанию и ко всякого рода научным открытиям. Темпераментный, энергичный, необычайно талантливый, неутомимый, наблюдательный, чрезвычайно нетребовательный и

помощники — геодезист Красильников и студент Горланов, оставшиеся впоследствии на Камчатке. Провианта по тому времени было взято очень много, а именно на двадцать месяцев, запасного же такелажа «за недостаею» было совсем мало, что впоследствии и сказалось самым чувствительным образом.

Пока шли сборы, наступил сентябрь. Разумеется, плыть в столь позднее уже время к берегам далекой Америки было невозможно, а потому первый этап путешествия должен был ограничиться в этом году Камчаткой, куда и отправились 8 сентября. Первая неудача ознаменовалась посадкой на мель при выходе из реки дубель-шлюпки. При аварии оказалась подмоченной и испорченной часть предназначенного для экспедиции провианта. В половине сентября все суда собрались в Большерецке и немедленно отправились,

никогда не терявшийся, он был настоящей находкой для предприятия Беринга. Он оставил яркий след в науке. Его мастерские описания многих представителей сибирской фауны и до сих пор можно считать образцовыми. После его смерти Академия наук выпустила в свет его книгу «Морские звери», изданную потом в немецком переводе. В этом сочинении описана, между прочим, уже вымершая, открытая нашими моряками на острове Беринга морская корова. В 1774 году издано его подробное описание Камчатки, и, наконец, Палласом опубликованы посмертные записки его путешествия из Петропавловска на Камчатке к берегам Америки.

Темной стороной Стеллера являлся его характер. Чрезвычайно грубый, неуживчивый, вечно суя нос не в свои дела, Стеллер восстановил против себя почти весь экипаж корабля, на котором плавал с Берингом к берегам Америки. К тому же наш натуралист страдал подлинной атрофией морального чувства. То, что он проделывал с животными на острове Беринга, вызывает во всяком нормальном человеке содрогание.

огибая мыс Лопатку, на восточную сторону Камчатки в Авачинскую губу. Но злополучной дубель-шлюпке упорно не везло. Загруженная сверх меры, она по дороге вторично претерпевает «великие бедствия» и принуждена возвратиться в Большерецк, где и остается на зимовку; галиот также решено было оставить там до лета.

Эта досадная неприятность если и не осложнила дальнейшего хода экспедиции, то причинила «великие труды и убытки, особенно для камчадалов»: все содержимое поместительных трюмов шлюпки, т. е. всю провизию и снаряжение для экспедиции, им пришлось перевозить в зимнее время поперек Камчатки из Большерецка в Авачинскую губу «на себе».

Ни дубель-шлюпке, ни галиоту так и не пришлось сопровождать экспедицию в Америку. Они прибыли весною следующего года в Авачу, но так поздно, что уже не застали там эскадры, отпавшей в Америку. Стеллер находился теперь вместе с Берингом на «Св. Петре», Лакройер — на «Св. Павле», а Красильников возвратился на галиоте в Охотск «с богатым запасом собранных им сведений по всем предметам естествознания, истории, этнографии, географических, гидрографических и физических примечаний».

По прибытии в Авачинскую губу Беринг занялся подготовкой помещений для зимовки, расквартированием команды по местным острожкам, а также обследованием губы. Меткий глаз моряка сразу же оценил несравненные преимущества здешней бухты. Более превосходного убежища для судов, плавающих в северной части Тихого океана, вряд ли можно найти во всем этом крае, — так рассуждал Беринг. Предвидя в будущем раз-

витие края, он заложил здесь городок, названный им по именам судов, на которых совершал плавание, Петропавловском, с гаванью того же наименования. Лакройер определил долготу Петропавловска, но из-за грубости и несовершенства тогдашних геодезических инструментов, а быть может и по неумению, ошибся почти на градус.¹

Так возник город Петропавловск на Камчатке, этот важнейший центр местных промыслов и мореплавания в северотихоокеанских водах.²

Но вернемся к нашим путешественникам. Зимовка их протекала вполне благополучно. Расквартированный на довольствие по острожкам к камчадалам экипаж сэкономил не одну сотню пудов провизии, заготовленной для экспедиции. С открытием навигации стали деятельно готовиться к плаванью.

Беринг созвал вскоре при участии ученых большой совет, на котором прежде всего поставил вопрос: каким путем следовать кораблям к берегам Америки?

Мнения, как и следовало ожидать, разделились. Сам Беринг полагал, как и в прошлый свой поход, что ближайшее расстяние отсюда в Америку на северо-восток лежит не выше широты 65°. Это правильное мнение начальника было поддержано большинством моряков. Стеллер утверждал, что Америка не может отстоять от Петропавловска дальше 50—70 миль, если плыть прямо на восток. Казалось бы, и быть по сему, т. е. не-

¹ Точное положение Петропавловска 53°9' северной широты и 158°42' восточной долготы.

² В 1866 году в Петропавловске был воздвигнут Берингу памятник судовым составом военного корвета «Варяг».

замедлительно плыть на восток. Но тут выступил Лакройер и опять извлек на свет Жуана де Гама, никому неведомого мореплавателя, будто бы открывшего неизвестно когда никем никогда не виданную Компанейскую землю. Выше мы уже видели, что плавание Шпангберга в Японию окончательно должно было убедить всех в отсутствии в указанном месте Компанейской земли. Но Шпангбергу не верили, а Беринг, который хорошо ознакомился с плаванием своего коллеги и верил ему, не мог решать выбора единолично. К тому же по инструкции он особенно должен был считаться с мнением и указаниями Лакройера, который не замедлил в подтверждение своих слов представить карту своего брата — знакомого уже нам Иосифа Делиля, пользовавшуюся большим авторитетом как в Парижской академии, так и в Петербургской. Несуществующая земля была определенно обозначена на карте по параллели 45—47°. Впоследствии спутники Беринга всю неудачу экспедиции приписывали этой злой карте, вернее — вынужденной необходимости их начальнику следовать по ней сначала в поисках Компанейской земли на юг, а уже потом, когда никаких ее признаков обнаружено не было, на северо-восток, по направлению к американским берегам.

Итак, 4 июня 1741 года рано утром, с тихим южным ветром, моряки двинулись в путь не по прямому вернейшему направлению в Америку, правильно предложенному Берингом и большинством его спутников-моряков, а на поиски несуществующей земли, изобретенной фантазией кабинетного ученого. Особенно был недоволен и раздражен непроизводительной тратой времени безумно жаждавший поскорее вступить на амери-

канский берег Стеллер. Чириков шел впереди, так как качества его корабля были лучше.

Свежий ветер разлучил наших спутников, 19 июня они потеряли друг друга и, как показало близкое будущее, — навсегда. Достигнув параллели 45°, проблуждав здесь некоторое время по разным направлениям и окончательно убедившись, по выражению Хитрова, что «неправость карты Делиль де ла Кройера довольно уже опорочена», взяли курс на северо-восток.

Сопровождаемые ветрами более попутными, юго-западными, иногда отклонявшимися к юго-востоку, с погодою облачною и туманами, следовали довольно постоянно по настоящему направлению, не видя берегов, хотя почти от самой Камчатки до Америки тянется ряд островов. Но вот стали встречаться первые признаки присутствия недалеке земли: плывущие ветви, деревья, птицы. Но глубина все еще оставалась значительной, и лот, опущенный на дно, его не достал. Ветер дул попутный, западный.

Около полудня 16 июля (на широте 58°14' и долготе 49°31') впереди на севере стали вырисовываться туманные очертания гор, непосредственно поднимающихся из глубины моря. Моряки высypали на палубу, радостно вглядывались в берег и оживленно перекидывались замечаниями. Особенно сиял Стеллер.

Высокие пики гор были увенчаны нежно-розовым снегом. Над хребтом гор, несколько поодаль, вздымалась еще одна гора, ее громадным размерам дивились все моряки. Эта гора, расположенная на границе Аляски и британской Америки и названная впоследствии горой св. Ильи (mount St. Elias), представляет одну из высочайших вер-

шин Северной Америки. Но до нее было далеко; внимание моряков более привлекал берег, к которому корабль приближался довольно медленно, так как попутный ветер сменился противным — северным. Лишь 20 июля «Св. Петр» смог бросить якорь невдалеке от берега какого-то острова.¹ С корабля теперь ясно различали прибрежные темные скалы и в стороне — густые зеленые леса. Тщетно вглядывались путешественники в берег, ожидая, что вот-вот отчалит оттуда остроносая узкая лодчонка и понесется к кораблю. Берег казался необитаемым.

Начались взаимные поздравления и шумные изъявления радости; ведь всего лишь в нескольких шагах находился теперь уже вне всякого сомнения американский берег, к которому, хотя и с большой затратой времени, но все же благополучно добрались путешественники. Общего ликования, к общему удивлению, не разделял лишь Беринг. Он был хмур и чем-то озабочен. «Всякий легко себе представит, — писал Стеллер, — как велика была радость всех нас, когда мы, наконец, увидели берег! Со всех сторон обратились с поздравлениями к капитану, до которого более всех относилась честь открытия. Однакож капитан не только весьма равнодушно выслушал эти поздравления, но, рассматривая берег, даже стал пожимать плечами... Находясь потом в каюте со мною и с Пленишером, он так выразился: «Мы теперь воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки, а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? Почему

знать, не будем ли мы задержаны здесь пассатными ветрами? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит!...»

В этих словах Беринга чувствуется большой упадок энергии и самоуверенности. Он производит впечатление больного человека. И в самом деле, как он, так и большинство экипажа «Св. Петра» уже страдали цынгой. В лавры свои он уже не верил, он хотел только одного: как можно скорее возвратиться домой. Он лежит теперь больше в своей каюте и лишь изредка показывается на палубе. Им овладевает настоящая лихорадка отплытия. Он созывает совет, чтобы обсудить — что делать дальше и как лучше использовать время стоянки у американских берегов. Но «совет» этот ограничивается его категорическим заявлением, что необходимо немедленно плыть обратно. Его осаждают тревожные мысли, он на себе чувствует всю недоброкачественность провианта, наскоро взятого взамен потерянного на дубель-шлюпке; он ясно сознает весь риск продолжать с большим экипажем в позднюю пору плавание вдоль берегов неизвестной и, повидимому, необитаемой земли. Беринга давит тяжелое предчувствие, ему теперь не до славы, не до открытий; скорей домой; на будущий же год он, обогащенный опытом текущего плавания и поправившийся, вторично придет сюда и подробно обследует берега. Сейчас же необходимо дополнить запасы воды и незамедлительно плыть в Камчатку.

Начальнику не возражали и в большинстве по-малкивали. Лишь один Стеллер, разочарованный вконец таким оборотом дела, не выдержал и иронически заметил Берингу: «Итак, мы сюда пришли

¹ То был остров Каяк

для того, чтобы американскую воду перевезти в Азию».¹

Поспешность, с которой Беринг, не считаясь ни с чьим мнением, оставил берега долго разыскиваемого материка, не может не вызвать справедливого порицания.² Он, например, так торопился, очевидно, боясь шторма, что оставил четвертую часть бочек не налитыми. Впоследствии нехватка пресной воды сильно способствовала бедствиям экспедиции. Этот случай также доказывает, что в совершенно необходимых с его точки зрения случаях Беринг умел действовать вполне самостоятельно и очень решительно, не считаясь с мнением своих подчиненных и не созывая предусмотренных инструкцией в подобных случаях «консилиумов». Несомненно, ответственность, которую брал на себя при этом Беринг, была велика, но эта мера, по его мнению, была абсолютно необходима.

Придерживаясь юго-восточного направления, под всеми парусами понесся «Св. Петр». Очень крепкий восточный ветер свежел все более. Пасмурная, дождливая погода не предвещала ничего доброго; исчезнувшие с утра берега, задернутые мутно-серой пеленой, уже не показывались. Осу-

¹ За время короткого пребывания „Св. Петра“ у берегов Америки Стеллер высаживался на берег. В течение непродолжительной десятичасовой экскурсии он сделал много важных научных наблюдений.

² Необходимо однако подчеркнуть, что Беринг принял решение плыть обратно лишь после того, как убедился, что на берегу нет подходящей гавани для удобной стоянки корабля. Оставаться же на открытом рейде у необследованных скалистых берегов более или менее продолжительное время он не рискнул. Для поисков гавани Беринг откомандировал на берег лейтенанта Хитрова с пятнадцатью матросами.

ществить обстоятельный осмотр открытого материка, — как предполагал Беринг, — не удалось вовсе. Быстро пронесли мимо крупного острова Кадьяка, расположенного у юго-восточных берегов Аляски и, по их мнению, являющегося продолжением Американского материка. Незнакомые места заставляли беспрестанно делать промеры. По словам Вакселя, «весьма опасно было держать себя близ земли частых ради банков и беспрестанных густых туманов и жестоких ветров, к тому же и от неизвестного берега бывали неоднократно в великих страхах и в отчаянии спасения себя».

Досадное чувство неудовлетворенности, которое испытывали моряки, принужденные так скоропалительно покинуть американский берег, несколько смягчилось, лишь только стих ветер и исчез туман. Беринг немедленно собрал «консилиум», на котором было решено взять курс к северо-западу «для осмотра оставленного берега». Оставленный берег не замедлил обнаружиться, едва лишь переменили направление корабля. В ночь на 2 августа, «окруженные глубоким туманом, вдруг увидели перед собою землю, от которой едва успели отворотить и стать подле нее на якорь».

Так был открыт остров, названный Берингом островом Архидиакона Стефана, впоследствии переименованный в остров Чирикова. Далее, следуя на северо-запад и не теряя из виду материкового берега (полуостров Аляска), открыли группу из пяти островов, названных Берингом Евдокеевскими. Уже тогда наши моряки обратили внимание на богатство здешних вод бобрами, морскими котиками и сивучами.

Впереди было много интересного. Новые открытия, надо полагать, не заставили бы себя ожи-

дать. Но задувший сильный северо-западный ветер, позднее время (половина августа) и значительное количество на судне больных цынгой (26 человек) заставили Беринга снова изменить курс и проложить его на Петропавловск, до которого оставалось 1200 миль. Снова наступила пасмурная штормовая погода. К несчастью, обнаружилась большая нехватка воды. На корабле оставалось всего лишь двадцать пять бочек, т. е. четверть нужного запаса: с таким количеством воды нечего было и думать пускаться в дальнее плавание. Рассудили и решили снова плыть на север к американским берегам «наливаться» водой. В пути повстречали множество островов и вдали увидели материковый берег.

✓ Всякий день проволоочки приносил новые беды. Совершенно ослабел сам Беринг и почти вовсе не выходил из каюты. 30 августа, когда «Св. Петр» подходил к группе неизвестных островов, расположенных вблизи южной оконечности Аляски, скончался от цынги матрос Шумагин — первая жертва похода. Пристав к берегу ближайшего острова, опустили в могилу тело моряка и в честь его всю группу открытых островов назвали Шумагинскими, после чего отправились на поиски воды и взяли из первой попавшейся лужи пятьдесят две бочки.¹

Пока брали гнилую воду, на что ушло шесть дней, с корабля предпринимали экскурсии на берег. Так, Хитров, сильно заинтересовавшись уви-

денным им вдали на берегу огнем, тотчас же отправился на берег. Это любопытство обошлось ему не дешево. Он не мог совладать с высоким и бурным прибоем и, потеряв способность управлять, был выброшен на берег, где пробыл голодным и холодным целых трое суток. На месте увиденного им огня он нашел уже остывшее пепелище; сомнений не было: берег был обитаем. Вскоре объявились и сами обитатели. На двух челнах они подплыли вплотную к судну, что-то кричали и оживленно жестикулировали, очевидно приглашая последовать за ними на берег, но сами взойти на палубу побоялись. После усиленных приглашений они рискнули лишь приблизиться к трапу и принять несколько подарков, взамен которых передали какие-то палочки с укрепленными на них перьями.

Стеллер сообщает, что это были довольно рослые, плотные и широкоплечие люди с короткими шеями. Лица их были смуглые, носы приплюснутые и губы толстые, глаза черные, как смоль, равно как и волосы, висящие прядями, иные были с редкими бородами, иные же и вовсе без бород; в разные части лица были у них восткнуты длинные косточки и вставлены камешки. На всех были надеты сшитые из китовых кишок рубашки с рукавами, на некоторых же брюки и сапоги из тюленьей кожи, шляпы с перьями; у двоих из них были ножи, что доказывало, что в них они более всего нуждались.¹

Вскоре американцы показали, что они отнюдь не отличаются миролюбивыми замашками, а по-

¹ Это были, повидимому, тлинкиты (или, иначе, колоши) — неизвестный в то время, весьма своеобразный народ индейско-американской расы, с особым наречием.

¹ Стеллер утверждал потом, что взятая здесь вода [была] чрезвычайно плохого качества и сильно способствовала дальнейшему росту цынги на корабле, разыскивать же хорошую и чистую воду, которая, по его словам, находилась неподалеку, было некогда.

тому с ними нужно вести себя осторожно. Когда лейтенант Ваксель, желая свести с ними знакомство поближе, прибыл в сопровождении переводчика на берег, они его окружили и старались завладеть шлюпкой; лишь предусмотрительно захваченные моряками и пущенные в ход ружья заставили их попадать на землю.

Доверие к иностранцам, казалось, было потеряно навсегда. Однако на другой день, как ни в чем не бывало, «не имея никакого страха», они подплыли на семи каноэ к самому борту корабля и, не всходя на палубу, взамен подаренных им вещей «дали две сделанные из коры шляпы с костяною статуей на одной». В своем донесении об экскурсии на берег Ваксель замечает, что «все оные острова безлесные и пустые, и видно, что те американцы приехали на своих байдарках к сим островам с матерого берега для промыслу морских зверей и рыбы».

Узбрав пятьдесят две бочки скверной, нездоровой воды, 6 сентября двинулись, наконец, в путь на запад — прямо на Камчатку. При отходе корабля туземцы высыпали на берег и дружно заорали во все горло. Миллер по этому поводу замечает: «Сие не меньше почитать можно за дружественное засвидетельствование, коим они нам благополучного пути желали, как за радостное восклицание, что от незнакомых гостей избавились».

С большим трудом и медленно подвигались против встречного ветра, снова принесшего пасмурную, туманную погоду. Приблизительно на широте 51° сквозь разорванные клочья тумана увидели ряд островов, а на одном из них высокую, покрытую снегом гору, названную в честь

святого этого дня горою Св. Иоанна. Сами того не подозревая и все еще думая, что плавание продолжается вдоль материкового берега Америки, наши моряки плыли теперь вдоль гряды Алеутских островов, увидя их первыми из европейцев. Так была открыта цепь Алеутских островов, присоединенных после плавания Беринга к России.

Лишь только прошли длинную гряду островов, цепь событий на «Св. Петре» дала резкую кривую, и беды, одна другой ужаснее, завершаются трагическим финалом. Моряки попали в ряд штормов чудовищной силы, дувших с запада. Постепенно крепчая, ветер к 25 сентября достиг силы урагана. Даже самый опытный и бывалый, всю жизнь проводивший в плаваниях старший штурман Эзельберг ужаснулся и говорил, что не видывал никогда такой страшной бури. По словам же Стеллера, более сильной бури и того, что происходило вокруг, даже самое пылкое воображение не в состоянии было бы себе представить. Охваченные чувством страха и одиночества, совершенно подавленные картиной всесокрушающей силы, моряки каждую минуту ожидали гибели судна.

Не убранные во-время паруса разлетелись в клочья, мачты сгибались в дугу, бывший в хорошем состоянии такелаж от непрерывного беспорядочного мотания из стороны в сторону и сильнейших встрясок и толчков стал ослабевать и, наконец, ломаться. Длинными лентами развевались оборванные канаты и запутывались в реях, мачтах... С большой тревогой прислушивались моряки, как находившийся в трюмах груз при стремительных размахах судна с силой швыряло о борта, грозя проломить их. Управлять судном не

было никакой возможности. Из-за вихря брызг, срываемых ветром с гребней и залеплявших глаза, все вокруг было как в тумане. Могучие валы, подходя к судну, сбрасывали на палубу со страшной силой огромные массы воды.

Несмотря на тщательную закупорку помещений, вскоре не оказалось ни одной каюты, куда бы не просачивалась вода. А над головой совсем низко, с необычайной быстротой проносились облака, причем иногда, по замечанию Стеллера, в противоположных направлениях. Насыщенная электричеством атмосфера разряжалась на верхушках мачт большими языками пламени. Эти неизвестные нашим путешественникам «таинственные» «огни св. Эльма» были истолкованы некоторыми суеверными моряками, как знамение свыше; по их желанию стали производить сбор денег на построение храма. Так обстояли дела наверху — на палубе.

Перенесемся вниз, в каюты и посмотрим, что происходило там в эту памятную бурю. «Не подумайте, — писал потом Стеллер, — что я преувеличиваю наши бедствия; поверьте, что самое красноречивое перо не в состоянии было бы передать всего ужаса, пережитого нами». И в самом деле, в наши дни усовершенствованных кораблей не легко представить, что творилось в те дни в душных, лишенных всякой вентиляции и света каморках «Св. Петра». Из них неслись непрерывные стоны и вопли отчаяния доведенных до полубезумного состояния двадцати больных. Ужасная качка и удары волн о палубу и борта никому не давали возможности забыться хотя на минутку, никто не мог, швыряемый во все стороны, ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Что-либо готовить,

конечно, нельзя было и думать; единственной пищей были оставшиеся в небольшом количестве сухари. Немного было и воды: несколько бочек с водой от ударов их в борта полопались. От испорченного спертого воздуха, недостатка пищи и воды, а также качки и сильных переживаний один за другим стали умирать больные. С большим трудом удавалось выносить покойников на палубу и там предавать их морскому погребению — выбрасывать за борт. Словно чувствуя добычу, уже несколько дней корабль сопровождали акулы.

28 сентября буря еще более усилилась; шел град. «Мы плыли, с божьей помощью, куда нас гнало разгневанное небо, — замечает Стеллер. — Половина нашей команды лежала распростертой, другие, в силу необходимости, держались как здоровые, но вследствие ужасающих волн и качки корабля все были как полоумные. Молились горячо и много, но проклятия, накопившиеся за десять лет пребывания в Сибири, лишили нас возможности быть услышанными».

И все же, несмотря на неслыханные бедствия, предоставленное стихии судно не погибло и, по видимому, оттого только, что было очень крепким и находилось в надежных руках: так, счисление, например, удалось держать во все продолжение бури, и оно находилось сравнительно в порядке.

11 октября стало стихать, но целый ряд признаков говорил, что вскоре следует ожидать повторения бури. Передышку использовали для заделки многочисленных повреждений на судне, а также подсчитали пищевые ресурсы. Большой недостаток воды встревожил всю команду, стали раздаваться голоса с предложением возвратиться

к берегам Америки и там перезимовать. Собирались на совет в каюту Беринга все, кто только еще мог держаться на ногах. Беринг был против этого предложения. Он советовал еще раз попытаться достигнуть родных берегов, к тому же и ветер для путешествия в Америку был противный. Решили все же плыть к американским берегам, но, проплыв некоторое время, передумали и, последовав совету Беринга, повернули на юго-запад. Ветер вскоре отошел к северу, пошел снег, люди мерзли, бодрости ни в ком не чувствовалось.

Однако все, что встречалось достопримечательного на пути, привлекало внимание и тщательно заносилось в судовой журнал. Так, 25 октября на широте около 51° заметили на севере остров, названный именем Св. Маркиана (впоследствии Амчитка). Через три дня повстречался другой остров, названный островом Св. Стефана (Киска), и, наконец, на широте около $52^{\circ}30'$ обнаружили третий остров, названный Св. Авраамием (впоследствии Семич). Стеллер уверяет, что были замечены вдали на севере еще два острова, по его мнению — первые Курильские, но в судовом журнале мы не встречаем этой записи. Но вот, наконец, утром 4 ноября, милях в шестнадцати от корабля, на широте $53^{\circ}30'$ увидели впереди себя гористую землю, которую и приняли за цель своих надежд и стремлений — Камчатку. Ужасный по тяжести поход казался оконченным. Положение многострадавшего корабля, которым управляли теперь Ваксель и Хитров, было самое тяжелое. По словам А. Соколова, «счисление было уже почти потеряно, по крайней мере значительно разнилось; судно почти без правления. Начальник больной, давно не выходящий из каюты;

офицеры несогласные и едва перемогавшиеся; команда изнуренная и оцынявшаяся, — умирающие каждый день, даже по-двое на день. Вооружение ослабленное, паруса обветшалые. Ни сухарей, ни вина, и воды весьма мало. Сырость и холод. Сомнение, безнадежность и ужас почти неминуемо предстоявшей гибели...»¹

«Невозможно описать, — замечает Стеллер, — как велика была радость всех нас, когда мы увидели берег. Умирающие выползали наверх, чтобы увидеть его собственными глазами... Даже больной капитан-командор вышел наверх. Все осведомлялись о здоровье друг у друга, все надеялись найти на острове отдых и успокоение. Нашли даже спрятанный где-то боченок с водкой, которым еще более усилили общую радость... Открывшаяся земля казалась Камчаткою... Моряки хвалились в своем неведении: будь хоть тысяча мореплавателей, никто не пришел бы вернее к цели!

Уже нетерпеливые взоры различают характерное очертание Авачинской губы, называют отдельные горы, мысы. Скорее, скорее на берег! Но чем ближе подходит к берегу корабль, подгоняемый засвежившим северо-восточным ветром, тем более растет недоумение. Пустынный, безлесный берег совершенно не похож на Авачу и ее окрестности. Но все же моряки не сомневаются, что перед ними Камчатка — в районе где-нибудь между Шипунским и Кроноцким мысами. Когда определились, оказалось, что Авачинская губа отстоит отсюда не то в сорока милях, не то в $2\frac{1}{2}^{\circ}$ разности долготы. Ввиду такой неопределенности Бе-

¹ А. Соколов, Северная экспедиция, стр. 197.

ринг созвал последний «консилиум», последнюю «мирскую сходку» с участием всех, кто только мог дотащиться до его каюты. Необходимо было решить вопрос, идти ли разыскивать Авачу, где моряков ожидали люди, тепло и провиант, или же «для спасения себя» «итти немедленно к видимому берегу, какой бы ни был берег, есть ли у него или нет пристанища». Беринг с Овцыным доказывали необходимость продолжать поиски Авачи. Ваксель же с Хитровым, поддерживаемые большинством команды, стояли за немедленную высадку на берег. Восторжествовало последнее, «гибельное» предложение.

С тихим попутным ветром двинулся «Св. Петр» к берегу и перед закатом солнца, впервые за долгое время брызнувшего из-за разорванных туч золотыми лучами, бросил якорь на двенадцатисаженной глубине — на совершенно открытом месте, в расстоянии не более версты от каменистого, бесприютного берега, вокруг которого длинной белой лентой извивались грандиозные буруны не улегшейся еще бури. Но недолго продержался корабль на якоре. Подошедшей огромной волной мертвой зыби его так рвануло, что канат не выдержал, лопнул, и корабль, вздымаясь на бурунах и тулко шаркая днищем о грунт, понесло прямо на берег. Не помог и другой якорь, снова оборвало канат, в страшном смятении люди бросились в трюм за третьим... Но в этот момент произошло истинное «чудо»: могучие кипящие буруны, таящие в себе огромный запас энергии, «перекинули судно через груды камней, и — чудным счастьем — оно было поставлено на совершенно спокойную воду, между грядою камней и берегом, в полумерсте от него, на глубине четырех

с половиною сажень». Из этой лагуны-западни корабль уже не вышел.

Так закончилось четырехмесячное бурное плавание «Св. Петра» к берегам Америки. Наступила тихая ночь. Залитая лунным светом, впереди простерлась пустынная каменистая земля, на которую никогда еще не ступала нога человека. Пепельно-серые облака застилали по временам вершины высоких гор и торопливо неслись на юг; вдали грохотал, дробясь о прибрежные утесы, прибой. Вконец утомленные люди, впервые за столько дней почувствовавшие под собою прочную, не уходящую из-под ног палубу, спали мертвецким сном. Раздавалось такое храпение, что можно было подумать, что находишься на шлифовальной мельнице. Не спал лишь один вахтенный; одетый в теплый армяк, он прислонился к кормовому люку и пристально разглядывал берег. Так обстояли дела на «Св. Петре» в ночь на 6 ноября 1741 года в виду открытого острова, названного впоследствии островом Беринга, из группы Командорских.

Рано утром спустили на воду единственную оставшуюся после страшной бури шлюпку и отправились на берег. Первыми съехали Стеллер и Плениснер. Уже первая экскурсия Стеллера на берег навела на грустные размышления: по-длинно ли они на Камчатке? Уж больно странно ведут себя здешние звери — совершенно не боятся человека. И какое их тут изобилие! Морские бобры встретили путешественников, едва те сошли на землю, а Стеллер хорошо знал, что эти давно и ретиво преследуемые промышленниками вблизи камчатских берегов животные почти не водятся уже там.

Поразило и огромное количество куропаток, также вовсе не пугливых; их было так много, что свободно можно было бы добыть за час хоть сотню. Но охотиться было некогда, необходимо было осмотреться и ориентироваться в поисках прежде всего свежей воды. Плениснер все же добыл специально для больного Беринга шесть куропаток и отправил их на корабль. Стеллер же присоединил сюда еще несколько пучков противоязвотной травы для приготовления командору салата.

Особенно все были удивлены колоссальным множеством здесь песцов.

Осмотренный берег произвел на путешественников самое безотрадное впечатление. Совершенно безлесный, пустынный и дикий, с нагроможденными у самой воды голыми каменными скалами, берег не являл никаких благоприятных перспектив для предстоящей зимовки, и, что всего хуже, неизвестно было даже, что это за земля. Но Стеллер все еще хотел верить и надеяться, что это Камчатка, хотя новые факты с каждым днем и разубеждали его в этом.

Всю ночь провели путники на берегу, усиленно разыскивая свежую воду. Поиски их увенчались, наконец, успехом к великой радости всего экипажа. Они набрали на ручей превосходной воды, а попутно нашли и порядочное количество выброшенного на берег леса. Во время этих поисков внимание Стеллера было привлечено совершенно ведомыми ему крупными морскими животными, ходившими стадами невдалеке от берега. Через несколько дней, когда путешественник повнимательнее присмотрелся к ним, он дал им удержавшееся навсегда название морских коров. Но, от-

ложив теперь все эти наблюдения до более благоприятного времени, Стеллер с Плениснером и со всеми оставшимися на корабле здоровыми людьми ушли в организационную работу по приготовлению экипажа к зимовке. Прежде всего необходимо было соорудить «помещения»; единственно, что возможно было сделать в их условиях, это вырыть в песке ямы-пещеры, прикрыв их сверху парусами. Когда вырыли несколько таких подземелий, стали перевозить на берег больных.

Настали тяжелые, мрачные дни. Несколько человек больных, едва их вынесли из душных каюток на свежий воздух, тотчас же умерли, девять человек умерло во время перевозки на берег или тотчас же по водворении их туда. Пока в стороне рыли для мертвецов могилы, песцы делали свое дело: они с жадностью набрасывались на покойников, объедали у них носы, уши, выгрызали щеки, обгладывали пальцы; не оставляли они и больных, от которых все время приходилось отгонять палками этих голодных и дерзких животных. «Наш лагерь, — замечает Стеллер, — представлял печальный и ужасный вид; покойников, которых не успели еще предать земле, тотчас же обгладывали песцы; не боялись они подходить и по-собачьи обнюхивать и беспомощных больных, лежавших на берегу без всякого прикрытия. Иной больной жалобно вопит от холода, другой жалуется на голод и жажду, — цынга многим так страшно изуродовала рот, что от сильной боли они не могли есть; почти черные, как губка, распухшие десны переросли и совершенно закрыли губы».

Перевозка больных на берег, ввиду недостатка заготовленных для них помещений и здоровых

рук, протекала крайне медленно. 9 ноября с большими предосторожностями переправили на берег самого начальника. Убедившись на опыте, что резкий переход от спертго воздуха кают к наружному производит самое страшное действие, Беринга тщательно изолировали от атмосферного воздуха, закутав его голову и лицо платком. Натякаясь на различную кладь, выгруженную из трюмов, осторожно вынесли на носилках укутанного, сильно распухшего от отеков начальника и осторожно опустили в вельбот. Последним был переправлен на берег «уже весьма больной» лейтенант Ваксель.

Вначале Беринг как будто приободрился и не переставал давать распоряжения по устройству лагеря на зиму. Он подолгу беседовал со Стеллером, здоровье которого, несмотря на все бедствия, продолжало оставаться в отменном порядке, и интересовался его мнением относительно территории, на которой они находились. Хотя своего мнения он и не высказывал, боясь огорчить и без того ослабленных духом людей, однако Стеллеру было совершенно ясно: Беринг не верил, что находится на Камчатке; то же полагал и сам Стеллер.

Близилась зима. Чтобы обеспечить себя хоть как-нибудь на зиму, предстояло сделать очень многое, а работоспособных людей насчитывалось десять — двенадцать. Как самые энергичные и знающие, Плениснер, Стеллер и Бегде взяли на себя инициативу во всех делах, касающихся лагеря. Несколько выписок из дневника Стеллера помогут воспроизвести нам картину житья наших путешественников на необитаемом острове в первые дни их пребывания здесь:

«13 ноября. Сегодня после обеда я первый раз пошел с Плениснером и Бегде на охоту: мы убили четырех морских выдр и вернулись уже ночью. Из печени, почек, сердца и мяса этих животных мы приготовили различные вкусные блюда, которые съели с пожеланием, чтобы судьба нам и впредь давала такую пищу. На дорогие шкуры мы смотрели как на нечто такое, что вовсе не имеет цены, ибо дорожили теперь только такими предметами, на которые прежде мало или вовсе не обращали внимания, — как то топорами, ножами, иглами, нитками, веревками. Мы убедились, что чин, ученость и другие заслуги не дают здесь никакого преимущества и вовсе не помогают находить средств к жизни, и потому, прежде чем нужда нас принудила к тому, мы решились сами работать изо всех оставшихся сил, чтобы впоследствии нас не порицали, и чтоб нам не дожидаться приказаний».

«14 ноября. Мы продолжали сооружать жилища и разделились на три партии; первая из них отправилась работать на корабль, чтобы перевезти на берег провиант; другая возила на себе бревна за четыре версты отсюда, а я и больной канонир оставались в лагере. Я готовил кушанье, а он устраивал сани для перевозки дров и других надобностей. Приняв на себя обязанность повара, я получил еще два других побочных назначения, именно я должен был посещать командора Беринга и помогать ему в разных случаях, а так как мы первые устроили хозяйство, то кроме того на мне лежала еще обязанность разносить больным и слабым теплый суп до тех пор, пока они не поправились настолько, что сами могли помогать себе. Сегодня же были устроены казармы, куда

после обеда водворили многих больных, которые по недостатку места валялись на земле, покрытые тряпками и разной одеждой. Они были совершенно беспомощны, со всех сторон слышались только стоны и жалобы, причем не раз призывался суд божий на виновников их несчастья. Зрелище всего этого было настолько ужасно, что даже самые сильные из нас падали духом... Вообще недостаток, нагота, холод, сырость, потеря сил, болезнь, нетерпение и отчаяние были нашими ежедневными гостями».

Особым предметом беспокойства наших путешественников стало теперь их судно, стоявшее на якоре в расстоянии версты от берега. Добираться до него из-за осенних штормов становилось все труднее, а разной необходимой для зимовки клади на нем, а также и провианта, оставалось еще много. Сильное волнение иногда по нескольку дней препятствовало подойти к кораблю. Естественным было и опасение, что при непрерывных бурях судно будет сорвано с плохого якоря и разбито о прибрежные скалы, или, что еще хуже, его загонит противным ветром в море, и тогда будет потерян весь провиант, а вместе с ним и всякая надежда на спасение.

Положение с кораблем с каждым днем становилось настолько серьезным, а боязнь его потерять настолько сильной, что решено было, наконец, выбрав поспокойнее день, поставить корабль на отмель. Но по недостатку сил из затей этой ничего не вышло. Помогла природа, и притом самым радикальным образом: во время сильнейшей бури 28 ноября корабль сорвало с якоря и принесло как раз на ту самую отмель, где его мечтали видеть наши моряки, причем маневр этот выпол-

нен был настолько аккуратно и искусно, что не пострадали ни судно, ни содержимое его. Это обстоятельство не только сохранило оставшиеся на корабле жизненные припасы, но и дало средства для спасения в будущем оставшихся в живых участников экспедиции.

Но радостное событие это вскоре омрачилось глубокой неподдельной скорбью всех участников экспедиции. Вслед за старым и опытным, всеми уважаемым, уже давно болевшим штурманом Эзельбергом 19 декабря скончался в полном сознании начальник экспедиции Витус Беринг, на шестьдесят первом году жизни. С поразительным мужеством и терпением переносил он и физические и моральные страдания, никто никогда не слышал от него жалоб и стонов, до самого последнего дня он обнадеживал, как мог, своих товарищей, поддерживая в них бодрость и энергию. С его кончиной все почувствовали себя осиротевшими. Вполне справедливо замечание Карла Бэра о покойном: «Слава Беринга была, можно сказать, похоронена в одно время с ним самим и воскрешена только полстолетия спустя знаменитым британским мореплавателем, которому судьба иначе благоприятствовала».¹

Несомненно, Беринг не умер бы так скоро, если бы достиг Камчатки и жил там в теплой комнате, пользовался хорошим уходом и получал свежую пищу. Беринг погиб столько же от холода, голода и болезни, сколько и от постоянного беспокойства и огорчений. Любопытно отметить, что, находясь в своей берлоге, Беринг был похоронен, так сказать, заживо, или, точнее, зарыт уже при жизни.

¹ Бэр разумел здесь Джемса Кука.

Дело в том, что больной начальник всего больше страдал от холода и изыскивал все способы согреться. И вот он заметил, что осыпавшийся со стенок на его ноги песок, который почему-то не успели сгрести во-время, начинает его согревать. Когда явился матрос с лопатой, чтобы освободить начальника от песка, Беринг не только воспрепятствовал этому, но приказал еще зарыть себя выше пояса и в таком положении находился все время. Таким образом, умирая, он был уже наполовину зарыт в песок, его мертвого пришлось отрывать, чтобы перенести на место вечного упокоения. Место это в точности неизвестно. Пользуясь описанием Стеллера, Российско-Американская компания соорудила в 1822 году на предполагаемом месте погребения Беринга большой деревянный крест, стоящий там и поныне. В 1899 году экипажем дальневосточного военного транспорта «Алеут», совместно с жителями острова, в ограде села Никольского в честь знаменитого мореплавателя поставлен другой крест — железный, обнесенный якорной цепью. О сооружении Берингу памятника в Петропавловске мы уже упоминали выше.

В посвященном памяти Беринга капитальном труде о Командорских островах и пушном промысле на них проф. Е. К. Суворов, побывавший на могиле Беринга, так описывает свои впечатления:

«Неумолчно ревушие мощные буруны окаймляют рифы белым пенистым покровом и делают остров еще более опасным и труднодоступным. Пустынные, безлюдные берега острова оставляют унылое впечатление. Повсюду то тут, то там белеют громадные кости выброшенных когда-то

Могилы Беринга

китов и дельфинов; нередко из песка торчит ребро вымершей уже морской коровы. Местами попадаются и более печальные реликвии: возле старой гавани еще видно на лаиде¹ полузанесенное днище разбитого корабля; на суровом рифе возле мыса Командора при сильном отливе показывается иногда из воды якорь погибшего здесь китобоя. Да и немало таких же печальных воспоминаний можно найти на островах, хотя бы в виде наименований отдельных пунктов, наглядно указывающих на негостеприимность берегов. На скалистых рифах восточного берега острова разбилось когда-то и судно Витуса Беринга; мыс и бухта, где произошла катастрофа, именуются до сих пор «Командором»; так же называют и речку, на берегу которой покоится прах погибшего исследователя. В обе свои поездки на Командорские острова — и в 1910 и в 1911 годах — я посетил место гибели Северной экспедиции. На крутом склоне горы, у устья реки Командора, в сотне сажен от берега среди густой травы стоит простой, покосившийся, подгнивший деревянный крест. Предполагают, что приблизительно здесь покоится прах мореплавателя. На кресте еще сохранились остатки старой надписи:

ПАМЯТИ БЕРИНГА

19 Декабря 1741 — 1880

¹ Лайдой на побережьях северных морей называют низкие равнинные участки морского берега, заливаемые иногда морем.

Кругом полная пустыня. Кажется, нога человеческая не ступала сюда. Только одинокий голубой песец, удивленный непривычным появлением человека, останавливается в нескольких шагах от меня и своим лающим криком старается прогнать меня прочь. Тридцать лет простоял крест без надзора и ремонта; года заставили его покоситься. Я выпрямил его, как мог, но немного нужно времени, чтобы упал этот надгробный памятник, и место могилы тогда снова будет затеряно. Покрытый дюнными наносами широкий выход долины с правого берега реки, где экипаж Беринга строил себе судно, успел весь зарости густой травой, среди которой там и сям валяются разрозненные кости кита и морской коровы. Невдалеке от юрты-одиночки, немного южнее ее, среди заросших дюн до сих пор еще сохранилась большая яма, представляющая, вероятно, остаток жилья команды Беринга. Раскапывая в ней песок, я мог собрать немного разноцветного бисера, бус, слюды и гвоздей — последних остатков несчастной экспедиции. Эти реликвии переданы мною в Русское географическое общество».

После кончины Беринга начальствование над экспедицией принял на себя лейтенант Ваксель. Моряки, испытывая разные лишения и борясь энергично за существование, провели на острове, названном впоследствии островом Беринга, еще около девяти месяцев, после чего, соорудив из частей погибшего корабля какое-то подобие судна, к концу следующего года добрались до Петропавловска.

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия пребывания на острове, путешественникам, главным образом Стеллеру, удалось собрать чрезвы-

чайно ценные в научном отношении материалы, касающиеся жизни и природы острова. Само же плавание в Америку неопровержимо доказало наконец, что Азия отделена от Америки проливом, которому впоследствии справедливо, по инициативе Джемса Кука, присвоили название Берингова пролива. Необходимо еще раз напомнить, что плавание Беринга в Америку явилось лишь одним из звеньев комплексной Великой северной экспедиции, в состав которой вошло героическое обследование нашими моряками северных берегов Азии и путешествие Шпангберга и Вальтона в Японию. Главным начальником и руководителем всех этих предприятий огромного географического и государственного значения был Витус Беринг.

Документы, относящиеся к плаваниям в Америку Беринга и Чирикова на пакетботах «Св. Петр» и «Св. Павел», представлены копиями ведшихся на судах морских журналов. На обложке этих заключенных в объемистую тетрадь журналов значится: «От Камчатки до Америки», а на титульном листе: «Журналы морские 740, 741 и 742 годов пакетботов Св. Петра и гукора Св. Павла капитан-командора Беринга и лейтенантов Вакселя, и Софрона Хитрова. В походах: в 740 году на пакетботе Св. Петра от Охотска до залива Авачинской и гавани Св. Петра под командой капитана-командора Беринга в Камчатку; в 741-м году на пакетботе Св. Петра от Авачинской Камчатской губы, до американского мыса Св. Ильи, найденного и названного, и возвратно от него к Камчатке до острова, вновь же найденного Берингова, под командой капитан-командора Беринга и по разбитии на том острове пакетбота Св. Петра и по умертвии на нем же означенного капитан-коман-

дора Беринга; в 742-м году по сделании на Беринговом острове, им разломанного на берегу пакетбота Св. Петра: гукора Св. Петра в походе на нем от Беренгова острова до Авачинской губы под командой лейтенанта Вакселя и Хитрова».

★

Разноречивые характеристики Беринга, повидимому, объясняются той огромной ролью, которую он играл во Второй Камчатской экспедиции, снискавшей ему много врагов; неопределенности мнений о Беринге способствовала также и та поистине «склочная» атмосфера, которая воцарилась в экспедиции едва ли не с самого ее начала. Характеризуя «бытовые» настроения экспедиции, А. Соколов замечает: «В нравах офицеров этой экспедиции вообще, русских и иностранных, замечается некоторая грубость — это отражение века; в некоторых, в низших особенно, проявляются постыдные наклонности к вину, к взяткам и тяжбам — явления конечно случайные; но особенно грустно и бедственно было недружелюбие почти всех членов экспедиции, почти во все время ее продолжения. Не знаем, чему приписать его: нравам ли, местности ли, стечению ли обстоятельств, или слабости начальника? Но оно затемняло и унижало прекрасные подвиги мужества, терпения и труда: ослабляло силы и способствовало неудачам».

Характеризуя Беринга как человека излишне мягкого, в противоположность его коллеге зверски суровому Шпангбергу, Соколов замечает, что Беринг был человек знающий и ревностный, добрый, честный, но крайне осторожный и нерешительный, легко поддающийся под влияние под-

чиненных и потому мало способный начальствовать над экспедицией, особенно в такой суровый век и в такой неорганизованной стране, какою была Восточная Сибирь в начале XVIII века.

Несомненно, эта односторонняя, а потому и неверная характеристика совершенно искажает его образ. Необычайная твердость, настойчивость и мужество Беринга, о чем свидетельствуют многие обстоятельства его жизни, а также и подчиненные, никак не вяжутся с заявлением о его слабости и излишней уступчивости. Здесь налицо обычная ошибка многих, смешивающих скромность и кроткий нрав со слабостью.

Близко наблюдавший Беринга Стеллер дал о нем такой отзыв: «Беринг, — писал он, — не способен был к скорым и решительным мерам; но может быть пылкий начальник при таком множестве препятствий, как он везде встречал, исполнил бы порученное ему гораздо хуже. Винить можно его только за неограниченное снисхождение к подчиненным и излишнюю доверенность к старшим офицерам. Знание их уважал он более, нежели бы следовало, и через то впери́л им высокомерие, которое переводило их нередко за границы должного повиновения к начальнику. Нередко признавался он, что Вторая Камчатская экспедиция свыше сил его, и жалел, почему не поручили исполнение сего предприятия россиянину».

Методы военной казармы никогда не были в ходу у Беринга, к тому же он, точно следуя инструкции, ничего не мог предпринять без предварительного совета с подчиненными. Это объясняет нам очень многое в его поведении и отношениях его к сослуживцам.

Но вот и иная характеристика Беринга, данная ему знаменитым натуралистом Карлом Бэром, основательно изучившим Великую северную экспедицию и правильно постигшим подлинную роль начальника в этом невиданном по масштабу и трудностям предприятии. «Нельзя не удивляться его [т. е. Беринга] мужеству и терпению, — замечает Бэр, — вспомнив, что он должен был преодолевать невероятные трудности, строить в одно время в разных местах суда, высылать огромные транспорты провианта и корабельных принадлежностей через пустынные дикие страны, как, например, разом 33 тысячи пудов тяжести из Якутска в Охотск, — что постоянно, и в особенности при съемке северного берега, он встречал препятствий больше, нежели ожидал, и что при всем том он боролся с этими трудностями не унывая; то посылал новых участников в экспедицию из Якутска к Ледовитому морю, то отправлял сотню лошадей на юго-запад для спасения вторично замерзшего на ЮдOME Шпангберга. Удивление это должно еще более увеличиться, если обсудить, что большая часть его сотрудников, как видно из позднейших донесений, обвиняли его в жестокости, с какою он упорствовал в продолжении северной экспедиции и отягощал туземцев транспортами до такой степени, что целые племена пришли в упадок на долгое время». Эта характеристика Бэра дает нам Беринга, каким он был в действительности; несомненно, слабость и несамостоятельность не могли иметь место в деле, за которое взялся Беринг. Само назначение его начальником такой многосложной и трудной экспедиции, как Великая северная, несомненно говорит в его пользу.

Преуменьшение заслуг Беринга и невыгодная его аттестация не раз имели место. Да будет позволено привести еще одну цитату, воздающую должное этому выдающемуся моряку. Более ста лет тому назад Василий Берх писал: «Ежели целый мир признал Колумба искусным и знаменитейшим мореплавателем, ежели Великобритания превознесла наверх славы великого Кука, то и Россия обязана не меньшею признательностью первому своему мореплавателю Берингу. Достойный муж сей прослужил в Российском флоте 37 лет со славою и честью, достоин во всей справедливости отличного уважения и особенного внимания. Беринг, подобно Колумбу, открыл россиянам новую и соседственную часть света, которая доставила богатый и неисчерпаемый источник промышленности и распространила торговлю и мореплавание россиян».

★

Выше мы уже заметили, что камчатские экспедиции Беринга, впервые обогатившие страну сведениями о своих собственных северных и северо-восточных окраинах, явились отправным пунктом ко всему последующему, более основательному изучению этих окраин и к частичному освоению Северного морского пути, осуществленного лишь в наши дни героическими усилиями бесстрашных советских моряков, летчиков и ученых, энтузиастов Великой водной магистрали. Мы с полным правом можем поэтому заметить, что дело Беринга, возглавлявшего Великую северную экспедицию, как и многих других наших полярных деятелей, отдавших родине свой героический

труд, здоровье и жизнь, не умерло, оно живет полнокровной жизнью и приобретает подлинное значение и смысл лишь теперь, когда нами особенно внимательно и тщательно изучаются и осваиваются наши северные и прилегающие к ним дальневосточные окраины.

Если и поныне, в эпоху могущественного развития в нашей стране науки и техники, отдельные моменты борьбы за Северный путь настолько трудны, что для преодоления их приходится напрягать все силы, энергию и изобретательность, то нетрудно представить себе положение моряков — пионеров Северного морского пути — двести лет тому назад.

«Труды и лишения, — замечает Соколов, — беспрестанная борьба и почти беспрестанная неудача — такова участь этих деятелей! Ни больших выгод им не предвиделось, ни большой славы себе они не могли ожидать. Между тем, исполняя суровый долг, они совершили такие чудные подвиги, каких очень немного найдется в истории мореплавания; они сделали такие приобретения, которые поныне не потеряли своей цены».

Мы должны в самых кратких чертах коснуться работы наших, обессмертивших свои имена моряков, действовавших отрядами на отдельных участках северного азиатского побережья. Сделать это тем более необходимо, что главное руководство двумя из трех отрядов вверялось непосредственно самому Берингу. Заметим также, что Беринг принимал самое активное участие в разработке плана описи северных берегов от Архангельска до крайнего северо-восточного пункта Сибири и далее до Камчатки, описи, составленной

по тогдашним временам очень дельно и предусмотрительно.

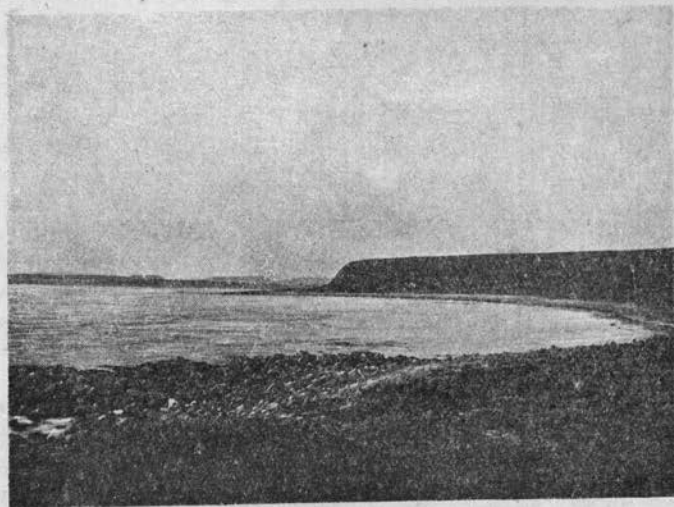
Огромная работа была распределена по отдельным участкам: первому отряду, руководимому непосредственно Адмиралтейств-коллегией и возглавлявшемуся лейтенантами Муравьевым и Павловым, предлагалось обследовать морской путь от Архангельска до устья реки Оби. Для плавания этого отряда, Обского, были выстроены специальные суда: «Экспедицион» и «Обь», каждое длиной по 54 фута. Экспедиция эта окончилась полной неудачей. «За многие непорядочные, ленивые и глупые поступки» оба командира были сняты с работы, преданы суду и разжалованы в матросы. Дальнейшее руководство Обской экспедицией было поручено лейтенанту Малыгину. Энергичный моряк блестяще справился с возложенной на него задачей. Обогнув неприступный, вечно окруженный льдом полуостров Ямал, Малыгин со своим помощником Скуратовым добрались до устья Оби. Было совершено, как писали тогда, «первое плавание здесь человека, ибо и самые промышленники никогда не достигали в этой стороне до такой широты!»

Обратимся теперь к работе лейтенанта Овцына, которому надлежало обследовать берег от конечного пункта работы экспедиции Малыгина — устья Оби — до Енисея. С большим трудом единственный корабль экспедиции «Тобол» достиг только широты 68°48', где и зазимовал. Началась цынга в весьма тяжелой форме, скосившая несколько человек. На следующий год с Овцыным отправились в плавание штурманы Минин и Стерлегов. На этот раз удача улыбнулась путешественникам. 7 августа 1737 года они вышли в открытое

море; огромная Обская губа была теперь позади. 31 августа моряки вошли в Енисей.

Необходимо также отметить работы и достижения третьего крупного отряда, отправившегося из Якутска в июне 1735 года под начальством лейтенантов Прончищева и Ласиниуса. Достигнув устья Лены, моряки разделились. Прончищев пошел на запад, Ласиниус — на восток. В первое лето Прончищеву удалось добраться только до устья Оленека, где он и зазимовал. На следующий год ему удалось добраться до широты $77^{\circ}29'$, наиболее северного пункта, достигнутого кораблями, принимавшими участие в Великой северной экспедиции. На обратном пути Прончищев заболел цынгой и вскоре умер. Через пять дней умерла и его жена. Могила Прончищевых сохранилась до сих пор.

Преемником Прончищева был назначен лейтенант Харитон Лаптев. 9 июня 1739 года, имея на борту сорок четыре человека, Лаптев отправился из Якутска в поход. Путешествие было крайне неблагоприятно; когда корабль через западное устье Лены вошел в море, все видимое пространство было сплошь забито льдом. С невероятными трудностями, не переставая набрасывать берега на карту, Лаптев все же подошел к мысу Св. Фаддея ($76^{\circ}47'$) и соорудил здесь знак, уцелевший до сего времени. На следующий год Лаптев снова отправился в поход по тому же маршруту. Сплошные льды сильно задерживали корабль, и он вышел в поход поздно. Неожиданно нагрянувшая ранняя зима сковала корабль сплошным кольцом; напор льдов был столь велик, что корабль в нескольких местах оказался продавленным и его стало заливать, вдобавок начался шторм. Лаптев созвал совет,

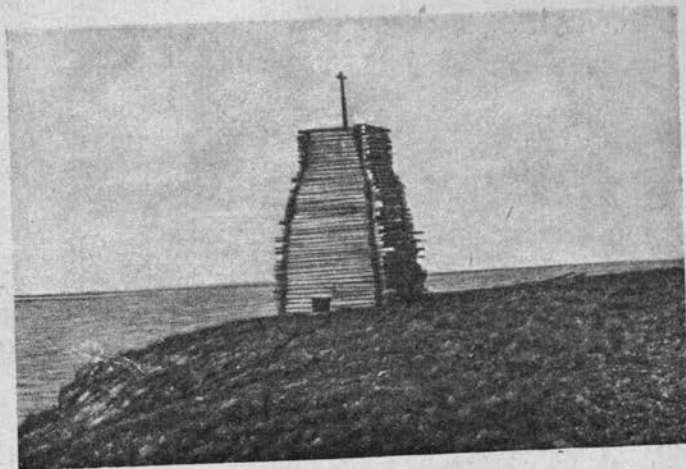
*Остров Беринга
Береговая терраса возле села Никольского*

Под глухой рев бури и непрерывный грохот напивавшего на корабль льда, при тусклом свете ночника, решался вопрос: продолжать ли еще борьбу или немедленно высадиться всем на лед и спастись на берег. Решили высадиться. По счастью, берег был недалеко. Однако положение моряков и на берегу было чрезвычайно тяжелым. Замерзавшие, выброшенные на лишенный жилья берег реки Хатанги, растерявшие по дороге большую часть провианта, моряки жаждали теперь только одного — отогреться. Но средств развести костер не было никаких. Ничего иного не оставалось, как выкопать в мерзлой земле яму и согреваться в общей куче сгрудившихся друг на друга тел. И даже в этих, поистине ужасных условиях Лаптев не только не терял присутствия духа, но не забывал производить научные исследования. Из всех участников описных работ на северных берегах Азии им были доставлены, пожалуй, наиболее ценные сведения по общей географии края. Они охватывали и метеорологию, и наблюдения над приливами, и магнитное склонение, и флору, и фауну, и, наконец, население. Но обогнуть с моря неприступный Таймырский полуостров морякам все же не удалось. Однако для за съёмки берегов Таймыра неудача эта не имела значения. На следующий год Челюскин достиг наиболее северной точки Азиатского материка, названной им Северо-восточным мысом ($77^{\circ}43'$). В честь исследователя мыс получил впоследствии наименование «мыса Челюскина».

Остается сказать еще несколько слов о работе последнего восточного отряда. Его начальнику Ласиниусу предписывалось, пройдя Беринговым проливом, плыть на Камчатку или к устью реки

Анадыри. По числу жертв партия Ласиниуса из всех отрядов Северной экспедиции заняла первое место. Уже в первую зимовку в устье реки Хараулаха почти семьдесят пять процентов участников экспедиции во главе с самим начальником, всего тридцать один человек, умерли от цынги. Весною следующего года пополненная новым составом экспедиция все же продолжала работу. Ласиниуса сменил лейтенант Дмитрий Лаптев — брат Харитона Лаптева.

Первый поход Дмитрия Лаптева был неудачен. В новый поход Лаптев, совместно с штурманом Щербининым и шестьюдесятью человеками команды, отправился весной 1739 года. Из Якутска экспедиция направилась вниз по Лене. В этот поход морякам удалось достигнуть только восточного устья Индигирки. На следующий год Лаптев снова решил попытать счастья. С июня стали энергично готовиться к новому походу, решили пробраться в открытое море во что бы то ни стало. Море заманчиво сверкало в расстоянии всего лишь километра от берега, плотно загроможденного грядой льдов. Лаптев решился одолеть это ледяное поле ломami и топорами. Это была беспрецедентная в истории попытка арктического мореплавания. Не покладая рук, работали люди три недели подряд, выворачивая ледяные глыбы толщиной от пяти до семи футов. Наконец одолели. По прорубленному каналу корабль был выведен на свободную воду. Велика была радость моряков, но непродолжительна. Неожиданно лед пришел в движение и стал надвигаться на корабль, увлекая его с собой, пока, наконец, не выкинул его на мель. Снова — работа не легче, чем незадолго до этого проделанная. Чтобы

Остатки маяка Лаптева

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. Начало морской карьеры Беринга. „Докамчат- ский“ период службы Беринга в русском воен- ном флоте	17
II. Первая Камчатская экспедиция Беринга	38
III. Великая Северная экспедиция	126
IV. Плавание Беринга к берегам Америки	147

ИНВ. № 23396

Камч. Обл. Б—на

Ответственный редактор *В. И. Мясников.*
Технический редактор *М. М. Петерсон.*
Корректор *С. И. Шаталов.*

Сдано в набор 23 мая 1939 года. Подпи-
сано к печати 28 сентября 1939 года. Бум.
70×108₁₆. 125 000 тип. зн. в 1 бум. листе.
12¹/₄ печ. л. 3¹/₁₆ бум. л. + 11 вклеек.
10 уч.-авт. л. Тираж 10 000 экз. Изд. № 128.
Инд. П-162. Леноблгорлит № 4717. Зак. 1979.

Типография „Коминтерн“. Ленинград,
Красная ул., 1.

200
100
150
—
450

300
100
100
—
100

